

ЛАБИРИНТ

журнал
социально-гуманитарных
исследований

№ 2

(май - июнь 2012)

www.journal-labirint.ru

СОДЕРЖАНИЕ

- РЕДАКЦИЯ**
главный редактор
М. Ю. Тимофеев
 (д-р филос. наук)
ответственный секретарь
Д. С. Докучаев
 (канд. филос. наук)
редакционная коллегия
- Д. Н. Замятин* (канд. геогр. наук, д-р культурологии)
 Москва, Россия
- А. В. Зобнин* (канд. ист. наук)
 Иваново, Россия
- О. В. Карпенко*
 Санкт-Петербург, Россия
- М. П. Крылов* (д-р геогр. наук)
 Москва, Россия
- М. А. Литовская* (д-р филол. наук)
 Екатеринбург, Россия
- Д. В. Маслов* (канд. экон. наук)
 Иваново, Россия
- Б. Оляшек* (д-р филол. наук)
 Лодзь, Польша
- И. Л. Савкина* (д-р философии)
 Тампере, Финляндия
- В. М. Тюленев* (д-р ист. наук)
 Иваново, Россия
- В. П. Хархун* (д-р филол. наук)
 Киев, Украина
- О. В. Шабурова* (канд. филос. наук)
 Екатеринбург, Россия
- В. Г. Щукин* (д-р филол. наук)
 Краков, Польша
- 3** *СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА*
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- 4** **А. С. Макарычев** Городская идентичность и историческая память: политический Берлин в образах и нарративах
- 14** **С. И. Погодина** Московский журнал «КукАрт» (1990-е – 2000-е): попытка ревизии куклы
КУЛЬТУРНАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ
- 28** **М. П. Крылов, А. А. Гриценко** Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации
- 42** **Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов** Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция»
ИСТОРИЯ
- 61** **Е. Е. Красноженова** Жилищное строительство в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны
- 66** **К. К. Абдрахманова** Жилищно-бытовые условия в Центральном Казахстане (1945-1953 гг.)
ДИСКУССИЯ
- 78** **А. В. Зобнин** GR-менеджмент на новом этапе развития
РЕЦЕНЗИИ
- 87** Тихомиров А. М. Иваново. Иваново–Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. – Иваново: ИД «Референт», 2011. – 328 с., ил.
- 88** Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семенов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 208 с.
- 92** Зобнин А. В. Информационно-аналитическая работа в государственном и муниципальном управлении: учебное пособие. М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2011. — 120 с.
СОБЫТИЯ, ХРОНИКА
- 95** Советский мир: конформизм и конформисты. Междисциплинарный теоретический семинар. Екатеринбург, 12 апреля 2012 года
- 108** *АННОТАЦИИ*
- 112** *SUMMARIES*
- 115** *СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*

e-mail:
editor@journal-labirint.com
 ISSN 2225-5060

Издатель: Докучаева Наталья Александровна
Адрес издательства:
 153005, Россия, г. Иваново, улица Шошина 13-56

Электронная копия сетевого научного издания
 «Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований»
 размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.cceol.com, www.indexcopernicus.com, www.journal-labirint.com

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Перед вами 2-й номер журнала «Лабиринт». На наш взгляд он получился достаточно цельным. Это последний номер, не имеющий главной темы. Мы продолжаем поиск своей ниши среди российских научных изданий, ищем своих авторов и читателей. Приходившие на мой адрес отзывы существенно уступают по своему количеству просмотрам первого номера. Оценки были исключительно положительными, что меня несколько настораживает. Пусть следующие номера не оставляют вас равнодушными в ещё большей степени, а критические отзывы помогут нам сделать «Лабиринт» лучше.

Несмотря на слухи о конце времён, мы думаем о планах на 2013 год. Тематика запланированных номеров закольцована рамками времени и пространства, между которыми мир человека. Возможно, что мы скорректируем планы. Будем рады, если вы поможете нам сделать это. Пока же тематические выпуски формулируются так:

№1 "NEXT: предчувствие будущего"

№2 "Власть языка / язык власти"

№3 "Смех и пафос в жизни человека"

№4 "Тело города: пространство образов и мифов"

№5 "Пространство в движении: путешествие, паломничество, туризм"

За прошедшее после выхода первого номера время журнал был включён в [Российский индекс научного цитирования](#) и [международный индекс «Коперник»](#), его можно теперь найти в [Центрально и Восточно-Европейской онлайн-библиотеке](#).

С наилучшими пожеланиями,

Михаил Тимофеев,

доктор философских наук,

главный редактор сетевого издания

«Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований»

КУЛЬТУРОЛОГИЯ**А. С. Макарычев****ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕРЛИН В ОБРАЗАХ И НАРРАТИВАХ**

С недавнего времени в академической литературе начали появляться рассуждения о том, что современная политика всё чаще артикулируется и пополняется новыми смыслами скорее визуально, чем вербально. Соответственно, её коммуникационные возможности выражаются не столько словесными, сколько образными аргументами, которые с большей вероятностью приобретают характер «иконических, автоматических и саморазумеющихся» посланий и символов, адресованных различным социальным группам, в том числе и далёким от политики [6, с. 448]. Объясняется это тем, что политический дискурс как таковой оказывается функционально не(само)достаточным для глубокой публичной рефлексии на общественно значимые темы, наполненные глубокими социальными и политическими смыслами. Именно поэтому он дополняется параллельными нарративами, выраженными в форме поддерживающих его культурных и образных репрезентаций. Носят они ярко выраженный публичный характер (уличные экспозиции, перфо(р)мансы, выставки, музеи и пр.), что подчёркивает их предназначенность для массового потребления в условиях плотно структурированной городской среды. Городское пространство, таким образом, представляет собой дискурсивно выраженный «семантический порядок» [2, с. 62], или текст, подлежащий различным прочтениям.

В настоящей статье я буду исходить из предположения о том, что необходимым условием дискурсивной гегемонии является сочетание различных жанров (модальностей), в данном случае – политического (по своему происхождению, то есть генерируемого и распространяемого политическими фигурами) дискурса и языка визуализированных образов. Эта комбинация насыщает наши знания смыслами, которые в процессе «разговоров о политике» постоянно переозначаются и контекстуализируются [4, с. 317—318]. Любое производство современного знания предполагает определённую трансформацию исторических смыслов и их помещение в новые пространственные и эпистемологические контексты [5, с. 345—350]. Взаимное проникновение, «встреча» этих жанров делает интересной проблему «перевода» смыслов из одного языкового и жанрового регистра в другой, а также их неизбежное переплетение. Например, культурная жизнь Берлина чутко реагирует на любые изменения политической ситуации в масштабах всей Европы: ставшая политически актуальной в 2011-2012 годах тема германско-польского сближения моментально получила своих культурных «двойников», помо-

гающих перевести межправительственные договорённости на образно-символический язык, понимаемый и разделяемый в обществе (германско-польский литературный диалог, фотовыставки польских мастеров, многочисленные гастролы польских театров, фестивали польских фильмов, культурный проект «Берлин — Варшава» и пр.)

Городское пространство европейских столиц, особенно освобождающихся от наследия ушедшего прошлого, может быть организовано очень по-разному. Есть пример Будапешта, где все памятники советской эпохи были собраны в одном парке и стали одним из элементов туристического пейзажа города. Есть более конфликтный пример Таллинна, где перенос монумента Бронзового солдата из центра города на военное кладбище привёл к межгосударственному конфликту между Эстонией и Россией. На этом фоне у Берлина, одного из центральных и наиболее политизированных городов Европы, есть своя специфика, отразить которую мы и попытаемся в данном эссе.

Исторические свидетельства и политические субъектности

Практики коммеморации можно изучать сквозь призму подходов, развиваемых итальянским политическим философом Дж. Агамбенем, который обращает внимание на то, что дискурс памяти существенно отличается от других дискурсов физическим отсутствием коллективного «говорящего субъекта». Это особенно ярко проявляется, когда речь идёт о современном звучании «голосов» жертв фашизма, от имени которых построено множество различных дискурсов идентичности. В рефлексии о «жизненном пространстве» национал-социализма, обернувшись «пространством смерти», чрезвычайно трудно дать однозначный ответ на, казалось бы, простой вопрос о том, «кто и от чьего имени говорит». Конечно, можно сказать, что тем самым «говорящим субъектом», от имени которого выстраивается дискурс коллективной памяти, является современное германское государство, несущее в себе историческую ответственность за преступные действия времён фашизма и понимающее важность демонстрации публичного признания вины и покаяния за неё, особенно на фоне регулярно обостряющейся по всей Европе проблемы правого экстремизма. Однако за голосом и жестами покаяния государства (хрестоматийным примером чему является запечатлённая на многих исторических экспозициях фотография канцлера Вилли Брандта, неожиданно для многих вставшего на колени в 1970 году при посещении польского мемориала жертвам нацизма) слышатся и другие голоса тех социальных групп, для которых исторический дискурс является важнейшим ресурсом становления их собственной субъектности. Дж. Агамбен видит один из эффективных способов исследования этой ситуации в обращении к концепции архива, описанной Мишелем Фуко. Находясь между языком (тем, что так или иначе высказано) и материальными (и потому не обязательно вербализированными) свидетельствами ушедшей эпохи, архив вбирает в себя всю массу фрагментов памяти, выраженных и не выраженных словами, сказанных

(«проговорённых») и не сказанных. Однако сама конструкция архива предполагает исчезновение либо «растворение» субъекта, который вполне может оставаться анонимным и часто сводится к некоему набору актуализируемых функций. Поэтому Дж. Агамбен вводит в свой лексикон понятие «свидетельство», которое означает способность к реализации «речевого акта» в условиях его невозможности по причине физической гибели субъекта. Метафорическая фигура «свидетеля», по Агамбену, создаёт и передаёт смыслы от имени тех, кто лишён непосредственной возможности говорить, но происходит это не автоматически, а в сложном контексте, состоящем из массы факторов, которые как способствуют, так и препятствуют появлению «речевых актов». Применительно к контексту моего анализа это следует понимать в том смысле, что «свидетельский» дискурс всегда подвижен и носит вероятностный характер, но он является ключевым «оператором» новых политических субъектностей.

Конечно, отнюдь не все идеи Агамбена следует безоговорочно принимать. Так, его мысль о том, что в современной культуре «пространство города» заменяется «пространством лагеря» [1, с. 83], смотрится очевидно некорректно и несправедливо по отношению к предмету моего анализа — Берлину, где именно память о лагерном прошлом Германии времён фашизма является одним из важных генеалогических условий для формирования городской культуры свободы, плюрализма и уважения к разнообразию. Так, музей «Опыты границы», открытый на месте так называемого Дворца слёз на вокзале Фридрихштрассе, является жестом, обличающим ГДРовский режим как лагерное пространство всеобщего надзора и контроля, разрушившее не одну тысячу человеческих жизней. Вся визуально воссоздаваемая семантика периода насильственного раздела города на две части (стена как символ непреодолимого препятствия к свободе, практика выкупа политических заключённых западногерманской стороной и пр.) пропитана почти средневековой архаикой, взломанной современными процессами интеграции и расширения пространства свободы.

Другая идея Агамбена тоже нуждается в критической рефлексии. Так, он пишет: «Нельзя признать здоровой ситуацию, при которой культура настолько заиклена на символизируемых знаках своего прошлого, которые в качестве фантомов сохраняются, а не предаются прошлому, поскольку все знаки современности нестабильны и несут с собой беспорядок» [1, с. 94]. Но такая ситуация типична для многих стран, переживших тоталитарное прошлое и идентичности которых строятся именно на актуализации исторической памяти в качестве основы конструирования нового политического сообщества. Среди некоторой части европейских социальных конструктивистов (Т. Диетц, П. Йонниemi, Вяч. Морозов и др.) недавно была популярна идея о том, что если на протяжении второй половины 20 века Европа строила свою новую, интегративную идентичность по контрасту с обобщённой фигурой коллективного «Внутреннего Другого», находя истоки инаковости в собственном историческом прошлом, то в 21 веке Европа выносит «Большого Другого» за свои, противопоставляя свою идентичность

внешним субъектам (России, Турции или Америке). С нашей точки зрения, такая схема не подтверждается опытом Германии, которая как раз наоборот вполне определённо и настойчиво выводит своё сегодняшнее коллективное «Я» из дистанцирования со своим трагическим прошлым, и при этом пытается в принципе размыть реальность «внешних других», сделав их частью своей социальной и культурной среды, что весьма наглядно подтверждается космополитическим опытом современного Берлина.

История Берлина и берлинские истории

Говорить о соотношении памяти и идентичности вне знакового и символического контекстов вообще невозможно. Наверное, нет лучшего места для дискуссии о «политике памяти», чем Берлин, который сам по себе является плотно насыщенным смыслами пространством исторических образов и нарративов. Берлин — это город, который нужно читать, как мы читаем тексты, наполняя их своими мыслями. Он знает и коммерческий подход к недавнему прошлому (осколки Берлинской стены – один из самых популярных местных сувениров), и ностальгическое — или, возможно, просто политкорректное? — возрождение элементов повседневной урбанистической культуры ГДР (изображение зелёного человечка, которое использовалось на светофорах в восточном Берлине, стало культовой фигуркой в сегодняшней немецкой столице). Здесь же присутствуют и явно метафорические уличные скульптуры: например, посреди Курфюрстендам красуется огромное изображение нескольких кабелей (или шлангов?), разорванных и одновременно переплетенных друг с другом, что, вероятно, символизирует разрывы и сцепления немецкой истории.

Концепция исторических референций в Берлине носит принципиально публичный характер. Выставки исторических фотографий можно увидеть как на улицах города (например, в районе Чекпойнт Чарли или в Парке Стены), так и в метро (станция «Бранденбургские ворота» представляет собой экспозицию, рассказывающую об этом наиболее символически значимом месте Берлина сквозь призму разных эпох, особенно холодной войны).

Политизация представлений о прошлом представлена и в виде сосуществующих друг с другом многочисленных историй Берлина. Берлинская идентичность поддерживается многими взаимно переплетающимися дискурсами, которые приобретают относительную фиксированность («сидиментируются», если использовать терминологию Э. Лаклау) в двух «узловых точках». Во-первых, это символизированная память о травмах, нанесённой городу фашистским режимом и последовавшим за его крушением физическим разделом на две части и, во-вторых — либеральная толерантность, являющаяся своего рода «визитной карточкой» Берлина как космополитического мегаполиса эпохи глобализации.

Берлин — одна из самых политизированных столиц Европы. Этот город в течение многих лет находился в центре глобального (как геополитического, так и нормативного) противо-

стояния Востока и Запада, будучи местом, в котором сходились военные устремления и силовые амбиции всех мировых держав. Эта центральность Берлина для глобальной политики второй половины 20 века превратила само название города в яркую метафору, наиболее убедительно артикулированную в знаменитой фразе президента Джона Кеннеди «Я — берлинец». Эти слова, сказанные в разгар Холодной войны, означали, что для США сдерживание СССР в Берлинском вопросе было ключом к свободе всего Запада. Музей Кеннеди в центре Берлина служит важным способом идентификации Берлина как столицы объединённой Германии с евро-атлантическим сообществом, ключевым означающим которого является демократия и свобода.

Ту же функцию выполняет и Музей союзников, излагающий историю Второй мировой войны с евро-атлантических позиций, то есть как историю противостояния двух диктатур — национал-социалистической и коммунистической. Музей союзников увязывает открытие второго фронта с таким нормативным означающим, как восстановление демократии в Европе. Такая трактовка истории ставит под вопрос российскую версию об освобождении стран Восточной и Центральной Европы Советской Армией. По сути, экспозиция подтверждает, что есть два различных вида «освобождения» и, соответственно, два различных результата.

Музейное пространство Берлина представляет собой тесное переплетение различных дискурсов, большинство из которых носит расширительный характер и седиментируется вокруг ряда означающих, таких, как «демократия», «свобода», «права человека». Наиболее широкую трактовку дискурсивно-образного пространства, образуемого ими, даёт музей Чекпойнт Чарли, который, несмотря на своё нарочито узко локализованное во времени и пространстве название, по сути представляет собой ретроспективную экспозицию различных форм ненасильственного сопротивления несвободе — от буддизма до правозащитного движения в СССР и РФ. Именно этот широкий контекст объединяет такие различные, но связанные друг с другом логикой расширения пространства свободы, процессы новейшей истории, как падение Берлинской стены, расширение НАТО, «дела» С. Магницкого, М. Ходорковского, А. Политковской, С. Маркелова, А. Бабуриной и Н. Эстемировой. Музей, по сути, представляет собой точку кристаллизации гражданской активности (в нём можно поставить подпись под обращением об освобождении М. Ходорковского и П. Лебедева) и символической солидарности с различными формами эстетического сопротивления репрессивным режимам, в число которых, согласно концепции музея, входит и режим В. Путина. Экспонаты — от карикатур и календарей с московскими студентками, задающими неудобные вопросы В.Путину, до собственноручных записей М. Ходорковского, сделанных во время судебных заседаний, и детских фотографий С. Магницкого — представляют собой чётко выстроенный ряд политических обвинений в адрес Кремля, выраженный на гуманитарном по форме, но глубоко политическом по содержанию языке.

В то же время в музейной семантике Берлина можно увидеть уникальную попытку найти общий подход к оценкам исторических событий — речь идёт о германо-российском музее в Карлсхорсте. Предлагаемый им нарратив о Второй мировой войне нельзя назвать политкорректным (в экспозиции музея можно увидеть фотографии черкесского эскадрона со свастикой, упоминания о коллаборационизме среди приволжских татар, азербайджанцев, украинцев и прибалтов), но он старается найти честный «свидетельский язык», приемлемый для обеих сторон сегодня (пусть даже для России он пока и носит характер «экспортного варианта»). Фотографии советских солдат, пристающих к молодой немке на улице Берлина и отнимающих велосипед у другой — это реальные сцены мая 1945 года, на художественном языке уже отрефлексированные в фильме «Безымянная. Одна женщина в Берлине». Музей не делает тайны и из далеко не всем известных цифр: от 800 тысяч до миллиона граждан СССР служили в немецких войсках в качестве «добровольных помощников» нацистской Германии. Подобного рода статистические факты, сопровождаемые визуальными подтверждениями, делают нас свидетелями более объёмного и менее однозначного нарратива о войне, только в рамках которого и возможно обсуждение тем, многие десятилетия замалчивавшихся и находившихся за пределами общественного внимания и государственного интереса. Например, сотни тысяч советских граждан, прошедших через немецкий плен, по возвращении на Родину столкнулись с преследованием и агрессивным недоверием со стороны советских властей¹. Другой печальной, но тоже нуждающейся в критической рефлексии, темой является политика СССР на оккупированных территориях. Вот что по этому поводу говорится в путеводителе по мемориальному комплексу Цайтхайн: «Индивидуальная память советским жертвам не была возможной, так как известные ещё в 1945-46 годах фамилии умерших не были указаны и, следовательно, утрачены. Анонимность жертв стала выражением пренебрежительного отношения к бывшим советским военнопленным на их родине. Память о них, прозванных там предателями Родины, чтили лишь как память о безымянных жертвах фашизма. Официальная память о жертвах лагеря для военнопленных до 1990 года вообще не учитывала несоветских пленных».

Эта цитата выводит нас на сложную тему, касающуюся индивидуализации памяти. Мемориальный комплекс жертвам Холокоста в Берлине даёт прекрасный пример фиксации в коллективной памяти индивидуальных трагедий миллионов невинных жертв гитлеровской военной машины. Небольшой берлинский музей «Молчаливые герои» в деталях описывает подвиг тех, кто на свой страх и риск спасал от репрессий и гибели немецких евреев в 1933-1945 годах. Музей Отто Вайдта реконструирует небольшую мастерскую, в которой этот берлинский предприниматель полулегально давал работу слепым и глухим евреям, и тем самым сохранял им жизнь и человеческое достоинство в период национал-социализма. Музей Анны Франк представляет собой реконструкцию отдельной судьбы еврейской женщины, исковерканной и изуродованной войной.

Музей «Топография террора» делает мягкий акцент на две темы, широко распространённые в массовом общественном сознании — на преследовании нацистами евреев (отсюда — тема Холокоста) и сексуальных меньшинств. Эта — та биополитическая точка культурного пейзажа, которая соединяет исторические нарративы и современные представления о толерантности, являющиеся не менее важной основой берлинской идентичности. Ту же роль выполняет и Дом конференции в Ванзее, в котором в 1942 году высшее руководство нацистской Германии проводило совещание, положившее начало массовому геноциду евреев во всей Европе.

В этом смысле можно сказать, что сам принцип организации исторических музеев в Берлине формирует широкую нишу для частной памяти, которая может как дополнять собой общую, коллективную память, так и выступать ей альтернативой. Эта альтернативная функция индивидуальной памяти, прослеживаемой и поддерживаемой в отношении конкретных людей, семей и групп, формирует ситуацию плюрализма памятей, а также игры политизации (в форме чёткой расстановки акцентов между добром и злом) и деполитизации (в виде обращения к ценности жизни как таковой, вне зависимости от её этнической, религиозной или социальной привязок).

Актуальный политический контекст этой проблемы состоит в том, что отрицание Холокоста представляет собой форму фальсификации истории, однако её источники следует искать не только за пределами Европы (например, в Иране): известно, что в самих странах Запада есть множество тех, кто сомневается в реальности Холокоста и считает его пропагандистской выдумкой еврейской общины. За такие «сомнения» во многих странах Европы предусмотрено уголовное наказание².

Другой важный контекст проблемы актуализации памяти о наиболее трагичных страницах германской истории 20 века связан с глубокой обеспокоенностью, существующей в германском обществе, в отношении возрождения авторитарных практик. Фильм Денниса Ганзеля «Волна» («Die Welle») — самая яркая кинематографическая репрезентация ощущения тонкости той грани, которая отделяет историческое прошлое от сегодняшнего дня. В этом смысле показательно, что ряд музейных комплексов (в частности, Документационный Центр нацистского трудового лагеря, расположенный на Бритцер-штрассе) представляют собой своего рода шрамы на теле города: казармы этого Центра встроены в современную структуру города именно как реликт его травматической памяти. Соседство с типичными для любого города магазином и автостоянкой только подчёркивает зловещий подтекст этого места памяти, который можно ощутить именно по контрасту с современной городской средой космополитического Берлина.

То же самое можно сказать о надписях советских солдат на покорённом в 1945 году рейхстаге, которые были восстановлены и сейчас находятся внутри здания германского бун-

дестага, буквально напротив залов для заседаний и кабинетов первых лиц государства. Сам факт решения парламентариев об увековечении этих следов трагического прошлого является актом его интернализации, апроприации, включения в сегодняшнюю действительность. Этот жест политической педагогики, помимо внутренних эффектов, имеет один внешний – он препятствует тотальной экстерииоризации Советского Союза, который в этом семантическом контексте фигурирует скорее как источник и воплощение заслуженного возмездия («немцы заплатили сполна» — гласит одна из надписей на русском языке в бундестаге, тщательно обработанная раствором против повреждений), чем как вражеский Другой.

Война. Раскол. Травма

Травма трагического раскола времён Холодной войны до сих пор продолжает оставаться ключевым семантическим элементом конструирования берлинской идентичности. Холодная война привела к линии раздела между Западом и Востоком, и Берлин стал единственным городом, по «телу» которого эта линия прошла со всей безжалостной силой.

В этом смысле ГДР на «когнитивной карте» Берлина играет роль «исторического Другого», в отношении которого возможны и необходимы различные языки описания. Один из них носит «мягкий», интерактивный характер, стирающий остроту дистанций (историческую, политическую, эстетическую) между ГДР и современной Германией. «Музей ГДР» — это площадка для интерактивного общения с историей и скорее для её игрового переживания, чем тотального отторжения. Он предлагает посетителям артефакты несуществующего (преодолённого) государства (одежду, пищу, запахи, предметы индустриального потребления и т.д.). Посетители здесь могут увидеть инсценированных агентов Штази, подслушивающих чужие разговоры и проводящих допросы задержанных, «проголосовать» на выборах в парламент ГДР и «пройти практику» на одном из социалистических предприятий. Всё это снимает травму раскола её игровым отрицанием.

Совершенно другой нарратив представлен в Музее Штази, жёстко дистанцирующим восточногерманский режим не только от западногерманского, но и в более широком смысле — от европейских норм политики и общественной морали. Этот музей не только визуализирует, но и персонифицирует эпоху почти 30-летнего раздела Берлина, сопровождавшегося расстрелами граждан, пытавшихся перебраться в западную часть, и репрессиями в отношении немцев, не лояльных социализму. Этот нарратив, вспоминаящий поимённо как невинных жертв репрессий, так и их палачей, невозможен в рамках современного политического дискурса с его высоким уровнем обобщения и фокусировкой на проблемах «большой» («высокой») политической значимости. Но без обращения к иллюстрациям каждодневной жизни и бытовым сценам прошлого осуждение репрессивного режима не достигнет нужного эффекта и может остаться исключительно в сфере политических концептов, удалённых от большинства на-

селения. Именно поэтому массовая «политическая педагогика» столь важна для понимания сути тоталитарных режимов, требующего не только академического изучения и политических оценок, но и восприятия относительно деполитизированным обществом визуальных (а потому приближенных к сегодняшней реальности) артефактов (фотографий, газетных статей, документов). Например, в экспозиции в Немецком историческом музее ГДР экспонируется как составная часть общей истории, требующая при этом особых оценок. Например, достижения восточногерманских спортсменов признаются, но объясняются интенсивным употреблением допинга. А фотография целующихся Эрика Хонеккера и Леонида Брежнева, ставшая одним из «хитов» Берлина, вносит новые краски в исторический нарратив, доводя его до гротеска и придавая бахтинские черты «карнавальной культуры смеха». Явно субтильный взгляд советского солдата, портретное изображение которого красуется на Чекпойнт Чарли — визуальное свидетельство внутренней слабости, неаутентичности империи, покидавшей ГДР.

Параллельные языки и культурное разнообразие

Как мы упомянули выше, берущие своё начало в академической сфере термины, насыщающие пространство большой политики геополитическими смыслами, в качестве условия своего публичного функционирования требуют «двойников» в виде образов и свидетельств, визуализирующих политические концепты и переводящих их в плоскость современного городского дискурса. Так, идея «концерта великих держав» и его пределы наиболее зримо представлены экспозицией Музея Союзников, который демонстрирует как подвижность военных образов «своих» и «чужих», так и наличие под ними ценностного фундамента. Другая концепция — баланса сил — репрезентируется в виде запечатлённых свидетельств танкового противостояния между СССР и США в районе Чекпойнт Чарли. Смысл академического концепта «безопасность» иллюстрируется экспозицией музея «Подземный Берлин», демонстрирующего все элементы обстановки экзистенциального страха времён Второй мировой и Холодной войн, включая подземные бункеры и убежища, тёмные лабиринты и укреплённые туннели, и т.п. Но наиболее объёмно в семантическом пространстве берлинских музеев «расшифровывается» концепт суверенной власти, о котором написаны горы научных книг. Тезис многих политических философов о том, что суверенная власть, являясь основой существующего порядка (режима), одновременно стоит над ним, подробно и в деталях визуализируется свидетельствами легализации очевидно незаконных практик тоталитарными государствами. Берлинские музеи наглядно демонстрируют биополитические основы нацистского режима, в массовом масштабе осуществлявшего власть в отношении «биологических тел» людей. Сам процесс осуществления такой власти актуализирует поднятый М. Фуко вопрос о различиях между человеческим и нечеловеческим, монструозным. Биополитическая машина фашизма не ассимилировала раз-

личия, а уничтожала их, создавая гомогенное пространство тотального подчинения, основой которого было прочерчивание различий между «нормой» и «патологией» [3, с. 89].

Соответственно, отказ от прочерчивания жёстких различий между социальными группами и их идентичностями можно рассматривать как важнейший элемент эволюции власти в сегодняшней Европе в целом и Германии в частности. Мир без разграничительных линий и конститутивных запретов — это и есть формула дискурса толерантности, которым живёт сегодняшний Берлин. Стоп-кадр ноги человека, пересекающего уже не существующую (и поэтому почти не заметную) границу, отделявшую Западный Берлин от Восточного, является художественным символом, далеко выходящим за пределы смыслов, связанных с Берлинской стеной. Этот моментальный фотокадр представляет собой метафору глобального (трансграничного) мира, воплощением которого является Берлин и который возможен только как мир открытости и толерантности к любым различиям — культурным, языковым, этно-религиозным, гендерным, сексуальным. Как и любой европейский город, Берлин — место многочисленных кросс-культурных площадок, обменов и оттоков, репрезентирующих как интерес ко всему внешнему, так и культуру диалоговых встреч с инаковостью.

Заключение

Музейное пространство Берлина, таким образом, представляет собой множество взаимно переплетающихся нарративов, каждый из которых уходит корнями в ту или иную интерпретацию истории. С нашей точки зрения, именно ярко выраженный эстетический компонент этих нарративов даёт сильный политизирующий эффект, который, в отличие от более традиционных посланий, исходящих от официальных властей, «спускается» не сверху вниз, а функционирует внутри самого общества, как составная часть его постоянного процесса переосмысления и переопределения. Само стирание дистанции между историей и современностью является приглашением к дебатам о ключевых политических вопросах — о добре и зле и границе между ними, о политическом сообществе и его контурах, о соотношении универсальных принципов нормативности и морали и частных идентичностей, и т.д. Язык этих дебатов существенно отличается от языка государственно-политического дискурса большей креативностью, визуализацией, аутентичностью и достоверностью. Именно на основе этих языков исторического самоописания и возникают (либо обновляются) как генеалогии актуальных политических смыслов, так и новые городские идентичности, исторически привязанные к местам памяти, но глубоко космополитические и транс-национальные по своему духу.

Список использованной литературы и источников

1. Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1998. — 228 p.
2. Agamben G. Infancy and History. On the Destruction of Experience. — London and New York: Verso, 2007. — 256 p.
3. Edkins J. Whatever Politics // Giorgio Agamben: Sovereignty and Life / Edited by Matthew Calarco and Steven DeCaroli. — Stanford, CA: Stanford University Press, 2007. — 296 p.
4. Gad U. P., Petersen K. L. Concepts of politics in securitization studies // Security Dialogue. N 42 (4—5). August – October 2011. — Pp. 315-328.
5. Stritzel H. Security, the translation // Security Dialogue. N 42 (4—5), August – October 2011. — Pp. 343-355.
6. Tjalve V. S. Designing (de)security: European exceptionalism, Atlantic republicanism and the 'public sphere' // Security Dialogue. N 42 (4-5). August-October 2011. — Pp. 441-452.

¹ Аналогичная тема о судьбах советских женщин, вступавших в связь с немцами, кстати, только относительно недавно стала предметом внимания в России (фильм Веры Глаголевой «Одна война» — одна из первых попыток поднять этот сюжет на языке кинематографического нарратива).

² Именно такой подход решили воспроизвести недавно на Украине, предложив ввести преследование тех, кто ставит под вопрос реальность голодомора как сознательной политики руководства СССР по истреблению украинской нации. Заразительным оказался этот пример и для российской элиты, в недрах которой родилась идея о введении наказания за отрицание победы СССР в Великой отечественной войне.

С. И. Погодина

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ «КУКАРТ» (1990-2000-е):

ПОПЫТКА РЕВИЗИИ КУКЛЫ*

Статья Ю. М. Лотмана, посвященная проблеме куклы в системе культуры, впервые была написана в 1978 году специально для второго номера журнала «Диалог искусств»¹ по специальной просьбе И. Уваровой. Тот номер журнала «ДИ» было решено посвятить проблеме и прагматике куклы в рамках широкого культурного диалога. Написанный текст тогда не удовлетворил Ю. М. Лотмана, и номер так и не вышел, — но уже по идеологическим соображениям — печатать такие статьи как «Петрушка на фронте» в месяц празднования годовщины соз-

дания Красной Армии было запрещено редактору. По воспоминаниям И. Уваровой: «Главное: мы обратились в Тарту к самому Ю. М. Лотману, и он согласился написать для нас о кукле в культуре. И написал. Оказалось мало — Лотманы отозвались на кукол куда более горячо, чем мы могли рассчитывать: Зара Григорьевна Минц написала о Прекрасной даме, они же прислали работу своей аспирантки о кукле у Тынянова. Все это вошло в памятный номер «ДИ» — который все-таки вышел, и тогда стало ясно, что открывается перспектива для журнала с лотмановским ракурсом: кукла в культуре» [8, с. 51]. Таким образом, родилась дискуссия, позволявшая говорить с научной, семиотической, социологической точек зрения о таких предметах как феномен и феноменология куклы в рамках мировой культуры. Значимость сюжетики куклы в культуре и — уже — славянской словесности неоспорима, так как кукла входит в семиотическую систему мировой культуры. Изначально будучи объектом фольклорно-го/архаического сознания и используемая в ритуально-обрядовых и игровых практиках, с развитием письменности и литературы кукла вошла в сюжеты и тематики писателей и художников различных культур. Оставляя за скобками данной статьи проблему репрезентации куклы в литературных/фольклорных контекстах и конвенциях, обратимся к не описанному до сегодняшнего дня сюжету — опыту включения куклы в периодику, попытке сделать куклу предметом и темой целого журнального сборника. Иными словами, в центре сюжета данной статьи будет попытка осмысления опыта московского журнала «КукАрт» по ревизии куклы в контексте системы мировой культуры. Подобная попытка описания бытования куклы в разных по своим семиотическим характеристикам пространствах — театральном, литературном, живописных практиках — является уникальной по своей сути. Эта уникальность выявляет широкие аспектуальные возможности для научного исследования, очерчивая обширный круг вопросов данной проблематики. Понятие *ревизия* этимологически происходит от латинских глаголов *revisio* — *revidere*, где семантически вычленяются префикс *re* — «обратно, опять, снова» и глагол *videre* — видеть. Для нас в данной статье будет основополагающим понимание в термине «ревизия» семантики *вновь/снова увиденного* и именно через эту трактовку слова проходит процесс осмысления феномена куклы, куклы как вещи в периодическом московском издании «КукАрт».

Таким образом, целью настоящей статьи становится кросскультурный анализ феномена куклы через опыт периодического журнала «КукАрт», с начала 1990-х и до середины 2000-х проводившего ревизию куклы, т.е. публикуя тексты, статьи и репортажи, связанные с проблемой куклы в семиотической системе культуры. Принцип выделения тех или иных тематических аспектов, в рамках которых проходит ревизия куклы, позволяет акцентировать значимые для исследования куклы культурные дискурсы — будь то пространство русского авангарда, или рассмотрение феномена куклы-манекена в современной городской культуре.

Московский журнал «КукАрт» начал выходить в самом начале 90-х годов XX века. Учредителями журнала стали Лига кукольников и СТД СССР; в редколлегию журнала при его создании входили Р. Агур, Р. Габриадзе, З. Гердт, Х. Юрковский. Идеологом журнала и его главным редактором выступила И. Уварова, известный театровед и культуролог. В числе первых авторов журнала значились Г. Ариевич, Д. Годер, М. Гуревич, Ю. Маринова, В. Новацкий, С. Шац, О. Купцова. Использованный в названии журнала русско-английский неологизм дает возможность авторам концепции журнала подчеркнуть сюжетный аспект издания — кукла в широком смысловом пространстве искусства. Будучи специализированным и экспериментальным изданием, журнал выходил ограниченным тиражом.

В 2004 и 2008 годах на основе «КукАрта» были изданы еще 2 специальных номера — журналы «Маска. Кукла. Человек. Материалы лаборатории режиссеров и художников театров кукол под руководством И. Уваровой» (Москва, 2004) и «Кукла. Материалы лаборатории режиссеров и художников театров кукол под руководством И. Уваровой» (Москва, 2008). В журналах были опубликованы научные, художественные и публицистические статьи, охватывающие «кукольную» тематику в самых различных ее аспектах.

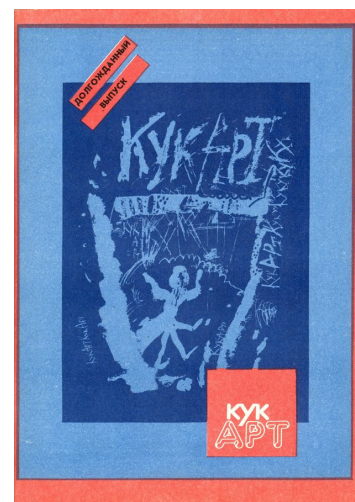
Очерчивая риторiku журнала «КукАрт», авторы пишут во вступлении в «КукАрте» № 1: «Кукарт» — это первый в нашей стране сборник, посвященный куклам. «Кукарт» — это все: от кукольного театра и мультипликации до наскальных рисунков, огородных пугал и детских пупсов. «Кукарт» — это изумительное открытие для любого иностранца, интересующегося искусством, ведь куклы владеют всем — самым «диким» авангардом, самым изысканным эстетством, чистым примитивом, тонкой стилизацией и простодушным детством» [5, с. 1]. Уникальность журнала видится в его попытке собрать и критически осмыслить богатый пласт мировой культуры через феноменологию и прагматику образа куклы, выявив аспектуальные возможности для кросскультурного анализа феномена куклы в мировом культурном контексте.

Первый номер журнала «Кукарт» вышел в 1991 году. Примечательно само время создания и первого издания журнала — переходное, беспокойное, пограничное, — и как пишут сами авторы во «Вступлении трагическом»: «Зачем затеваем мы новый сборник? Когда все летит в тартарары, когда не знаешь, что будет через час — страх несет людей по земле. И вот они покидают дом, страну, театр в конце концов... Значит так: плывет корабль. Бог знает куда. И вот за борт летит бутылка с запечатанной запиской — это и есть наш журнал» [5, с. 1]. Это перекликается с одной из онтологических специфик куклы как пограничного объекта двумирья — актуального и в рамках эстетики и идеологии европейского Романтизма (например, см. «Щелкунчик и мышинный король» и «Песочный человек» Э. Т. Гофмана), и в контексте фольклорного (архаического) сознания, где кукла выступает как пограничный предмет, совмещающий в

себе амбивалентные категории сакральное/профаное, живое/мертвое, одушевленное/неодушевленное.

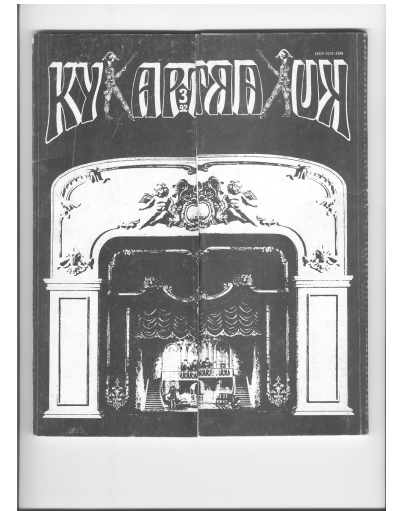
Каждый номер журнала тематически индивидуален и концептуально продуман. Так, вышедший в 1991 году тиражом в 5000 экземпляров первый номер журнала (илл. 1) в основном был сосредоточен на обзоре современных театральных кукольных постановок и процессах, связанных с этой культурной областью. После «Вступлений» помещен отрывок из книги Абрама Терца «Голос из хора» («Мордовские лагеря», впервые издана в Лондоне в 1973 году), где автор упоминает этнографическую заметку из жизни эскимосских женщин, при длительной отлучке мужа делавших его изображение и заботившихся об этой фигурке как о живом человеке. Кукла какместилище человеческой души становится сакральным объектом, и развитие этого мифологического мотива продолжается пафосом последующих текстов первого номера журнала. В первую очередь уделяется внимание именно театральному аспекту кукольной проблематики — за отрывком из текста Терца следует большое интервью с Р. Габриадзе, художником, сценаристом, художественном руководителем театра марионеток. Тема кукольного театра продолжается текстом М. Гуревича «Красная болезнь» о вильнюсской постановке спектакля «Краснуха» В. Мазураса по пьесе С. Гяды, репортажам о фестивалях кукольных театров и театральной жизни в целом («Питер Шуман в Абакане», «Парадоксы», «Наши гости», «Наши взлеты», «Апофеоз», «Репортаж из Томска», «Питер Шуман выступал в Москве», «Три истории, рассказанные Фридманом» и т.д.). Впрочем, помимо репортажей и интервью, авторы журнала пытаются дать и определенный критический анализ феномена куклы — об этом текст совместного доклада В. Новацкого и И. Уваровой «Она родилась вместе с человеком», статьи Х. Юровского «Кукла между ритуалом и театром», критическая статья С. Погадаевой «Механическая эксцентрика баухауза», эссе Питера Шумана «Радикализм театра кукол». Интересен и корпус художественных текстов, размещенных в первом номере журнала. Это достаточно пестрый набор текстов самых разных стилевых направлений, культурного контекста, времени создания. Среди них — отрывки из «Азбуки» Д.А. Пригова, стихотворения Д. Самойлова «Театр моего двора» и И. Иоганна «Стихи про мышей», глава из книги мемуаров Ю. Даниэля «Я бы не смог найти это место на карте...», древнекитайские легенды «Чудесный мастер», «Деревянная собака, умеющая лаять», японская народная сказка «Жалобы кукол». Таким образом, журнал расширяет кукольную проблематику за счет активного включения текстов из багажа мировой литературы и фольклора. Номер щедро снабжен иллюстративным материалом. Безусловная ценность первого номера журнала — в фиксации событий в

области театра кукол, проходивших в самом начале 1990-х, что позволяет ретроспективно увидеть и очертить тенденции и злободневные на тот момент сюжеты.

В 1992 году вышел третий номер, обращенный к сложной и мало исследованной культурологической теме «Домашнего театра». Журнал раскрывает ее во всех смыслах — формат номера концептуально продуман, и страницы раскрываются на манер театрального занавеса в разные стороны (илл. 2), акцентируя роль кукол в пространстве домашнего (городского) быта XIX и XX вв. Польский исследователь Я. Верчинская в статье «Бумажный мир театра» проводит ревизию феномена «бумажных кукол для одевания», который появился в конце XVIII века, именно тогда став, правда ненадолго, явлением массовой городской культуры. Всерьез история бумажных кукол началась в 30-е года XIX века. Исследователь видит причину рождения бумажных кукол в возрастающем интересе к разнообразной одежде, региональным и национальным костюмам, наконец, со стратегией пропаганды современной моды. Изначально предмет взрослого игрового дискурса, примерно в 1860-х бумажные куклы вошли в пространство детской комнаты, примерив на себя игровые функции. В свою очередь бумажный театр морфологически близок этим куклам, хотя он уже целиком принадлежит XIX веку, заключает исследователь. Феномен домашнего бумажного театрального искусства утрачивается на рубеже XIX и XX вв., что Я. Верчинская связывает с изменением зрительских стратегий, читательского отношения к драматургии в целом (пьесы Г. Ибсена, А. Чехова, О. Уайльда принадлежат уже другой эпохе). В этом же номере опубликован текст Н. Геташвили «Заметки непрофессионала», повествующий о домашнем кукольном театре Г. Д. Туманишвили, представителя дворянского рода, физиолога и члена-корреспондента АН Грузии. Эти воспоминания реконструируют феномен домашнего театра второй середины XX века, добавляя тем самым ценный материал в общую картину заявленной проблемы.

Творчество Бориса Биргера — известного советского театрального художника — осмысливается через ряд текстов, освещающих тему домашнего театра художника: об этом статьи Н. Уваровой «Борис Биргер», Ю. Даниэля «Гомер, Гейне, Бернс, Омар Хайям, Руставели, Франсуа Вийон на день рождения Бориса Биргера». Рубрика «Вторжение кукол» продолжается сочинением М. Горелика «Цинциннатов шкаф» и статьей Г. Коваленко «Марионетки Александры Экстер». Рассуждения С. Столярова «Введение в теорию пантеатра» затрагивают важные для мировой культуры проблемы восприятия образов Человека, Маски и Куклы в контексте различных литературных жанров. Завершается третий номер «КукАрт» рубрикой «Тут у нас, там у них» о новостях фестивальной театральной жизни и примечательными комиксами «Даблоиды» концептуалиста Л. Тишкова, иронизирующими над темой двойничества, дубли-

кации, вторичности. Понятие «даблоид» ввел в художественный узуз сам Л. Тишков, создав концепцию даблоида (см. книга «Даблоиды», Има-Пресс, 1991; пьеса «Даблоиды» в журнале «Место печати» № 1, 1992).

Художественные тексты, отобранные для третьего номера «КукАрт» — В. Гете «Из моей жизни. Поэзия и правда», глава «Любимые игрушки» из мемуаров «Мои воспоминания» А. Бенуа, отрывок «Человек с золотым ключом» из «Автобиографии» Г.К. Честертон, фрагмент из книги исследовательницы кукол и театра Н. Я. Симанович-Ефимовой «Теневой театр» подчеркивают ту важную культурную роль, которую играл домашний (кукольный) театр в поэтике городского быта прошлых веков.

В четвертом номере «КукАрт» затрагивает важную проблему «Книга и кукла» (или «Литература и кукла»). Кукла в литературе — одна из важнейших и обширных областей изучения феномена куклы и, безусловно, один номер журнала предполагает лишь краткую ревизию куклы в литературном аспекте. Кукла как образ наиболее ярко репрезентирована в произведениях эпохи Романтизма, и именем Яна Дроссельмейера, персонажа сказки Э.Т. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», открывается четвертый номер журнала (рубрика «Шутки, свойственные театру кукол» — «Ян Дроссельмейер. Письмо советнику медицины г-ну Штальбауму»). Статья Х. И. Рogaцки «Литературная легенда куклы, или как что-то становится кем-то (критическая фантазия)» начинается с цитаты из «Отверженных» В. Гюго, эпизода с куклой, которую дарит Козетте Жан Вальжан. У Гюго образ куклы также носит романтический характер, но поэтика гофманского романтизма уже сменяется французским реализмом. Автор статьи рассматривает образ куклы, познание ее психики в текстах XIX века — на примере романа «Кукла» Б. Пруса, стихотворения «Кукла» Б. Лесьмяна, сочинений «Куклы» Л. Стаффа и «Стеклянного зверинца» Т. Уильямса. Автор верно отмечает значимость категории времени для кукол в литературных текстах: «Мрак ночи удивительно способствует таинственной жизни кукол. Тогда они послушны страсти, а не просто подражают людям... Ночь для кукол — час любви» [7, с. 22], и ссылается на сказочные тексты Г. Х. Андерсена («Цветы маленькой Иды», сказки об Оловянном солдатике, фарфоровой пастушке и трубочисте). Проводя ревизию кукол в польской и европейской литературе, автор затрагивает тематику ужасного-фантастического, любви между человеком и куклой. В тексте А. Чаянова «История парикмахерской куклы, или последняя любовь московского архитектора» даже без авторской приписки («памяти великаго мастера Эрнста Теодора Амедея Гофмана посвящает свой скромный труд автор») отсылка к гофманской поэтике очевидна читателю: мотивы двойничества, преступной любви, фатальных случайностей, роковой любви главного героя к кукле-манекену взяты из регистра прозы немецкого романтика и вторичны по своей сути, утверждая тем самым прецедентный характер данного текста.

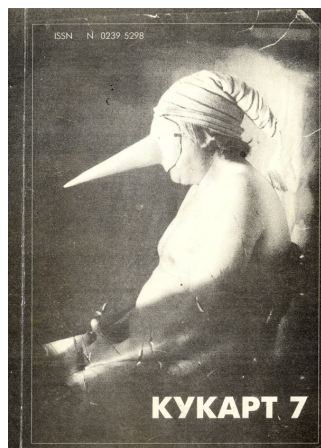
За хорошо известной статьей Р. Якобсона «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» следует первая публикация (!) пьесы «Разговора на полке в кукольной клинике» Саши Черного со вступительной заметкой В. Приходько «Зайди в игрушечный ларек...». В. Приходько акцентирует интерес Черного к кукольному театру, игрушкам, и соотносит его интерес с известными строками из стихотворения Ин. Анненского «То было на Валлен-Коски» (1909 год) — «Бывает такое небо, такая игра лучей, что сердцу обида куклы обиды своей жалчей...», которые интенционно совпадают с ракурсом «кукольных» произведений Саши Черного. Его пьеса публикуется в журнале по тексту посмертного сборника рассказов «Белка-мореплательница» (Париж, 1933 год) из Приложения к парижскому литературно-иллюстрированному журналу «Иллюстрированная Россия».

В рубрике «Ностальгия» авторы журнала публикуют фотографии и комментарии к спектаклю «Шарль де Костер» по пьесе «Тиль» Г. Горина, и оформленного образами, взятыми с картин Иеронима Босха. Корпус художественных текстов в этом номере «КукАрта» продолжается публикацией «Пятой картины» из «Натуралий» (пьеса «Персона» по повести Ю. Тыняева «Восковая персона») Людмилы Улицкой и сокращенной версией детектива «Куклы» Агаты Кристи. В свою очередь корпус научных текстов представлен фрагментом из статьи «Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления» В. Н. Топорова и статьей А. Найдена «Куклы. Дистанция жертвенной связи», в которой исследователь успешно рассматривает «Господина Прохарчина» Ф. Достоевского через бахтинскую концепцию о смеховой культуре и теорию народного театра, усматривая в главном герое образ итальянского героя-маски площадного театра Пульчинелла. Таким образом, автор статьи отмечает кукольный элемент, который Достоевский вносит в свой ранний рассказ, а также использование мотивов двойничества, взаимоотношения человека и природы, скрытого и открытого, что впоследствии писатель разовьет в своем творчестве и что в тоже время является принципиальными характеристиками куклы во многих литературных контекстах. Примечательно, что один из завершающих текстов номера опять аллегорично возвращает читателя к корпусу гофманских текстов и его поэтике — сочинение П. Волковой называется «Кот Мур и Серпентина», намекая на знаменитый сатирический роман «Житейские воззрения кота Мурра» Э. Т. Гофмана.

В 1994 году тиражом уже в 1000 экземпляров вышел «КукАрт» № 5. Этот номер развивает тему лже-куклы, или, используя иную терминологию, — манекена. Тексты художественной литературы представлены классическими образцами из корпуса мировой литературы — «Лавка древностей» Ч. Диккенса, «Венера Илльская» П. Мериме, «Кольцо» Т. Мура. В номере опубликована статья Ю. М. Лотмана «Куклы в системе культуры», с примечательным вступительным комментарием Н. Уваровой: в 1978 году в редакции журнала «ДИ» было решено сделать номер, посвященный проблеме куклы, и № 2 уже был отдан под эту тему. Но тот текст о кукле, опубликованный в «ДИ», не удовлетворил Ю.М. Лотмана, и статья о кукле в системе

культуры в том виде, в каком она опубликована в полном собрании сочинений Лотмана [11] и журнале КукАрт № 5 – додуманная и переписанная исследователем уже после публикации в «ДИ».

Научный дискурс пятого номера журнала продолжается статьей Х. Юрковского «Стимуляторы развития театра кукол», носящий ретроспективный характер и обозревающий историю театра кукол в Европе, антагонистические отношения между куклой и актером, идею о сверхмарионетках режиссера-авангардиста Д. Крэйга и т.д. Проблематика манекена как лже-куклы отображена в тексте А. Давыдовой «Безназвания», где рассматривается проблема консьюмеризма, современного общества потребления, породившего феномен манекена, количество манекенов. Манекен видится автору как стиленесущий объект среднестатистического американского города конца XX века: «Очевидно, что манекены есть представители сегодняшнего художественного стиля, порой — завтрашнего. Но никогда — не вчерашнего. Вероятно, из всех стиленесущих объектов американского города манекен — наиболее часто встречающаяся трехмерность» [8, с. 5]. Акцент в статье сделан на важность локации, т.е. — витрины, в которую обычно помещен манекен. Витрина - это всегда публичное пространство. В манекене транслируется идея Р. Барта о чистоте (стерильности) как одного из центральных мифов современной урбанистической культуры. Примечательность данного текста видится в том, что нем отображен первый эмпирический опыт автора — взгляд на долгое время закрытого для советского обывателя быт американского города с его идеологией консьюмеризма. Эта поэтика быта американского города рассматривается автором через *символический посредник* — куклу-манекена, который, в свою очередь, дает широкое поле для (полевых) наблюдений: «Также проживает в Америке целое племя стилизованных манекенов, символичных вдвойне: если манекен в принципе есть изображение человека, то здесь мы имеем дело с метафорой второй степени — с манекеном манекена, метаманекеном» [8, с. 4]. Таким образом, кукла-манекен становится определенной метафорой-символом для социокультурной характеристики пространства среднестатистического американского города с точки зрения постсоветского жителя.

Седьмой номер «КукАрта» вышел в 2000 году (илл. 3). Он был посвящён мало изученной, но более чем перспективной теме «Кукла и авангард». Точнее, речь в журнале шла о куклах в контексте истории двух русских авангардов – 1910-20-х годов и волне авангарда, случившейся в 1970-90-е. Номер журнала вышел при поддержке Института Открытого общества и Центра искусства Сороса (Москва). Риторике всему номеру журнала задает вступительная пьеса — ее жанр заявлен как «киносценарий в технике компьютерной анимации» — с

характерным названием «Кукла сбежала». Название взято как часть народной приметы (дана в эпитафии): кукла сбежала — авангарду быть. Нарратив пьесы — беседа безликих (первый голос, другой голос, голос оппонента, чей-то недовольный голос, ехидный голос и т.д.) персонажей и известных личностей (голос Игоря Макаревича, голос Фридриха Ницше, голос Олега Кулика и т.д.). Таким образом, упомянутая пьеса создает определенную интенцию для всего номера журнала, который делится на четыре смысловые части — 1) Театр Авангарда, 2) Боги покидают этот мир, 3) Игра без игры и 4) Кукла вернулась. Проблематика статей в журнале различна, но концептуально они очерчены мотивом «путешествия» куклы в культуре XX и XXI веков в проекции авангардистских практик. Далекое неслучайно в эпитафии к пьесе выступает ироничная русская народная примета: кукла сбежала — авангарду быть, которая, тем самым, вписывает проблематику феномена куклы и авангарда в фольклорный дискурс. Это триединство *кукла — фольклор — авангард* осмысливалось не единожды, и замечательная статья белградского слависта И. Антанасиевич «Символические посредники: авангард и фольклор» [1] наглядно демонстрирует посредством куклы преобладание этих двух культурных страт. И авангард, и кукла, с одной стороны, апеллируют к фольклорным образам, к архаичному сознанию. С другой стороны, авангард, также как и кукла, стоит на пограничных позициях, — и если кукла это пограничный объект между живым/мертвым, профанным/сакральным, то авангард — и время возникновения/активизации русского авангарда эту мысль наглядно иллюстрирует — проявляется как «реакция художественно-эстетического сознания на глобальный перелом в культурно-цивилизационных процессах» [1, с. 153]. Таким образом, кукла может быть рассмотрена как символический посредник между фольклором и авангардом, и закономерно, что куклу выбирают для своих инсталляций и перформансов современные художники, творящие в области актуального современного искусства. Арт-проекты «Лигномания», «Похороны Буратино» И. Макаревича, перформансы «Упаковка» М. Перчихиной, «Пожиратель кукол» К. Скотникова, «Театр на Земле» С. Столярова, «Пупсарт» В. Анкудинова, наконец «Как я сделался собакой» О. Кулика — это лишь те художественные акции и проекты в рамках русского contemporary art, что упомянуты в рассмотренном седьмом номере журнала «КукАрт».

Осмысление феномена куклы в рамках культуры русского авангарда первой волны, авторы журнала репрезентируют через включение отрывков из научных работ, посвященных проблеме авангардного театра начала XX века. Среди них — статья Г. Губановой «Победа над солнцем» (театр по Малевичу), статья И. Березкина «По сцене бредет существо» о куклах Пикассо (балет «Парад»), о марионетках итальянского футуриста Ф. Делеро («Пластические танцы» 1918 года), о куклах Эль Лисицкого (серия графических листов, изданная в Ганновере в 1923 году под названием «Пластические образы электромеханического представления «Победа над солнцем»») и о куклах Шрейера, предложившего свой вариант театра в эстетике немец-

кого экспрессионизма. Эту парадигму успешно продолжают статьи С. Погадаевой «Механическая эксцентрика баухауза» и Г. Коваленко «Марионетки Александры Экстер». Приведенные далее отрывки из «Заумного языка» В. Хлебникова и трагедии «Владимир Маяковский» и «Вот так я сделался собакой» В. Маяковского заканчиваются статьей А. Найдена и Д. Горбачова «О том, как Малевич играл в куклы». Логика отбора данных статей и текстов репрезентирует основной принцип существования куклы в мировом культурном пространстве, и этот принцип неслучайно соотносится с идеей побега, *полета в небеса* (цитируя Даниила Хармса). Известно, что кукла еще в древности определила для себя промежуточное пространство, связывающее небо и землю, мир бытия и мир инобытия; в Средневековье в виде куклы изображалась отлетающая душа [15, с. 13—32]. «При всей своей изначальной статике кукла в художественном пространстве XX в. коррелирует с «реющими» объектами, поскольку обнаруживает в себе удивительные способности как к внешнему, так и к внутреннему движению, к бесконечным перекодировкам и метаморфозам» [2, с. 199], — пишет исследователь О. Буренина, и эта мысль удачно иллюстрирует сюжетику статей в «КукАрте».

Последняя часть седьмого номера под названием «Кукла вернулась» начинается со статьи украинского литературоведа В. Л. Скуратовского «Из заметок в фойе театра марионеток» (написана в 1994 году). Ретроспективно анализируя феномен дублетов, механических копий человека, ставших одним из знаковых проблем мировой культуры, В. Скуратовский основывается на примерах из русской и мировой литературы. Отправной точкой возникновения данной проблематики полагая 1735 год, когда Карл Линней в своей «Системе природы» окончательно лишил человека его онтологической уникальности, переместив из контекста метафизического в «естественный» — в класс млекопитающих, отряд приматов вместе с обезьянами и полуобезьянами [9, с. 104]. На этом мировоззренческом фоне трансформируется и развивается проблема «гомонкулюса», на разных этапах принимая форму и прагматику то куклы-автомата, то марионетки, то и «вовсе «субъекта» современного процесса» [9, с. 107]. Под современным процессом автор понимает образы марионеток, трансформировавшихся в предметы массового материального производства, которые в свою очередь попадают в поле интереса современных художников-концептуалистов. Именно на творческих практиках авангардистов второй волны завершается сюжетика номера:

«Первый Голос. Актуальное искусство — тот же авангард, но авангард, принявший о внимание все, что до него было. Читатели «Буратино» выросли. Частично они стали художниками-авангардистами, авангарда новой формации — актуального искусства. В художники новой формации пошли философы, филологи, люди образованные, почти все знающие, и от того утратившие оптимизм и футурологические ослепления авангардистов 20-х. Никаких тотальных и глобальных манифестов. Каждый — частный случай. Сверхчеловек свернулся в куклу-Буратино. Художник проживает сам в себе, — сам на себе, — тему сбежавшей куклы, и пробует

силу веревок и нитей, теперь он наматывает их на себя, чтоб не достались никакому кукловоду» [9, с. 15].

Сдвоенный десятый и одиннадцатый номер вышел в 2006 году. Первый из них сосредоточен на личности театрального режиссера Вс. Мейерхольда. В нем публикуются отрывки из книги «Мейерхольд о театре», и журнала «Любовь к трем апельсинам. Журнал Доктор Дапертутто» 1914 года. Статья советского режиссера и театрального критика В. Н. Соловьева («К истории сценической техники *commedia dell'arte*», «К вопросу о теории сценической композиции»), в 20-е годы XX века выступавшего с рецензиями и теоретическими статьями, посвященными творчеству Вс. Мейерхольда. Отрывок из статьи В. Н. Соловьева о комедии дель арте семантически развивается статьей К. А. Вогак о «Театральных масках», впервые опубликованный в уже упомянутом журнале «Доктора Дапертутто». Таким образом, очерчивается определенная преемственность (журнал Мейерхольда начала XX века — «КукАрт» начала XXI). Отрывком из «Воспоминаний» В. Верегиной о создании журнала «Любовь к трем апельсинам», о встречах с А. Блоком завершается часть под названием «Студия на Бородинском» и начинается вторая — «Уральская зона». Тематически она охватывает современные театральные штудии, которые генетически идут от авангардных экспериментов Мейерхольда. Здесь публикуются статьи Н. Уваровой «Вся королевская конница», М. Борштейна «Урал всамделишный» и т.п. Такое включение в одно текстовое\публицистическое пространство двух культурных страт (журнал и театр Мейерхольда \ современный русский (уральский) театр) подчеркивает современность поэтики Мейерхольда в сегодняшнем русском культурном контексте. *Современность* воспринимается современниками в новейшей русской литературе как «смещение системы, выпад из системы» [14] отмечает критик и литературовед Н. Иванова в связи с актуальными проблемами современной русской словесности [4, с. 52]. Данная трактовка понятия *современность* вполне применима и к театральной парадигме, когда современные авторы обращаются к культурным опытам прошлого века.

Таким образом, рассмотренные и описанные выше номера московского журнала «КукАрт» позволяют очертить ряд высказываний\размышлений на тему бытования куклы, провести попытку ревизии образа куклы в системе культуры. Неслучайно, именно статья Ю.М. Лотмана «Куклы в системе культуры» послужила толчком для создания журнала уникального типа, посвященного исключительно проблеме куклы в разных тематических аспектах. Лотмановская концепция выявила ракурс публицистического издания, целиком посвященного проблеме включения куклы в семиотическую систему (мировой) культуры. В свою очередь, данный принцип тематического построения периодики — концептуальная продуманность каждого номера журнала — рисует те мотивы и аспекты, в рамках которых может быть исследован феномен куклы. Подобная вариативная ревизия, т.е. *вновь пересмотра* понятия «кукла», куклы как вещи, воспроизводимая периодическим изданием «КукАрт», хорошо иллюстрирует собою

мысль философа М. К. Мамардашвили о невозможности «измерить» вещь, т.е. не только выстроить относительно нее какую-то научную теорию или «знание причин», но и даже воспринять в качестве «вещи», не вписав ее в какую-то рациональную структуру [12]. Это утверждение, в свою очередь, соотносится с ключевым положением теории американского физика Х. Эверетта о многовариантной Вселенной (Мультверсе/Multiverse), согласно которой возможно бесконечное множество параллельно и независимо существующих картин мира и интерпретаций событий, одновременно возникающих у разных наблюдателей [16]. Иными словами, правомерно говорить о том, что такая вещь как кукла получает различные толкования и интерпретации как в самых различных культурах и исторических периодах, так и в индивидуальных практиках. Верна здесь и обратная мысль, высказанная антропологом и исследователем феноменологии куклы И.А. Морозовым, — «В различных культурах и в индивидуальных практиках куклой могут признаваться очень разные по форме вещи. Но при этом у них есть некие общие уникальные признаки и свойства, которые и позволяют говорить о феноменологии куклы» [13, с. 19— 20]. Именно эти уникальные общие признаки и свойства куклы как объекта культуры выявляются в ревизионистском опыте журнала «КукАрт». Развивая ревизионистский опыт журнала, можно наблюдать еще одну немаловажную тенденцию — это историческая эволюция вещи. От лично окрашенного, зачастую сакрализованного предмета в традиционной культуре вещь постепенно переходит в функциональный компонент рутинной деятельности человека в современном мире [3]. Ракурс текстов, опубликованных в журнале «КукАрт», иллюстрирует подобную тенденцию, наглядно демонстрируя историческое изменение в отношении человека к вещи-кукле на примере литературных и фольклорных текстов, практик современного искусства и стратегии развития массовой культуры.

Завершая ревизию куклы на примере аналитического обзора московских журнальных сборников «КукАрт» за период 1990-2000-х гг., таким образом, можно прийти к кратким обобщающим мыслям. В первую очередь, ревизия, т.е. *вновь пересмотр* понятия куклы, которую успешно предпринимает московский журнал «КукАрт», высвечивает важные тематические аспекты, в рамках которых может быть представлен/рассмотрен феномен куклы. Среди них — и «классическая» тема «Кукла и книга» («Кукла в литературе»), и менее изученный феномен «домашнего театра», в котором активно присутствует кукла как объект игры, театрального дискурса, что, в свою очередь, напрямую связано с городской массовой культурой; перспективна и практически неописана история взаимоотношений куклы и практик русского авангарда (как первой, так и второй волны), и № 7 журнала «КукАрт» акцентирует в этой связи важные аспекты и наблюдения. Во-вторых, опыт журнала «КукАрт» по ревизии куклы в системе культуры иллюстрирует одно из положений философа М. Мамардашвили, соотносимые с теорией американского физика Х. Эверетта, о том, что вещь (в данном случае — кукла) получает самые различные толкования и интерпретации в самых различных культурах и исто-

рических эпохах, при этом обладая некими уникальными общими признаками, которые и позволяют говорить о феноменологии куклы. Уникальный ревизионистский опыт московского журнала «КукАрт» подтверждает эту мысль с одной стороны, с другой — намечает важные аспекты и наблюдения для дальнейшего изучения мало исследованной, но научно перспективной темы, заданной еще Ю.М. Лотманом, — куклы в системе культуры.

Примечания

* Автор статьи выражает свою искреннюю благодарность О. Н. Купцовой за предоставленные номера журнала «КукАрт».

1. Диалог искусств, является преемником «Декоративного искусства» — одного из старейших российских периодических изданий по изобразительному искусству, основанному в 1957 году. Журнала, который благодаря уникальной команде собранной его первым главным редактором Михаилом Ладуром, стал самым «живым» журналом по искусству в советское время. В журнале ДИ получили первый опыт арт-журналистики создатели возникших в 1990-е годы новых журналов по искусству: «Пинакотека», «ХЖ», «Кукарт», «Русская галерея» («Третьяковская галерея»).

Список использованной литературы и источников

1. Антанасиевич И. Символические посредники: авангард и фольклор // Авангард и идеология: русские примеры. — Белград: Фото Футура, 2009. — С. 153—163.
2. Буренина О. Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. — 332 с.
3. Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. — 2000. - № 1—2. — С. 58—65.
4. Иванова Н. Русский крест. Литература и читатель в начале нового века. — М.: Время, 2011. — 253 с.
5. «КукАрт» № 1. — М., 1991. — 97 с.
6. «КукАрт» № 3. — М., 1992. — 168 с.
7. «КукАрт» № 4. — М., 1993. — 97 с.
8. «КукАрт» № 5. — М., 1994. — 89 с.
9. «КукАрт» № 7. — М., 2000. — 121 с.
10. «КукАрт» № 11—11. — М., 2005—2006. — 129 с.
11. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 377—380.
12. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. — С. 3—18.

13. Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). — М.: Индрик, 2011. — 352 с.
14. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 255—270.
15. Фрейденберг О. М. Семантика постройки кукольного театра // Миф и театр: лекции по курсу «Теория драмы» для студентов театральных вузов. — М.: Институт театрального искусства им. А.В. Луначарского, 1998. — С.13—32.
16. Everett H. «Relative State» Formulation of Quantum Mechanics // Review of Modern Physics. 1957. Vol. 29. — P. 454—462.

КУЛЬТУРНАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

М. П. Крылов, А. А. Гриценко

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ И РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОМ ПОРУБЕЖЬЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

В последние десятилетия наблюдается повышение интереса отечественных и зарубежных исследователей к проблеме пограничий, приграничий, порубежий. Это в значительной степени связано с переосмыслением места подобных пространств в жизни общества отдельных стран и регионов, с уходом от интерпретаций их как периферийных, окраинных, несущественных [13, 15]. Обращается внимание на значительный потенциал пограничий (культурный, экономический, политический), на их функциональную особенность выступать в качестве интегрирующего начала, поля широкого взаимодействия, которое способствует развитию территорий, в том числе удаленных от границы (например, [13, 7]).

Приграничье, граница, идентичность. Неотъемлемой частью проблемы приграничий в последнее время стала ее компонента, связанная с идентичностью. При этом исследования территории *приграничий* все чаще не ограничиваются относительно узкой полосой по обе стороны границы (государственной, административной). Более продуктивным считается рассмотрение достаточно обширных пространств, которые корректнее называть *порубежными*. «Граница» рассматривается как широкая переходная зона, к которой применим термин физической географии «эктон». В контексте такого подхода понятия «граница» и «приграничье» не всегда должны противопоставляться. Тем не менее, понимание границы как линии сохраняет свое значение в случае границы формальной (государственной, административной, границы политических союзов; отчасти сюда примыкают границы этнические и конфессиональные, в том случае, если они выражены достаточно четко, что случается далеко не всегда) [1, 3, 4, 5, 13, 16]. В связи с этим категория «идентичность» в контексте проблемы *приграничий* выступает в нескольких взаимосвязанных ракурсах: *идентичности как границы — границы между идентичностями (разграничение идентичностей в географическом пространстве) — взаимовлияние формальных (в первую очередь — государственных) границ и идентичностей.*

По мнению О. Бреского и О. Бреской [6], обобщая результаты исследования Приграничья и Пограничья (“frontier studies”, “border studies”, “boundary studies”), можно сказать, что

целостной теории Пограничья не существует. Это напоминает «ситуацию в современной культурологии или этнографии, где общая теория складывается преимущественно из отдельных “case-study”. Хотя термины Приграничье и Пограничье часто меняются местами в употреблении, многие элементы Приграничья (зоны, которая находится возле политической границы) могут быть использованы в Пограничье, которое может не иметь четкой привязки к географическому пространству возле физической границы. Пограничье, в отличие от Приграничья, больше носит воображаемое, символическое, социальное измерение и скорее привязывается к социальному месту... теория Приграничья все чаще начинает взаимодействовать с теорией Пограничья» [6, с. 56—57].

Н. Н. Беспмятных обращает внимание на то, что, хотя положение о взаимосвязи «процессов самоидентификации, конструирования границ и порядков разделяется сегодня большинством авторов, механизмы таких взаимосвязей остаются в «пограничных исследованиях» не вполне проясненными. Отсутствует концептуализация самого понятия «приграничная идентичность», а результаты ее изучения в различных ареалах ограничиваются такими характеристиками, как «неопределенная», «неоднозначная», «изменчивая», «амбивалентная», «бинарная», ..., «плюралистическая», включающая этнические, государственные, «супранациональные», «комбинированные», «иерархические», «смешанные», «реликтовые» идентичности» [5, с. 14].

Авторы исходят из того, что политические границы, как правило, имеют какие-то *прототипы* (в истории, этнографии и физической географии), которые оказывают вторичное, а иногда и непосредственное воздействие на приграничные идентичности, являясь в одних случаях *живыми реликтами*, а в других же случаях представляя собой «двойника» или же «конкурента» этой границы, познание которого важно и для изучения проблем, связанных с формальными границами.

Данное обстоятельство предполагает существование следующего основного *механизма* (этот механизм в значительной степени носит культурно-психологический характер) *формирования приграничных идентичностей*, который принимается авторами как гипотеза.

Как полагают авторы, историко-политические, историко-культурные, этнические и другие границы, в совокупности с современными политическими границами, образуют своеобразные *сети границ*, которые могут по-разному «складываться» и «накладываться» друг на друга в сознании людей. В этих рамках происходит *активное взаимодействие региональных, этнических, национально-государственных и других идентичностей*, результатом которого (определенным, своеобразным для разных территорий) оказывается некоторая, в каком-то смысле упорядоченная, *комбинация идентичностей*, именуемая «*приграничной идентичностью*». При этом *плавное, эволюционное* формирование приграничной идентичности может сочетаться с *резким* изменением границ, переходом целых регионов под юрисдикцию другого

государства, что часто оказывается причиной трансформации идентичностей, хотя нередки случаи устойчивости приграничной идентичности. Эта устойчивость определяется долговременной ролью культурных границ, значительной инерционностью сознания людей, сохранением исторической памяти. Представляется, что приоритет культуры (культурных границ) и сознания людей является не только желаемым императивом, но во многом также и реальным фактом исторического процесса, в котором, по справедливому замечанию И. М. Дьяконова, «социально-экономическое развитие не отделимо ни от развития технологического, ни от развития социально-психологического» [9, с. 10]. Соответственно, и геополитические аспекты приграничий во многом должны зависеть (и авторы пытаются показать, что нередко и фактически зависят) от социально-психологических (а также этнокультурных и историко-культурных) факторов, которые проявляются в том своеобразном феномене, которым является приграничная идентичность.

К исследованию особенностей региональной идентичности в российско-украинском и российско-белорусском (а позже – также и белорусско-польско-литовском) порубежье авторы приступили, располагая достаточно обширным опытом изучения региональной идентичности [10, 17] на этнически однородных территориях центральной России (2001 – 2004). Отработанная методика была модифицирована с учетом характерных черт вновь исследуемых территорий и, начиная с 2008 г., применялась к изучению обозначенных порубежий в пределах России, а также Западной Беларуси. В методику был введен учет этнической и культурной идентичности, а также факторов, позволивших более детально разработать чисто пространственный аспект региональной идентичности [8, 13, 18, 19].

Российско-украинское и российско-белорусское порубежье: российский контекст.

Для изучаемой территории характерен плавный взаимопереход украинского и великорусского культурного компонента, а также сохранение исторической памяти о Слободской Украине. Казачьи Слободская Украина и Гетманщина, территории которых разделены сегодня между Россией и Украиной, являлись составными частями культурных ядер двух соседних государств. Слободская Украина формировалась в составе Московского и Российского государства как ее автономная часть, в то время как Гетманщина выделилась из польской части Речи Посполитой и фактически была независимым государственным образованием под протекторатом России вплоть до второй половины XVIII в.

Авторов интересовал вопрос: *сохраняются ли* в настоящее время на приграничных российско-украинских территориях *элементы украинской этнической культуры*, включая возможное присутствие их в самосознании у украинского по происхождению, но, как правило, формально русского, согласно последним переписям, населения, четырёх областей Российской Федерации. Авторы изучали *границу между исторически украинским и исторически ве-*

ликорусским расселением, пытаюсь определить степень её природно-ландшафтной обусловленности, а также выраженности в современном культурном ландшафте исторических поселений. Эта граница рассматривалась в ряду других важнейших пространственных доминант современной самоидентификации, какой, в частности, является государственная граница. Важно было знать, в какой мере и в какой форме у населения российской части приграничья сохранилось ощущение близости к ныне украинским территориям, возможен ли вариант существования у жителей российской части приграничья психологической установки на восприятие украинской территории как «своей» и появления государственной границы как чего-то искусственного, навязанного населению политиками. Важно было также определить современное этнокультурное самосознание украинского (казачьего) по происхождению населения российской части порубежья по отношению к исторически русскому (частично крепостному) населению внутри России.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что в рассматриваемой зоне порубежья процессы развития идентичности, обусловленные реорганизацией пространства, происходившего после распада СССР, оказались в конечном счете лишь определенной модификацией того, что уже существовало ранее, но не проявлением какой-либо новой (возникшей после 1991 года) сущности. Это связано с частичным замещением этнической самоидентификации региональной (которая является более устойчивым во времени феноменом, чем этническая самоидентификация), включая возрождение в сознании казавшейся реликтовой или даже исчезнувшей украинско-русской идентичности Слободской Украины. Таким образом, в оценке процессов реорганизации пространства речь скорее может идти о долговременной устойчивости многих основных черт идентичности населения российско-украинского порубежья. Такой вывод основан на исследовании трех основных форм проявления идентичности: континуального историко-этнокультурного перехода (*модель градиента*), социокультурного и психологического освоения территории как «своей», «родной» (*ментальные регионы* в сознании населения) и «землячества» (отношение к жителям соседних территорий как к землякам).

Методологически значимым в решении исследовательской задачи были наблюдение за сохранением черт традиционного историко-культурного ландшафта, обычно стимулирующих этническую и региональную идентичности, а также фиксация в ландшафте новых маркеров, которые позволяют судить о современных процессах устойчивого сохранения (восстановления) или, напротив, размывания идентичности. При этом локальное распространение подобных маркеров оказывается в целом пространственно репрезентативным, поскольку их появление не является спонтанным, а исторически и культурно обусловлено.

Среди важных маркеров новейшего историко-культурного ландшафта следует отметить установленные по местной инициативе мемориальные объекты: памятник Богдану Хмельницкому в поселке Ровеньки Белгородской области (2004 г.) и монумент на месте встречи Мазепы

с Петром Великим в городе Острогжск Воронежской области в 1697 году (1997 г.). К обнаруженной региональной специфике относится также активное позиционирование местной администрацией поселка Ровеньки именно как украинского, а также часто хорошее знание украинского языка, достаточное абитуриентам, например из города Грайворон, для поступления в вузы Харькова. В определенном смысле можно сказать, что сохраняющееся «украинское начало», хорошо вписывающееся в пространство и идентичность Слободской Украины, в прошедшие два десятилетия стало «выходить из подполья», активно интегрируясь в современную жизнь.

Однако фиксируемые попытки современного обретения старинного историко-культурного региона вряд ли можно рассматривать через призму потенциального сепаратизма, хотя бы потому что население порубежья (в том числе украинское большинство) еще в конце 1920-х гг. сопротивлялось попыткам насаждения украинизации, а еще ранее (1918 г.) — аннексии части территорий Воронежской и Курской губерний державой гетмана Скоропадского. Украинское (слобожанское) самосознание сегодня сохраняется и воспринимается здесь как неотъемлемая часть общерусского, при этом появление государственной российско-украинской границы в 1991 году лишь усилило эту тенденцию. Можно говорить о *сохранении* имевшейся ранее ситуации, однако при *поляризации* кажущихся противоречивыми, но в действительности органично связанных ее основных составляющих. Это — усиление осознания значимости украинского начала и сопричастности ему и постепенное ослабление чувства «противоестественности» разделения России и Украины «по-живому».

«Землячество» как особый тип восприятия и идентификации «своих» весьма характерен для большей части населения России, в том числе для рассматриваемой зоны порубежья. Анализ субъективного восприятия мест проживания *земляков*, выявил существенные территориальные различия в характере тяготения к соседним регионам, а также своеобразного внутри-областного ментального отталкивания, когда жителей отдельных территорий внутри «своей» области не считают «земляками». Часто земляками считают жителей соседних областей Украины, в то время как жителей «своей» же области земляками считают не всегда. Так, жителей украинских городов Новгород-Северский, Сумы, Глухов, Харьков, Волчанск в рассматриваемой зоне порубежья *относят* к своим землякам: в Брянской области 10% опрошенных, в Курской области — 25%, в Белгородской — 30%.

В то же время население многих городов в пределах российско-украинского порубежья часто *не относит* к своим землякам жителей отдельных поселений в пределах *своей* области: 1) в Брянской области — это жители городов Дятьково, Карачев, с одной стороны, и жители городов Климово, Сураж, Мглин, с другой стороны, — которые друг друга не считают земляками; 2) в Курской области — это, соответственно, жители поселка Кшенский и городов

Рыльск и Суджа; 3) в Белгородской области — это жители городов Грайворон, с одной стороны и Старый Оскол и Новый Оскол, с другой стороны.

Общая тенденция здесь такова — в пределах единого региона (административной области) наблюдается своеобразный антагонизм между территориями, прилегающими к российско-украинской границе, с одной стороны, и территориями, отдаленными от российско-украинской границы и находящимися в противоположной части региона. Этот антагонизм не столько связан с самим политико-географическим положением этих территорий в настоящее время, сколько обусловлен историко-географическими (историко-политическими) факторами. *Указанный антагонизм порождает так называемый. «ментальный внутрорегиональный сепаратизм».* С географической точки зрения здесь можно отметить выделение полос (территорий, где живут земляки), располагающихся почти параллельно российско-украинской государственной границе и напоминающих контуры исторических регионов — Слободской Украины и Гетманщины. Важным здесь является наличие центральных внутриобластных районов, которые выполняют функцию интеграции этнокультурно различных частей регионов и уменьшающих распространение «ментального внутрорегионального сепаратизма». В таком смысле центральное (в своей области) географическое положение Курска можно считать более «удачным» (в смысле: вписывающимся в современные тенденции), нежели Брянска (смещенного к востоку своей области) или Белгорода (тяготеющего к западу), которые «не способны» противостоять инерционным тенденциям, связанным со Слободской Украиной и Гетманщиной.

Сопоставимые результаты дает нам анализ границ ментальных регионов, пространств «своего края» в сознании жителей российской части порубежья (выделенных на основе включенной в анкеты условной географической карты, на которой респондентов просят показать территорию их «малой родины»). И здесь прорисовываются границы исторических регионов и прослеживается таким образом тесная духовная связь с населением соседней Украины. Например, *Брянская область* в сознании ее населения в большей степени интегрирована с территорией Украины (Шостка, Семеновка, Новгород-Северский), чем с территорией Беларуси, несмотря на существенно большую открытость российско-белорусской границы, по сравнению с российско-украинской. Могилево-Брянская граница, существующая практически без изменений с начала XIV века (Московско-Литовская граница), проявляет исключительную «жесткость» в сознании местного населения. Также «жестким» оказался участок границы между Белгородской и Луганской областями. Территория современной Луганской области располагается к югу от бывшей Слободской Украины в пределах бывшей области Донского казачества, исторически соперничавшего с казачеством Слободской Украины.

Украинский этнокультурный градиент в современной России как культурно-историческая реальность. Тренды этнокультурных изменения культурных явлений в пору-

бежной зоне России и Украины могут быть обобщены в пространственной модели, названной «градиентом».

На основе полевых наблюдений 2008–2009 годов нами экспертно была выделено 3 зоны по присутствию украинской культуры (табл. 1) в компонентах историко-культурного ландшафта. При этом выделение зон не означает обязательного *доминирования* украинской этнической культуры в пределах зоны с наибольшей сохранившейся «украинизированностью». Здесь правильнее говорить о *существенном присутствии украинской культуры у населения, которое почти на порядок превосходит долю лиц украинской национальности по переписям населения, а также о различных формах осознания близости к Украине у жителей порубежья, независимо от их этнического происхождения*. Выделенные зоны украинского этнокультурного градиента напоминают аналогичные зоны, выделявшиеся в свое время В. П. Семеновым-Тянь-Шанским [14, с. 169], в несколько меньшей степени – выделение русских, украинских и русско-украинских городов в Слободской Украине и на сопредельных территориях Д. И. Багалея [2].

Таблица 1. Зоны этнокультурного градиента российско-украинского порубежья (%% от числа опрошенных)

Вопрос	Вариант ответа	Зона I (%)	Зона II (%)	Зона III (%)
<i>Вы местный?</i>	<i>Местный</i>	63.3	62.6	78.0
	<i>местный по убеждению</i>	22.0	25.9	14.0
	<i>не местный, хотя живу здесь давно</i>	14.4	10.1	6.0
<i>Хотели бы Вы жить в другом населенном пункте?</i>	<i>Да</i>	27.3	31.0	14.9
	<i>Нет</i>	46.8	51.2	66.7
	<i>может быть</i>	25.9	17.7	18.4
<i>Считаете ли Вы себя жителем глубинки?</i>	<i>Да</i>	35.0	60.1	73.7
	<i>Нет</i>	49.3	32.9	19.3
	<i>не ответили</i>	15.7	7.0	7.0
<i>По национальности Вы?</i>	<i>Русский</i>	79.2	86.7	92.1

	<i>украинец полностью/частично (ч/п)</i>	16.9	8.9	6.1
Знаете ли Вы место рождения или захоронения Ваших предков?	<i>среди русских на Украине</i>	10.4	7.0	7.0
	<i>среди украинцев ч/п на Украине</i>	9.0	3.2	3.5
Жители каких городов являются Вашими земляками?	<i>украинские города</i>	18.2	15.8	10.5
	<i>города б. Слободской Украины</i>	32.5	20.2	9.6
Как бы Вы отнеслись к объединению областей России с областями Украины?	<i>Положительно</i>	26.0	31.6	18.9
	<i>Отрицательно</i>	61.0	48.7	51.6
	<i>Безразлично</i>	7.8	11.4	14.7
	<i>не ответили</i>	5.2	7.6	8.4
Как относятся к вам жители Украины?	<i>Положительно</i>	77.2	60.8	57.9
	<i>Отрицательно</i>	4,6	3.8	8.8
	<i>по-разному</i>	6,5	11.4	7.0
	<i>не знаю</i>	11.7	23.4	26.3
Сожалеете ли, что в недавнем прошлом возникла граница между Россией и Украиной?	<i>Да</i>	88.3	80.4	80.7
	<i>Нет</i>	7.8	15.8	16.7
	<i>не ответили</i>	3.9	3.8	2.6

Примечания:

Общее количество анкет использованных для таблицы составило 349 (без анкет г. Курска), в том числе 77 - для Зоны I, 158 — для Зоны II и 114 — для Зоны III. Были использованы также результаты 75 проведенных глубинных интервью.

В Зону I были отнесены населенные пункты: Суджа, Ракитное, Грайворон, Валуйки, Ровеньки. В Зону II — Почеп, Погар, Суземка, Стародуб, Унеча, Клинцы, Рыльск, Обоянь, Ивня,

Короча, Новый Оскол, Бирюч, Острогожск. В Зону III — Севск, Навля, Трубчевск, Льгов, Фатеж, Дмитриев, Тим, Щигры, Коротояк.

В таблице представлены результаты анкетирования экспертов, обобщенные в рамках первоначально выделенных по результатам полевых исследований зон украинского этнокультурного градиента, учитывающих местные особенности историко-культурного ландшафта. Так, согласно материалам исследований, существует определенная гармония между ландшафтом и рядом черт ментальности людей, исторически укоренных на данной территории, что, в частности, выражается наличием элементов украинской культуры в бытовом языке и архитектуре. Кроме того, была обнаружена значительная природно-ландшафтная обусловленность в пространственной конфигурации Слободской Украины, а в какой-то степени — и других исторических территорий в рассматриваемой порубежной зоне (например, территория Слободской Украины довольно жестко тяготеет к юго-западной границе Среднерусской возвышенности, а также к среднему течению Дона) [см. 7]. Авторами была использована разработанная ими гипотеза соподчинения компонентов историко-культурного ландшафта, связанных с мировосприятием и идентичностью людей [13, с. 190]. По аналогии с известной в физической географии концептуальной схемой Н. А. Солнцева, посвященной упорядоченности компонентов природы в ландшафте, было предложено выделять компоненты историко-культурного ландшафта: *более устойчивые, долговременные и менее устойчивые, кратковременные*, — с ранжированием указанным образом всех компонентов ландшафта. При этом к числу *менее устойчивых* были отнесены следующие компоненты (в направлении от менее кратковременных к более кратковременным): *память об украинских корнях* и территориях происхождения своей семьи; *этническая самоидентификация* (кем человек себя в большей степени «считает»?); *самоидентификация при опросах* (кем человек себя «называет»?); *язык (говор)* большей части населения, архитектурные предпочтения (прошлого и современности) населения и осознание им специфики своего места проживания считались *более устойчивыми, долговременными* компонентами историко-культурного ландшафта.

В отличие от Слободской Украины, на бывшей территории которой сохранилось множество *живых черт украинской культуры*, в пределах российской части бывшей Гетманщины речь может идти лишь о *живых памятниках прошлого*. Некоторые стороны украинской, а также белорусской этнической культуры сохранились на западе Брянской области, в пределах бывшей Черниговской губернии. В мозаичных условиях природного и культурного ландшафта на территории Брянской области прослеживаются древние историко-культурные границы. Опрошенные нами жители Погара всех проживающих за рекой Судость называют «москаля», в том числе и жителей города Трубчевска. В свою очередь жители Трубчевска называют жителей Погара «цыбуля» или «бульбаши», что в данном контексте означает «белорусы», реже

— «украинцы». Однако в целом на территории Брянской области украинская и белорусская этническая культура «подавлена» и сохранилась лишь в качестве своеобразных реликтов. Сохранение таких этнографических реликтов связано с культурной и экономической периферийностью Брянской области как в настоящее время, так и в историческом прошлом. Отмеченное выше сохранение в течение столетий так называемого Литовского рубежа иллюстрирует исторически давнюю «русификацию» окраин белорусского и украинского культурного мира. В последнем случае, по-видимому, сказалась поверхностная «украинизированность» этой территории в прошлом, при которой «население Черниговской губернии в значительной мере представляло как бы переходную ступень от великоруссов к малоруссам» [12, с. 99].

Сохранение памяти о Слободской Украине позволяет поставить вопрос о современном формировании на юго-западе Европейской России особого украинского субэтноса как составной части русских, или же о других формах самоидентификации и этничности, которые не укладываются в распространённые схемы и модели (ср.: «Я хохол, но русская в душе», п. Кантемировка Воронежской области, 2008 г.).

Была выявлена конъюнктурная роль политической границы, которая искажает региональную идентичность вблизи нее: локально завышенная роль границы приводит к повышению роли гражданской (национальной) идентичности, вступающей здесь в конфликт с региональной и этнокультурной. Например, город Грайворон Белгородской области наиболее тесно связан с Украиной, однако вопрос о воссоединении регионов вызывает здесь абсолютно преобладающее отрицательное отношение.

Во втором поясе территорий по удаленности вглубь России, напротив, региональная идентичность, в различных ее формах, повышена, тесно связана с этнической идентичностью и памятью о Слободской Украине. Здесь существенны такие характеристики, как отношение к Украине, земляки, отношение к границе, двойственная (смешанная) идентичность. Здесь особенно существенна *необходимость различения самосознания «для себя» («кем себя считают») и менее устойчивого, сиюминутного самосознания «для других» («кем себя называют»), например, при переписи населения.*

В третьем по удаленности вглубь России поясе региональная идентичность теряет этнический оттенок и связь со Слободской Украиной, оставаясь формой местного патриотизма.

Российско-белорусские социокультурные отношения и порубежье: европейский контекст. Начиная с 2011 года, дополнительно модифицируя разработанную ранее методику, авторы приступили к изучению белорусско-польско-литовского приграничья, в том числе в рамках студенческого проекта (руководитель проекта — В.О. Кошевой).

Обсуждение результатов. Судя по нашим материалам, минувшие два десятилетия охарактеризовались значительным усилением уже имевшейся ранее культурной поляризации пространства. При этом рассмотренные параметры, особенно их пространственный рисунок, в

целом обнаружили значительную устойчивость, в общих чертах воспроизводя, разумеется, в новых условиях — картину начала двадцатого века.

В условиях советского социума возможности фиксирования этих параметров часто были ограничены по социально-политическим причинам, а также по причине повышенного внимания к другим феноменам, которые в те годы казались более актуальными. В то же время рассмотренные параметры самоидентификации чаще всего не имели возможностей для всестороннего проявления. Поэтому до 1991 года культурное пространство в пределах изучаемой территории воспринималось как более однородное (отчасти оно и было таковым в действительности).

После 1991 года появились дополнительные импульсы и катализаторы для поддержания культурных *констант*, стимулирующих *поляризацию* пространства. Излишне формальная позиция исследователя слишком легко может привести к выводам о *динамичной трансформации* за истекшие двадцать лет, в том числе к выводам о «реорганизации пространства», затрагивающей культурный генотип (социокод), — в то время, как более реалистичным представляется говорить о *фиксировании* ранее не *наблюдавшихся* феноменов, которые, возможно, отражают *имеющуюся традицию*, являясь ответом на новые вызовы и эксперименты.

Из утверждения о том, что «Украина — не Россия» не следует, что Украина в той же мере подобна Европе, в какой она отлична от России. Сама Украина является вполне самобытным феноменом, не обязательно подчиненным канонам Запада или Востока. В то же время Западная Беларусь как бы в нарушение законов формальной логики одновременно содержит в себе определенные черты как близости и подобия России, так и близости и подобия Европе, хотя не исключено, что в целом в Беларуси преобладают (хотя и не столь жестко, как на Украине) самобытные компоненты.

Хотя история, возможно, и не повторяется, она по-прежнему остается очень важным детерминантом в процессах самоорганизации социумов. Как показали исследования, наблюдаемые в исторических городах порубежий многочисленные черты живой культуры прошлого нельзя считать отживающими свой век реликтами, а проведенный анализ — «палеогеографическим». Особенно показательным здесь, на взгляд авторов, является белорусско-литовско-польское приграничье, характерной чертой которого в настоящее время (с учетом переписи населения Беларуси 2010 г.) является увеличение на порядок доли лиц, идентифицирующих себя как поляков, при существенных, хотя и не доминирующих в целом, польских корнях у населения, при сохранении преобладающих (в целом) трудовых связей с Россией, всеобщем знании и употреблении именно русского языка, бесконфликтностью сосуществования католиков и православных и двойственностью политической ориентации либо на ЕС, либо на Россию, обязательное противопоставление в самоидентификации Западной и Восточной Беларуси (реже — Полесья и Юго-Западной Беларуси).

Сохранение местного культурного генотипа происходит на фоне несовпадающих в разных частях бывшего СССР тенденций формирования новых наций. В частности, в России происходит противоборство тенденций (каждая из которых представлена множеством вариантов): а) сохранения (обновления) нации «имперского» типа, когда местные особенности считаются частностями или же формой проявления всеобщего, а представители других этносов в пределе так или иначе ассимилируются; б) формирования нации «классического» (а по сути «националистического») типа, неизбежно уравниваемого естественным и искусственным мультикультурализмом, который далеко не всегда (хотя уже и достаточно часто) вписывается в сложившийся социальный уклад, а иногда приобретает конфликтные черты (классическим является сравнение австрийской и немецкой культур как, соответственно, «имперской» и «националистической»). В случае мультикультурализма именно развитая региональная идентичность способствует консолидации социума.

Наиболее распространенная точка зрения в отношении Беларуси заключается в формировании нации гражданского типа. (Если это действительно так, то в таком случае уравниваются идентичности Западной и Восточной Беларуси). Важным нюансом, на который не всегда обращается внимание, является характерное для современной белорусской идентичности ощущение вхождения в более крупные общности. Это допустимо, на наш взгляд, интерпретировать как своеобразную форму проявления имперской идентичности (при этом сама «империя», одним из ядер которой может восприниматься Беларусь, не является сколько-нибудь четко оформленной даже в ментальном пространстве). Наряду с этим, в Беларуси существует и «националистическая» тенденция.

В то же время на территории Украины после 1991 года возникло несколько типов украинской идентичности, несмотря на принятие руководством страны жесткой этнократической модели построения украинской нации. В этой модели в качестве этнокультурной основы выступает лишь часть исторического культурного ядра Украины. Во всех вариантах модели исключается Слободская Украина, что вступает в безусловное противоречие с притязаниями (в разном смысле) представителей украинской элиты на российскую часть Слободской Украины. Нередко ставится вопрос о несовпадении идентичностей разных групп украинцев, включая русскоговорящих, а также русских Украины. Представляется открытым вопрос о результатах *современной* «украинизации» населения различных регионов Украины. Реальное формирование украинской нации, по-видимому, происходит в рамках *разных* моделей *региональной* идентичности.

В ситуации *российской* части приграничий принятая на *Украине* этнократическая модель стимулирует две тенденции, которые можно воспринимать как противоположно направленные: а) усиление осознания своего украинского происхождения (что облегчается сохранением историко-культурного ландшафта, обогащаемого дополнительными маркерами, связанными с

Украиной), включая современную ментальную близость с жителями соседних областей Украины и б) подтверждение своей именно российской идентичности, что вписывается в «имперскую» модель российской нации. При этом региональная идентичность продолжает существовать «поверх государственных границ», что также возможно рассматривать как форму «имперской» идентичности (в ее как бы «неофеодальном» варианте, который, возможно, характерен и для современной белорусской идентичности).

Проведенный анализ позволил, как представляется авторам, представить этнокультурные и региональные аспекты идентичности, историческую память как некоторую реальность, неотделимую от сознания людей и в целом существующую достаточно изолированно от различных форм политических технологий и идеологии в целом, - параллельно им, в чем-то «не смотря на ...», а в чем-то — благодаря им.

Такая точка зрения может расходиться с конструктивистским подходом, отводящим людям пассивную роль, связанную с их подчинением социально-политической инженерии и, в конечном счете, предполагающим отсутствие у них своих идеологических и иных предпочтений. Эти предпочтения, согласно подходу конструктивистов, люди должны заимствовать извне и, таким образом, идентичность и историческая память – это продукт деятельности в сфере политики, но не культуры как долговременной тенденции, связанной с кумулятивной казуальностью, как это предполагается авторами. Так, Г. И. Мусихин пишет: «В академической историографии все чаще стало встречаться понятие “коллективная память”, напрямую связываемое с понятием “идентичность”. Такой подход, по сути, означает, что феномен социальной сплоченности скорее “изобретается”, то есть является сконструированным, чем “обнаруживается”, то есть является сконструированным, а не объективно существующим и выводимым из реальной социально-экономической структуры общества» [11, с. 138]. Для авторов не вполне понятно, почему достаточно очевидная (даже «тавтологическая») связь коллективной памяти и идентичности трактуется как пример адекватности именно конструктивистской модели?

Указанные разногласия с конструктивистами не лежат в плоскости методологии, в частности, противопоставления номинализма или реализма, объективизации или субъективизации научных представлений. С точки зрения авторов, наблюдаемая реальность одновременно и «конструируется», и «существует объективно», при этом научный аппарат в принципе должен отражать обе эти стороны реальности, не отдавая предпочтение одностороннему отображению логики конструктивизма, что сейчас распространено. Дополнительное замечание по поводу формулировки Г. И. Мусихина: идентичность не является производной от социально-экономической структуры общества; собственно, именно это было признано даже Сталиным в 1952 году в дискуссии по вопросам языкознания. Признание автономии идентичности никак не означает «правоты» конструктивистского подхода. Управляемость социокультурными про-

цессами возможна лишь в определенных рамках, но и в таком случае она не сводится к допущениям конструктивизма.

Список использованной литературы и источников

1. *Антанович Н. А.* Методологический анализ пограничья в социально-гуманитарных науках // После империи: исследования восточно-европейского пограничья. Сборник статей. Под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. — Вильнюс, ЕНУ-International, 2005 — С. 6 – 17.
2. *Багалій Д. І.* Історія Слободскої України. — Харьков: Союз, 1918. — 308 с., 2 карты.
3. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография / Отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. — М.: Изд-во РУДН, 2005. — 378 с.
4. *Беспмятных Н. Н.* Этнокультурная пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросскультурных взаимодействий. Научный ред. проф. М.А. Можейко. — Минск: РИВШ, 2007. — 404 с.
5. *Беспмятных Н. Н.* «Пограничные исследования»: генезис, эволюция, перспективы // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье. — Гродно: ГрГУ, 2010. — С. 12–15.
6. *Бреский О., Бреская О.* От транзитологии к теории пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа». — Вильнюс: ЕГУ, 2008. — 336 с.
7. Восточно-Европейское Пограничье: социально-экономическая динамика: кол. монография / Сорочан О.П. и др. — Вильнюс: ЕГУ, 2011. — 284 с.
8. *Гриценко А. А.* Региональная идентичность: ситуация в российско-украинском пограничье. — LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken GmbH & Co. KG, 2011. — 169 с.
9. *Дьяконов И. М.* Пути истории. — М.: КомКнига, 2010. — 384 с.
10. *Крылов М. П.* Региональная идентичность Европейской России. — М.: Новый хронограф, 2010. — 237 с.
11. *Мусихин Г. И.* Идеология и история // Общественные науки и современность. 2012. № 1. — С. 134–141.
12. *Пора-Леонович А. Я., Ставровский Я. Ф.* // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1903, т. 7, Малороссия. — СПб: Издание А.Ф. Девриена, 1903. — С. 90–127.
13. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / Под редакцией В. А. Колосова и О. И. Вендиной. — М.: Новый хронограф, 2011. — 352 с.

14. *Семенов В. П. и Семенова О. П.* // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1903, т. 2, Среднерусская Черноземная область. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1902. — С. 157–192.
15. *Цыбульская Н. В.* Границы и пограничья в современных социокультурных исследованиях // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье. Гродно: ГрГУ, 2010. — С. 105 – 107.
16. *Identities, Borders, Orders: Rethinking International Relations Theory* .M. Albert, D. Jacobson, Y. Lapid (eds.). — Minneapolis, L.: University of Minnesota Press, 2001. — 349 p.
17. *Krylov M. P.* Regional Identity of the European Russian Population // Herald of the Russian Academy of Sciences. Pleiades Publishings. 2009, Vol. 79. No. 2. — Pp. 179–189.
18. *Krylov MP., Gritsenko .A.* Regional identity in the Interior and Borderland Territories of the South-West European Russia // International Conference “Geography and Regional Development”. Proceedings, Bulgarian Academy of Sciences, NIGGG, Sofia, 2010. — Pp. 113–118.
19. *Krylov M., Gritsenko A.* Modern Problems of Ethnical and Regional Self-Identification in Russia // Natural Resource Development, Population and Environment in Russia: their Present and Future in Relation to Japan. Proceedings of the 2nd Russian-Japanese Seminar. September 13 – 14, 2010, Moscow, 2010 — Pp. 90–97.

Е. Г. Милюгина, М.В. Строганов

ТЕКСТ ПРОСТРАНСТВА

Фрагменты словаря «Русская провинция»*

Словарь «Русская провинция» — первый в отечественной науке опыт комплексного осмысления и междисциплинарного описания пространства как носителя культуры. Необходимость его создания вызвана тем, что большинство современных разысканий в области культурного пространствоведения ограничиваются постановкой частных задач и потому оказываются односторонними: эти исследования касаются либо социологии пространства (провинциаловедение), либо мифологии пространства (локальные тексты), либо политологии пространства (областничество). Практически все из них отличаются произвольным выбором объектов для анализа, порой идеологизированностью используемых схем, а главное — отсутствием системного видения предмета. При таком подходе к проблеме невозможно, на наш взгляд, осмыслить и

понять исторически сложившийся образ России как совокупности местных культурных сообществ и традиций.

Впервые идея создания словаря терминов, связанных с изучением провинциального текста, сформировалась в 2005 году. Словник этого словаря, составленный М. В. Строгановым и А. Ф. Белоусовым, был обсужден на Круглом столе «Современное провинциаловедение: задачи и методы изучения» в Курске; важные замечания и дополнения по содержанию и структуре словника сделали П. А. Клубков, В. Ш. Кривонос, Д. К. Равинский и Е. Н. Строганова [1]. С тех пор словник неоднократно перерабатывался, но общая структура его оставалась прежней.

Структура подготовленного нами Словаря включает следующие тематические разделы: Провинция как геополитическое понятие и административная единица; Провинция в системе децентрализованных исследований; Провинция в системе социальных иерархий; Пространство как текст; Типы общественного самосознания и социальной психологии; Литературные образы провинции. Основу Словаря составили исследования феномена русской провинции в системе самых разнообразных измерений и координат. В их числе — сопоставление геополитических и административных характеристик, анализ социальных иерархий столицы / провинции, мейнстрима / маргинальности, уяснение причин и форм текстуализации пространства, факторов возникновения естественных и создания искусственных локальных текстов, описание типов общественного самосознания и социальной психологии, а также литературных образов провинции.

В качестве источников словарных статей в Словаре используются исторические, геополитические и социально-экономические сведения о включенных в словник регионах, рассматриваемых как локальные тексты; фольклорные и литературные произведения, отражающие провинциальную психологию, топику, феноменологию и сюжетику; градостроительные описания, архитектурные, скульптурные, живописные и графические произведения, запечатлевшие топику и феноменологию провинции; научные исследования провинции в системе децентрализованных и социальных измерений, запечатлевшие типы общественного самосознания и социальной иерархии.

Главные цели создания Словаря мы видим в обобщении результатов научных исследований пространства как носителя культуры, полученных отечественными и зарубежными учеными за полтора века развития этой отрасли знаний. В процессе работы над Словарем выработана и апробирована специальная комплексная методология исследования пространства провинции как носителя культуры, основанная на смысловом разграничении принципов провинциаловедения, областничества, исследования локальных текстов, краеведения (регионоведения) и органическом соединении их отдельных элементов. Методологию отличает междисциплинарный характер и семиотический подход.

Гарантом фундаментальности проведенных исследований стала аналитическая систематизация существующей на сегодня отечественной и зарубежной научной литературы о пространстве как носителе культуры; эта работа отражена в составленной в соответствии со сформированным словником тематической библиографии к статьям.

Список использованной литературы и источников

1. Материалы Круглого стола «Современное провинциаловедение: задачи и методы изучения» // Пространство культуры и стратегии исследования: статьи и материалы о русской провинции. XX Фетовские чтения. — Курск: Курский гос. ун-т, 2006. — С. 249—255.

Примечания

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта по подготовке научно-популярного издания «Русская провинция: словарь», проект № 11-44-93009к. В подготовке материалов приняли участие студенты филологического факультета Тверского государственного университета Л. С. Быша, Е. М. Карпова, Е. А. Чистякова (см. подписи к статьям Словаря).*

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

Город. Крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр. В послепетровской России важнейшей административной единицей была провинция, а ее центром *провинциальный Г.* Но в 1775 г. провинции были упразднены, а многие провинциальные Г. получили статус губернских. Этот процесс длился до 1796 г., после чего понятия *провинция*, *провинциальный Г.* утрачивают терминологическую определенность, хотя слово *провинция* для обозначения административного центра встречаются и в текстах XIX в.: «Ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях» (*Гоголь Н.В.* Мертвые души // Полн. собр. соч.: [в 14 т.]. — [М.; Л.], 1951. Т. 6. С. 245). Центром губернии, основной административно-территориальной единицы, был *губернский Г.* Подразделением губернии считался *уезд*, складывающийся вокруг центра — *уездного Г.* В зависимости от того, центром какой административно-территориальной единицы был Г., выделялись его различные типы. «Русская империя наша состоит из множества Г.: столичных, губернских, уездных, заштатных; и далее — из первопрестольного града и матери градов русских. Град первопрестольный — Москва; и мать градов русских есть Киев. Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что — то же) подлинно принадлежит Российской империи» (*Белый А.* Петербург. Л., 1981. С. 9—10).

В *столичном Г.*, главном Г. государства, обычно находятся правительство и правительственные учреждения. В литературе образ столицы создается подробным описанием местности, достопримечательностей, центральных улиц. Столичные Г., Петербург или Москва, всегда неповторимы и исключительны. М. Ю. Лермонтов в «Панораме Москвы» (1834) писал: «Москва не есть обыкновенный большой Г., каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! У нее есть своя душа, своя жизнь» (*Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: в 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 369). Москва и Петербург противопоставлены остальным Г. России: «Для русского, который родился и жил безвыездно в Петербурге, Москва так же точно изумительна, как и для иностранца. По дороге в Москву наш петербуржец увидел бы, разумеется, Новгород и Тверь, которые совсем не приготовили бы его к зрелищу Москвы; хотя Новгород и древний Г., но от древнего в нем остался только его кремль, весьма невзрачного вида, с Софийским собором, примечательным своею древностию, но ни огромностию, ни изяществом. Улицы в Новгороде не кривы и не узки; многие дома своею архитектурою и даже цветом напоминают Петербург. Тверь тоже не дает нашему петербуржцу идеи о Москве: ее улицы прямы и широки, а для губернского Г. она довольно красива. Следовательно, въезжая в первый раз в Москву, наш петербуржец въедет в новый для него мир. Тщетно будет он искать главной или лучшей московской улицы, которую мог бы сравнить с Невским проспектом. Ему покажут Тверскую улицу — и он с изумлением увидит себя посреди кривой и узкой, по горе тянущейся улицы, с небольшою площадкою с одной стороны, — улицы, на которой самый огромный и самый красивый дом считался бы в Петербурге весьма скромным со стороны огромности и изящества домом» (*Белинский В.Г.* Петербург и Москва, 1845 // Полн.собр. соч.: в 13 т. М., 1953. Т. 8. С. 385). Таким образом, возникает оппозиция *п р о в и н ц и я / с т о л и ц а*. «Все большая актуализация в литературе темы провинциального Г., особенно с появлением „Губернских очерков“ Салтыкова-Щедрина, видимо, приводит к тому, что понятие *провинция* начинает связываться преимущественно с городом» (*Строганова Е.Н.* «Миниатюрный мир провинции в русской прозе 1830-х — первой половины 1840-х гг. // Русская провинция: миф — текст — реальность. М., СПб., 2000. С. 197).

Русская литература создает отрицательный образ провинциального Г., пошлого, безобразного и скучного: «Городок Б очень повеселел, когда начал в нем стоять *** кавалерийский полк. А до того времени было в нем страх скучно» (*Гоголь Н.В.* Коляска // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 177); «Тамбов на карте генеральной / Кружком означен не всегда; <...> Но скука, скука, боже правый, / Гостит и там, как над Невой» (*Лермонтов М.Ю.* Тамбовская казначейша // Собр. соч. Т. 4. С. 119). После Гоголя описание провинциального Г. становится очень важной чертой в произведениях русской литературы. «По словам итальянского литературоведа Л. Пачини-Савой <...>, литературный процесс 30—40-х гг. в России начинается именно с миргородской лужи» (*Фазолини М.* Русский провинциальный экстерьер (на материале произ-

ведений В.А. Сологуба // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 228). В этой луже отражается весь мир провинциального Г.: «Чудный Г. Миргород! Каких в нем нет строений! И под соломенную, а под очеретяную, даже под деревянную крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцобразную голову, краснее мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь! Плетень всегда убран предметами, которые делают его еще более живописным... или напяленную плахтою, или сорочкою или шароварами. В Миргороде нет ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вешает, что ему вздумается. Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! Единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее» (*Гоголь Н.В. Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 244*).

Образ провинциального Г. является крайне обобщенным. Одной из важных его особенностей является безымянность: «Г. без имени» В.Ф. Одоевского. Г., лишенный названия, лишен и своей неповторимости. Ср.: «Вы говорите: „Такого Г. нет вовсе в России...“ Зато и не назван этот Г. Вы сами слышите, что это Г. неправильных отступлений... сборный Г. всей темной стороны» (*Гоголь Н.В. Ревизор // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 387*); «Все губернские Г. похожи друг на друга. Посмотри на один — все будешь знать» (*Сологуб В.А. Тарантас // Избранная проза. М., 1983. С. 375*); «В России все Г. одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч» (*Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1975. Т. 4. С. 72*); «маленький северный русский городишко», «о котором учебники географии говорят кратко: “уездный Г. такой-то”, не приводя о нем никаких дальнейших сведений» (*Куприн А.И. Черная молния // Собр. соч.: в 5 т. М., 1982. Т. 3. С. 365*). «Особенно характерно здесь неопределенное местоимение „такой-то“, заменяющее название Г. Отсутствие имени („минус-имя“) — обычно „дурной знак“: это — знак провинциальности Г.» (*Белюсов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального Г.) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 458*).

В произведениях многих писателей реально существующие провинциальные Г. часто обозначались условными названиями: «***ов» в «Полиньке Сакс» А.В. Дружинина — Псков, «губернский Г. О...» в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева — Орел; гораздо чаще они «фигурировали под условными знаками, вроде латинской буквы N или другого общепринятого сокращения NN. Этим маскировалось настоящее название города, что создавало иллюзию географической реальности в художественном тексте» (*Белюсов А.Ф. Символика захолустья... С. 458*). Но чаще криптоним обозначал вымышленный Г., вобравший в себя черты всех провинциальных Г. Таков типичный губернский Г. NN в «Мертвых душах» Гоголя; характерен

этот прием и для А.П. Чехова: «Губернский Г. С.» (Ионыч, 1897—1898), «Городишко Б, состоящий из двух-трех кривых улиц» (Аптекарьша, 1886); «Уездный городишко N» (Первый дебют, 1886); «Городишко К.» (Муж, 1886); «Губернский Г. N» (Мороз, 1887).

Из произведения в произведение повторяются шаблонизированные описания провинциального Г., ср., например, у В.А. Соллогуба, занимавшегося детальным описанием облика и столицы, и провинции: «Уездный Г. С. — один из печальнейших городков России. По обеим сторонам единственной главной улицы тянутся, смиренно наклонившись, темно-серокоричневые домики, едва покрытые полусогнившим тесом, домики, довольно сходные с нищими в лохмотьях, жалобно умоляющими прохожих. Две-три церкви — благородная роскошь русского народа — резко отделяются на темном грунте. Старый деревянный гостиный двор — хранилище гвоздей, муки и сала — грустно глядится в огромную непросыхающую лужу. Из двух-трех низеньких домиков выглядывают пьяные рожи канцелярских тружеников. На лево красуется кабак с заветною елкой, за ним острог с брусяным тыном...» (*Соллогуб В.А. Аптекарьша // Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 142.*)

Е. А. Чистякова

Губерния. Высшая единица административного деления и местного устройства в России, которую ввел Петр I (1708), разделивший страну на 8 Г.: Петербургская (до 1710 — Ингерманландская), Московская, Архангелогородская, Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская, Сибирская. В 1713—1719 гг. образованы Нижегородская, Астраханская, Рижская Г., а Смоленская разделена между Московской и Рижской. Г. были разделены сначала на доли, с 1719 г. — на провинции, а те — на дистрикты. Во главе Г. стоял губернатор, руководивший разветвленным аппаратом. К концу царствования Екатерины в России было 51 Г., каждая с населением 300—400 тыс. ревизских душ. Две-три Г. объединялись в наместничества, а сами делились на уезды с 20—30 тыс. душ (12—15 в одной Г.). Губернаторы были подведомственны Сенату и прокурорскому надзору во главе с генерал-прокурором. Ближайшим помощником губернатора являлся вице-губернатор. В системе губернской администрации ведущая роль отводилась дворянству и дворянскому самоуправлению. Некоторые должности, занимаемые дворянами, были выборными.

В XIX в. в центре Европейской России сохраняются Г. (51), а на национальных окраинах (кроме Остзейского края) создаются генерал-губернаторства. Кроме этого, во второй половине XIX — начале XX в. на приграничных территориях было образовано 20 областей, соответствующих Г. Местные органы власти упрощаются и все более прямо подчиняются губернатору. Земская, городская и судебная реформы 1860—1870-х гг. ввели в организацию местного управления и суда выборное сословное представительство. В 34 Г. выборные органы земского самоуправления заведовали местным хозяйством, в городах — городские думы и

управы. Земская (1890) и городская (1892) контрреформы усилили представительство дворян в местном самоуправлении и подчинение его администрации. В 1907—1910 гг. усилилась роль полицейских органов и дворянских организаций. После Февральской революции 1917 г. система губернских учреждений сохранилась, но губернаторов заменили губернские, а в уездах — уездные комиссары. Административное деление на Г. было заменено в 1929 г. делением на области и края, а позднее и округа.

В просторечии Г. — это также губернский г о р о д , главный город Г. (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. III. С. 405). И.А. Гончаров так писал о коренном населении Обломовки, родины Ильи Ильича: «Они знали, что в восьмидесяти верстах от них была „губерния“, то есть губернский город, но редкие езжали туда; потом знали, что подальше, там, Саратов или Нижний; слышали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак — и, наконец, все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю» (*Гончаров И.А.* Обломов // Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб., 1998. Т. 4. С. 103—104).

А поскольку столичные города Петербург и Москва не осознавались как губернные, Г. осмыслялась как провинция. Именно в этом значении употреблял это слово и Н.В. Гоголь в поэме «Мертвые души» (1842). Описывая дамские туалеты на балу, автор восклицает: «...словом, кажется, как будто на всем было написано: нет, это не Г., это столица. Это сам Париж!». А при виде танца, в котором участвует все губернское светское общество, Чичиков говорит, «попятившись назад»: «Вона! пошла писать Г.!» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 164). Выражение имеет канцелярско-приказное происхождение, поскольку практически все делопроизводство Г. находилось в губернском городе. Особая популярность его объясняется тем, что именно эта фраза стала основой для одной из иллюстраций А. А. Агина к поэме, ретражированной многими изданиями.

В силу противопоставленности столице Г. становится синонимом провинции. А. С. Пушкин начинает повесть «Барышня-крестьянка» (1830) следующими словами: «В одной из отдаленных наших губерний находилось имение...» (*Пушкин.* Полн. собр. соч.: в 16 т. [Л.], 1948. Т. VIII. С. 109). На самом же деле события в повести разворачиваются в центральной России. То же словоупотребление мы видим и в современном языке: «В последние годы было написано несколько диссертаций, рассматривающих эволюцию провинциального чиновничества на примере отдельных регионов страны (Московская, Тверская, Вятская Г.). / *Предмет настоящего исследования* — провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. на примере Рязанской Г.» (*Поскачей Т.А.* Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII — первой половине XIX в.: на мате-

риалах Рязанской губернии: дисс. ... к. ист. н. Рязань, 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.disserr.ru/contents/218803.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

М. В. Строганов, Е. А. Чистякова

Малая родина. Место, связанное с рождением человека. Концепт М. р. формировался в рамках краеведческого движения рубежа XIX—XX вв. В частности, у Н. Г. Потанина: «...если литератор не стал “свободным от могущественного потока русских умственных сил”, не освободился от внешнего взгляда на свою М. р., он еще не сибиряк» (цит. по: *Казаркин А. П. Проза Сибири в XX веке // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания.* Томск, 2003. С. 98). Но социальное и общественное признание этот термин лишь в конце 1960-х гг., в рамках «деревенской прозы». Позднее понятие М. р. стали находить у авторов, так или иначе связанных с писателями-деревенщиками (например, у А. Т. Твардовского), хотя у него этого понятия нет.

Вот типичное представление М. р. в современной культуре: «*Кажется, что Родины много. А где она? Точно сказать и ответить на этот вопрос трудно. Скажем, та же Москва — сердце нашей Родины. Город и свой, и чужой, где-то там далеко-далеко... / Я знаю Родину близкую, которую можно понять всей душой, телом и сердцем. Можно ее не только видеть глазами, но и услышать плеск волн, шелест камыша, песни птиц, крики чаек, стон гагары. Можно войти в нее, красавицу природу, потрогать руками, поцеловать, как красивую девушку, наслаждаться ее красотой. Это и есть самое простое человеческое счастье. Так что такое М. р.? / Это то, что расположено недалеко от меня. Это где-то рядом. Это то, к чему я прикасалась в детстве. Это то, чему я радовалась в юности. / Эта любовь к местам, где я родилась, живу и работаю. / Это то, чем я люблюсь сейчас. Когда от одного воспоминания о М. р. защемит сердечко, а иногда вдруг повлажнеют глаза» (КурганВики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wikikurgan.orbitel.ru/index.php/>. Дата обращения: 11.11.2011). Переводя этот сентиментальный текст на язык понятий, можно сказать, что М. р. — это концепт, сформированный в рамках локализма как обозначение реального общества. В этом отношении М. р. противостоит Родина в качестве концепта, сформированного в рамках глобалистических тенденций как обозначение воображаемого сообщества (*Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма.* М., 2001). В известной мере локализм и М. р. являются синонимами, хотя локализм имеет сугубо негативные коннотации, а М. р. чаще всего связана с сентиментально-слезоточивыми настроениями. Так в песне «М. р.» (музыка А. Морозова, слова Ю. Паркаева) говорится: «М. р., тот уголок, / Ближе которого нет, / Тот материнский ночной огонек, / Душу выводит на свет» (Moskva FM [Электронный ресурс].*

Режим

доступа:

http://www.moskva.fm/artist/%E1%F0%E0%F2%FC%FF%F0%E0%E4%F7%E5%ED%EA%EE/song_994511. Дата обращения: 11.11.2011). Те же приемы описания см. в рассказе Е. И. Носова «М. р.».

Конфликт Родины и М. р. очевиден, в прозе В. Белова, кинодраматургии В. Шукшина и у близких к ним авторов 1960—1970-х гг. он оформлял конфликт бездушной государственной машины и частного человека (Любовь к родине [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://culture.niv.ru/doc/culture/sadomirskaya-rodina/009.htm>. Дата обращения: 11.11.2011). В постсоветское время была сделана попытка снять конфликт: «Реализовать любовь к великой России можно только через любовь к своей М. р. — месту, где ты родился, где живут родные, друзья, где человек сформировался и понял, что он звено в непрерывной череде поколений людей, идущих из прошлого в будущее через настоящее» (Ершов Б.А., Финкельштейн В.Б. Тверия и тверитяне. Тверь, 2005. С. 3. Серия «Моя М. р.»). Ср.: «Мы бы нищими стали, пожалуй, / Если б не были слиты душой, / С той единственной родиной малой, / Где начало отчизны большой» (песня «М. р.», музыка А. Морозова, слова Ю. Паркаева). Но на этой базе рождается парадоксальный перевертыш. Поскольку М. р. — это начало Родины большой, то большой Родины без М. р. быть не может; из этого следует, что М. р. важнее Родины вообще: «Большая Родина без малой / Не то чтоб слишком велика, / А как бы дом родной без мамы...» (Фокина Ольга. Матица). Ср. также предисловие О. Ботолоиной к сборнику «Ах, как сладко звучит эта М. р.» Л.Н. Гороховой: «С чего начинается Родина? Этот вопрос рано или поздно задает себе каждый живущий на планете. / А начинается все же любовь к своей Отчизне с отчего дома, с матери». В стихотворении Л.Н. Гороховой «М. р.» мы находим и очень важную ценностную инверсию. Начинается все с привычного штампа: «У кого нет М. р., / у того нет и большой». А заканчивается стихотворение прямо противоположным утверждением: «Соберутся ребятки, друзья и подружки, / И — айда за деревню веселой гурьбой, / А домой прибегут — и на печь для просушки, / С „М. р.“... С малой? Нет, очень большой!» В стихотворении «М. р. (к юбилею района)» Л.Н. Горохова пишет: «Посвящаю я родине малой / Эти строки не цифр, а стихов, / Пламенеют зарницею алой / Поднебесных стада облаков. <...> // Так цветы же, мой край плодородный, / Золотою звездой сияй! / Родничок животворный, народный, / И страну своей славой венчай!» И еще одно стихотворение того же автора — «Есть такая страна»: «Ах, как сладко звучит эта „М. р.“, / Словно в детство свое ты нырнул с головой. <...> / Вспомнишь „М. р.“ — вспомнишь странницу Русь. / И пронзит твое сердце сердечная грусть, / И рванешься ты к ней исцелиться душой... / „М. р.“ той — равнозначной большой» (Сайт Вельского ЛИТО [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://litovel.ucoz.ru/news/proekt_malaja_rodina/2011-03-19-49. Дата обращения: 11.11.2011; Любовь Горохова. Поэзия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novlit.ru/inessa74/2010/01/07/ax-kak-sladko-zvuchit-eta-malaya-rodina/>. Дата обращения:

11.11.2011). М. р. оказывается важнее и сущностнее просто Родины — такова установка многих современных авторов, тяготеющих к ценностям провинциальной жизни.

Соотношение и связь Родины и М. р. в современном общественном сознании демонстрируют результаты социологического исследования «Большая и малая родина». Практически все россияне (92 %) считают, что человек должен знать, откуда он родом; 7 % опрошенных полагают, что знать это необязательно. Для 49 % участников опроса понятие Родины связано с тем местом, где они родились; 47 % отождествляют Родину со всей Россией. Чаще других считают своей Родиной всю страну люди старшего поколения (53 %) и респонденты с высшим образованием (54 %). Между М. р. и Родиной существует тесная связь, но М. р. — это не только определенное место, но и особый тип отношения человека к обществу, с которым он себя отождествляет: «*Малая* — это куда вернуться хочется, действительно, отовсюду. А *большая* — чем гордиться хочется» (База данных ФОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_cent/dd011133. Дата обращения: 11.11.2011).

Другой пример: «Недавно Владимир Веске написал песню о своей М. р., своем поселке Опарино <на севере Кировской области>. Родина... Отечество... Отчизна... — для нас это наша родная Россия. Но у каждого из нас с вами, есть маленький уголок, точка на Земле, где мы родились, сделали первые шаги, учились, добивались каких-то успехов и высот — это наша родина. И хотя мы это слово пишем с маленькой буквы, оно не менее значимо в жизни, чем Родина — Россия». Сентиментально-слезливое настроение присутствует и тут в виде указания на непрофессионализм автора: «Их творчество отличается прикосновением к вечной красоте и гармонии природы, родного дома и М. р. Музыка и стихи просты, как сам незатейливый деревенский уклад. <...> Но в каждом городе, деревне или поселке городского типа есть обычные на первый взгляд люди, <...> но они так же являются продолжателями жанра авторской песни». Непрофессионализм автора проявляется в том, что в песне нет ничего специально «опаринского», так можно писать и о курской деревне, и об архангельской: «М. р., северный край... / В ветках смородины ветер играет. / Среди полей и лесов речушка бежит, / И там, у реки, наш поселок лежит. // Поселок родной, сердцу нашему дорог. / Иногда путь домой нам кажется долог. / Родные места, родительский дом... / И гордимся мы тем, что здесь мы живем» (Мельница [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.luckymill.ru/index.php/shoy-biznes/108-avtorskaya-pesnya-o-maloj-rodine>. Дата обращения: 11.11.2011). То же сентиментальное настроение, те же уменьшительно-ласкательные суффиксы в стихотворении неизвестного автора с тем же названием «М. р.»: «А в родимом краю и березки другие, / И душистей сирень, зеленой тополек. / Много мест на земле, только в нашей России, / Может каждый по сердцу найти уголок. // Может, где-то, в лесу, в чистом поле, быть может, / Может, у океана, на дикой скале, / Человек, своей жизни, фундамент заложит / И свой выстроит дом, лучший дом на земле. // И введет в дом жену, без хозяйки он пуст, / И ребенок родится, как положено,

в срок / На большой своей Родине, с именем Русь, / Назовет М. р., тот уголок. // И куда бы он не был заброшен судьбой, / И каких бы дорог после не было пройдено, / Человек будет знать, у него за спиной, / Есть всегда крепкий тыл — его М. р.» (Дом Солнца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sunhome.ru/poetry/151797>. Дата обращения: 11.11.2011; сохраняем в данном случае пунктуацию и орфографию источника, поскольку они отражают уровень самосознания автора). Когда же указываются специфические черты М. р., что позволяет выделить это место как локальный текст и снять ту сентиментальность, которая прикрывала отсутствие индивидуальности. Так построено стихотворение «М. р.» А.Е. Гаврюшкина: «Белокуруху — Родину малую славлю, / Ей любовь и признание я отдаю. / Свои мысли и чувства, как золото плавлю, / И стихи в ее честь, как могу, создаю... // Белокуруха — это кусочек России, / Это город Сибири и город-курорт. / В мире города нет, хоть немного красивей, / Здесь есть Сопка и Круглая — горы из гор. // Здесь в войну был „Артек“ и лечебницы были. / Сколько раненых на ноги ты подняла? / Напрягая порою последние силы, / Жизнь дарила другим, добротой жила. // О тебе, Белокуруха, ходят легенды. / В тех легендах не сказка, а правда живет! / Жаль, давно уже нет того старого стенда, / Где у клуба с Высоцким толпится народ. // Здесь на Чайной скале, сплошь заросшей баданом / Люд сибирский бывал, чтобы чая собрать. / Твой источник целебный залечивал раны, / Ты и ныне зовешь всех к себе отдыхать» (А.Е. Гаврюшкин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://aeg.infoprof.ru/index.asp?ID_aeg_Rubrik=27&ID_aeg_Poem=827. Дата обращения: 11.11.2011).

М. р. в последнее время стала предметом школьного изучения. Ср. дополнительную образовательную программу для учащихся 2 (3, 4) классов «Моя М. р.» (соавтор Н.Н. Дутчина; прогимназия № 13 г. Майского). Вот тематический план этой программы: Из истории основания города, Первые поселенцы, укрепление, Терек — самая полноводная река КБР; История г. Майского. Город Майский — районный центр; Северо-Кавказская железная дорога. Станция «Котляревская»; Адрес г. Майского; Улицы г. Майского; Моя школа, мой дом; Этнография города Майского; Население г. Майского; Обычаи и традиции майчан; Культура и быт горожан; Памятники и мемориальные доски г. Майского; Почетные жители г. Майского; Поэты и писатели; Художники г. Майского. Экскурсия в ДШИ; Ансамбли «Казачок», «Майчанка» и другие творческие коллективы; Спортивные достижения майчан; Выставка рисунков; Природа Майского района; Жизнь леса. Вредители леса; Грибы и ягоды; Аптека под ногами. Интеллектуально-познавательная игра «Поле чудес»; Растения под охраной. По страницам Красной книги; Лекарственные растения на территории г. Майского; Животный мир Майского района; Птицы Майского района; Индивидуальные сообщения учащихся о животных, о птицах, о насекомых; Изготовление кормушек для птиц; Мои домашние животные; Редкие и исчезающие животные; Конкурс «Лабиринт живой природы»; Экскурсия в лесное хозяйство Майского

района; Экскурсия в краеведческий музей (Мой сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://olg.ucoz.ru/index/moja_malaja_rodina/0-29. Дата обращения: 11.11.2011). Как видим, программа соответствует скорее понятию локального текста, чем понятию М. р., хотя многие природоведческие темы (Жизнь леса. Вредители леса; Грибы и ягоды; Аптека под ногами) вообще выходят за пределы всяких территориально ограниченных знаний. Такой характер имеют и программа и учебное пособие для учащихся 9 класса «Моя М. р. — Нюрбинский район». Но поскольку ее составитель Г.Н. Васильев является учителем географии школы в Нюрбе Республика Саха (Якутия), крен здесь сделан в область географии и биологии, что, впрочем, и естественно, поскольку природная жизнь края пока еще богаче, чем культурная (Моя малая родина — Нюрбинский район [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nyurba.ucoz.ru/publ/programma_i_uchebnoe_posobie_moja_malaja_rodina_njurbinskij_rajon/1-1-0-2. Дата обращения: 11.11.2011). См. также методику разработки электронного учебного пособия «Моя М. р. — Нюрбинский район» (NNOVER.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nyurba.nnover.ru/moi-publikatsii/5278885.html>. Дата обращения: 11.11.2011). Существует книга для чтения в 4—7 классах в двух частях «Наша М. р.» Г. Р. Граубина, которая представляет собой популярное издание по истории Забайкальского края (Интернет-магазин «Экспресс-издательство» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baikalbook.ru/product/nasha-malaja-rodina-kniga-dlja-chtenija-v-4-7-klassah-/>. Дата обращения: 11.11.2011). Максимально узкое толкование М. р. мы видим в программе курса «М. р.», авторы которой (Чувашская Республика) исходят из того, что современной эпохе свойственно противоречие между локальными ценностями и глобализацией, что существует много версий исторического развития и что вхождение человека в культурно-исторический контекст осуществляется через М. р. Курс состоит из двух частей: Улицы села — ручейки полноводной реки; Истоки села и его будущее (Чувашская республика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cap.ru/home/58/obraz/%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%81%D0%B8/obuzenie/elektivnykurs.htm>. Дата обращения: 11.11.2011).

Важное место в жизни современного общества занимают Интернет-проекты. Сайт «Моя М. р.» (Моя М. р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rodina-portal.ru. Дата обращения: 11.11.2011) призван стать единым информационным пространством малых городов и сельских территорий России. Посетители «Моей М. р.» могут выбрать интересующий их регион, узнать про сельские населенные пункты, об их количестве и названиях. На сайте есть разделы «Книга Памяти» (биографии ветеранов Великой Отечественной войны из сельской местности), «Традиции народов России», «Вакансии АПК», «Молодежный агробизнес», «Молодое село» (Мое образование начинается здесь! [Электронный ресурс]. Ре-

жим доступа: http://tversu.moeobrazovanie.ru/rssm_moya_malaya_rodina.html. Дата обращения: 11.11.2011).

Наконец, понятие М. р. используется и в социальных проектах, в основе которых очевидно просматривается спекулятивная цель. Такова, например, межрегиональная общественная организация «По распространению российской национальной идеи — процветание М. р. каждого россиянина», которая переименована из межрегиональной общественной организации «Работодатель» (Наша М. р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.malaya-rodina.ru/ustav.htm>. Дата обращения: 11.11.2011).

Лит.: *Крылов М. П.* Российское культурно-историческое пространство. Проблема региональной идентичности // Мир психологии. 2005. № 3; *Бяспамятных М. М.* «Малая айчыны»: пам ж. лтаратурнай метафарай і навуковай катэгорыей. «З краю Навагрудскага» (малая айчына у жыцц і творчасц Адама Міцкевіча) М. М. Бяспамятных. Гродна, 2006.

М. В. Строганов

Москвы уголок. Вторая часть поговорок, используемых провинциальным сознанием для поддержки и повышения своего status quo; прием этот можно назвать присвоением статуса «младшего брата». Модель поговорки «такой-то городок — М. у.» хорошо известна и давно зафиксирована словарями. Ср. едва ли не первую фиксацию ее: «Тула городок — М. у. Это так же справедливо, как справедливы, большею частью, и все народные замечания и поговорки. Тула может точно назваться Замоскворечьем, по своим каменным зданиям, красивым улицам, по движению на них народа, по своей торговле и промышленности; один ружейный завод стоит иного города» (*Жихарев С.П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Л., 1989. Т. I. С. 244—245). Примеры поговорок этого типа если не бесконечны, то, во всяком случае, весьма многочисленны, поскольку каждый близлежащий (и не только близлежащий) по отношению к столице город стремится поднять свой статус фактическим приобщением себя к столице. Ср. в романе А.И. Герцена «Кто виноват?» высказывание жителей о своем провинциальном городе: «...наш городок-с чего другого нет, а насчет гостеприимства — М. у.-с!» (*Герцен А.И.* Кто виноват? // Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1975. Т. I. С. 228); «Ярославль городок — М. у. (это говорится о многих других городах)» (*Даль В.И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: сборник: в 2 т. СПб., 1997. Т. I. С. 276); «„Тверь-городок, М. у.“ — говорят коренные тверяки, подобно жителям многих других городов, составляющих широкое оплечье нашей древней столицы. И недаром живет здесь эта пословица: в самом деле, Тверь — городок чистенький, весьма опрятный, древний, как немногие города наши после Москвы, и красивый своим местоположением — тоже, как очень немногие губернские города у нас на Руси» (*В. К.* Городская хроника // Тверские губернские ведомости. 1854. 28 августа.

№ 35. Часть неофициальная. С. 111—112). А.Н. Островский в дневнике путешествия по Волге в 1856 г. отмечает, что эту поговорку привел применительно к Твери 1840-е гг. немецкий путешественник барон Гакстгаузен. Оспаривая это, Островский указал, что так же называют «и Ярославль, и Тулу, и Казань, и даже Ростов». Ср. также о городах, уже достаточно удаленных от Москвы: «Что и говорить — Пенза-городок М. у!» (*Загоскин М.Н.* Вечер на Хопре // Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 283); «Наш Елец хоть уезд-городок, да М. у.» (*Лесков Н. С.* Грабеж // Собр. соч.: в 11 т. М., 1958. Т. 8. С. 119); «Шенкурск-городок — М. у.», «Погорелец — Питеру урывок, М. у.» (*Дранникова Н. В.* Образ архангелогородца в микроэтнонимах-прозвищах // Мастер и народная художественная культура русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 70). Особо укажем на аналогичную поговорку про город Кашин. А.Е. Измайлов писал: «О Кашин, Кашин городок, Царь-града уголок!» (Тверские поэты, современники Пушкина. Тверь, 1999. С. 52). Измайлов вообще часто осмыслял культурные события в геополитических терминах. Например, приезд И.П. Мятлева из Петербурга он оценивал так: «Виц-губернаторства забыл я тяжко бремя; / Ты превратил Тверь в Петербург» (там же. С. 58).

Аналогичные поговорки формируются и на основе сравнения с Петербургом. Например, в Чите существует «расхожее сравнение, что Чита — это Ленинград (Петербург) в миниатюре, за которым скрывается неосознанное убеждение в том, что Чита является историко-культурной окраиной города на Неве» (*Кляус В.Л., Щанова М.Ю.* Провинциальная мифология Забайкалья. Смыслы и нарративы // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 365). Ср.: «Тверь — петербургская сторона!»; «Харьков городок — Петербурга уголок» (*Якушкин П.* Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860. С. 13); «Пинега с Питером под одним литером» (*Дранникова Н.В.* Образ архангелогородца в микроэтнонимах-прозвищах. С. 70).

Поговорки этого типа можно услышать от современных работников культуры, в частности: «Коломна-городок — М. у.». По большей части они происходят не из народной среды и просто воспроизводят известную модель. Это применение одной и той же поговорки к разным городам выполняет ту же функцию, что и литературная анонимность провинциального города. Как известно, в художественных текстах провинциальные города часто называются условными обозначениями, некоторыми подобиями «местоимений» (*Белоусов А.Ф.* Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004). И на самом деле: город Эн, Чухлома и «<наш> городок — М. у.» — все это «местоименные» образования для обозначения некоего «усредненного» образа провинции, но первые два даны с внешней точки зрения, а третье — с точки зрения внутренней, поэтому первые два критичны, а третье идилично.

Другой способ присвоения статуса «младшего брата» находим в песне Б.Ш. Окуджавы из телевизионного водевиля «Соломенная шляпка» (1975), которая начинается словами: «Наш

городок ничем Парижу не уступит, / Ничем, ничем, ни в чем и никогда». Этот текст пародирует тот ход мысли, который мы видели и в разобранных выше примерах: «наш городок» не хуже столицы (геополитическая претензия на первородство), но он все же «городок» — следовательно, он младший брат Парижа. В этом смысле текст Окуджавы может быть признан собственно русским, хотя он отражает и реалии французской культуры, которой присуще противопоставление столицы (Парижа) и остальной (провинциальной) Франции (*Вестстейн В.* Слово «провинция» в некоторых западноевропейских языках (английском, французском, немецком и нидерландском) // *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты.* С. 500). То, что эта тенденция имеет международный характер, свидетельствует о реальном существовании некоторых констант провинциального сознания. Например, среди еврейского населения южно-украинских местечек (штетлов) Тульчина, Балты и Могилева-Подольского существует традиция называть свои родные места «второй Одессой» или «маленькой Одессой» (Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / под ред. М. Лурье // *Штетл, XXI век: Полевые исследования.* СПб., 2008. С. 207—209; ср.: *Гидон Д., Федченко В.* Песни на идише // Там же. С. 265). То же словоупотребление применяется и к иным объектам. В частности, во многих провинциальных городах есть густонаселенный район с рабочим населением, который называется Шанхаем; в Твери в городке бывшей фабрики Морозовых («Пролетарка») самая большая казарма носит название Парижа, и т. п.

Третий способ присвоения статуса «младшего брата» мы видим в тех случаях, когда малое пространство уподобляется большому, как в следующем юмористическом описании Кашина, автор которого располагает на малом пространстве своего уездного города целый ряд объектов: село Тверской губернии Кимры, Владивосток, Одессу — всю географию России. Это обычный прием построения локального текста, утверждающего, что «у нас все свое есть», своего рода натуральное хозяйство: «По Московскому мосту величаво пролегает Московская улица, названная так потому, что иначе ее нельзя было назвать. Как известно, по закону, никакой город не может существовать без Московской улицы. Улица эта замечательна трактирами „Петроград“ и „Москва“, на полпути между которыми раскинулся тенистый сад „Бологое“. Это великолепное наглядное пособие для изучения географии, своего рода карта России в большом масштабе. И нам весьма отрадно видеть, что наша учащаяся молодежь именно Московскую улицу избрала местом для своих прогулок. Гуляя с приятностию, она невольно изучает географию». Здесь «тенистый сад „Бологое“» отражает один из общеизвестных локальных мифов, хотя для современного культурного сознания в его основе лежит не мифология местных жителей, но имевшая всенародный резонанс песня вокально-инструментального ансамбля «Веселые ребята» со словами «Бологое, Бологое, Бологое, / Это где-то между Ленинградом и Москвой». Миф о срединном положении Бологое между двух столиц выступает в

сознании жителей этого города в качестве местного «бренда» (Ахметова М.В., Лурье М.Л. Бологое: между столицей и столицей // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции. Курск, 2005).

Приведенный материал свидетельствует о том, что идеология «младшего брата» независима от собственно провинциальной идеологии и оформляет самые разные пространственные тексты, пронизанные социальной иерархией.

М. В. Строганов

Отстой. В современном молодежном сленге означает что-либо некачественное, скверное (Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2004. С. 468; ср.: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001. С. 409). В настоящее время это значение осознанно применяется для характеристики провинции. Например, в сетевом рассказе Dargin «Гитлер, сука» (2011) героиня говорит: «Я живу в провинции. Мой городок, это липкий, тягучий и тошнотворный мир. Озеро с затхлой водой, покрытой тиной и прошлогодними листьями. Мертвая водица, до неузнаваемости искажающая отражения. / Здесь царит его величество Похмелье и госпожа Тоска зеленая. / Население в основной массе — тупое быдло, которое хочет от жизни только пожрать, нажраться и хорошенько потрахаться. / Будь готов. Всегда готов! / Так и живем: дети дураков, родители придурков». Как и полагается героине из провинции, ей свойственна мечта о столице: «Зато у меня есть мечта. Волшебный мир, где река в гранитном плаще качает знаменитый крейсер, напевая колыбельную. Где острые шпили причудливых зданий вспарывают серую вату туч, вынуждая дождик умыть мостовые, а эхо скользит в таинственной глубине дворов-колодцев. Медный всадник того и гляди пустится вскачь, а половинки мостов на ночь разлучаются. Эге-гей, это Питер детка! / Когда-нибудь я буду там жить. Гулять по Невскому, щупать мостовую, глядеть, как разводят мосты, и заполнять легкие выполосканным добела воздухом». В самом начале рассказа героиня четко определяет свое положение: «Синонимами слова „провинция“ являются: дерьмо, второй сорт и отстой. Три варианта, из которых я выбрала первый. Нюансы мать их» (Клуб начинающих писателей и художников [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://clubnps.ru/proza/20026-gitler-suka-glava-2.html>. Дата обращения: 11.11.2011). Эта характеристика провинции вызвала живейший отклик одного из читателей. Alergostar пишет (сохраняю его орфографию и пунктуацию): «Вот здесь у меня нестыковка возникла по поводу вашего понимания провинциальности, она у меня осталась и теплится как ноги в теплых валенках. / То что вы выразили, может и имеет место быть — не знаю где-то, я считаю все зависит от конкретн. человека, его мироощущения, воспитания и пр. пр. составляющих. Но если же в доме с детства звучит мат, пьяный папа валяется на полу, вокруг слышны разговоры полуобра-

зованных, полуписьменных человеков с лицами бывших людей — то что вы хотите, и в столице полно такого, я вас уверяю. Вы же говоря и затронув провинциальность, хотели противопоставить ее столичности, я так понял, нет? Вся разница в том, это в плотности и насыщенности населения, не так все явно бросается в глаза. / Так что в столицах, то что я процетировал у вас — с этим все нормально, еще дадут провинции фору... Пальму первенства обратной стороны медали они вполне займут. / Я например, вырос в провинции в депрессивном городке, ну и что, я получил наоборот школу жизни, при хорошем воспитании. Живя в Москве никогда не назову свой город дырой, — он много мне дал. А в Москве и Питере кстати не очень жалуют провинциалов, именно потому что они шустрые, работают локтями, а те которые еще и в тему говорят складно, у молоденьких москвичек аж слюнки текут. Маминкиных сынков они наелись уже... А такие как Буч и Дарина пусть сидят там, ей богу, знаем мы таких, по десять раз штурмуют а толку, здесь своих таких полно...» (там же).

Собственно, мы не видим здесь никаких новых решений проблемы. Все это давно уже известно и неоднократно обсуждалось, но здесь оно переведено на современный (и весьма неграмотный) язык. То же самое мы видим и в пародии на роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» автора yaminskij. Героиня пародии Татьяна не хочет выходить замуж за нелюбимого человека, но мать уговаривает ее: «Время гонит... — у дэвицы — короткий век! — / над ухом мама ей трезвонит... — / Там — подходящий человек... / Коль главный город — так деньжата... / И соответственно — ребята... / А тут — провинция... — отстой» (Livejournal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yaminskij.livejournal.com/10087.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Человек из провинции весьма волнует современное общество. На форуме «Про провинциалов» (Любовь и Ненависть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lovehate.ru/Provincials>. Дата обращения: 11.11.2011) все участники разделены на две группы: «Люди, которые ненавидят провинциалов (людей: 95, сообщений: 178)» и «Люди, которые любят провинциалов (людей: 155, сообщений: 211)». Под титулом «Я тоже люблю провинциалов» мы находим такое суждение: «Я не из Москвы, а из простой провинции, где родился и живу. Как я могу ненавидеть тех людей, с кем живу и кого знаю, с кем дружу. Скажу вам, фифам московским зазнавшимся — они не хуже вас, даже, может и лучше, нет московских предрассудков и бреда о своей столичной исключительности. Если думаете, что у нас все отстой — *ошибаетесь*. Ну, а с тем, что Москва сосет деньги провинции, живя на них — полностью согласен. Не зазнавайтесь, москали! P. S. Я никогда не кажу, что москвичи плохие — сам знаю очень хороших и порядочных людей» (Andy2). На форуме «Что есть провинция?» мы находим такой ответ: «Провинция — это спокойное тихое место, где жизнь течет по давно выверенному руслу, где все можно просчитать наперед и прогнозировать результат с достаточной долей вероятности. Место это очень удобно в плане управления, а в плане развлечений и

духовной пищи — сплошной отстой! Правда, в семье не без уродов...! Знаю по себе» (ВОВА, 2009; Шатки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shatki.ru/smf/index.php?topic=2182.0>. Дата обращения: 11.11.2011). На форуме «Бизнес в провинции» читаем: «Присоединюсь к „партии“ Марины и Валерия. Дело не в том, что „провинция — отстой“, а в том, что 70 % *всех* денег — в Москве, 10—15 % — в Питере, остальное — вся оставшаяся Россия. Это — реальность, и с ней нужно считаться. Занимайтесь тем, что уже есть, не изобретайте велосипед» (М. М. Мельников, 2008; Бизнес. Финансы. Вопросы. Обсуждения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.finabs.ru/posts/Biznes-v-provincii.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Та же терминология используется и в сетевом тексте автора malutka_du «бродский как зеркало русского провинциализма»: «Нерв, суть, стержень, экзистенция, квинтэссенция Бродского — провинциализм. Точнее — идеология, мироощущение и мировоззрение провинциализма. / Бродский — больше чем поэт. Он лидер и идеолог целого направления в современной культуре — провинциализма. / Собственно, тот факт, что он родился в провинциальном городе Ленинграде, говорит сам за себя. И даже можно было бы не продолжать. / Для культурного москвича невозможно представить более провинциального города, воплотившего в себе всю идеологию провинциализма, чем „Питер“. / Ленинград превратился в безнадежно отстойную провинцию как только потерял статус столицы. Дегradировал мгновенно, не продержался и нескольких месяцев. <...> / Команда Бродского прекрасно представляла, что существует огромное непаханое поле — безбрежная помойка-супердержава — от Калининграда через Киев, Азию и до Владивостока. Ненавистным пятном, которое невозможно было вывести, смотрелась „столица“, где в отличие от остального небытия вовсю бурлила интеллектуально-метафизическая жизнь. / Бродский понимал, что соваться в Москву, а тем более ее покорять для поэта его уровня — бессмысленно. Мальчику из провинции не по зубам столичные зубры. Культурное пространство Москвы плотно оккупировали нешуточные гении. От Губанова, Мамлеева, Зверева, Холина, Сапгира, Рабина, Лимонова до Гладилина-Аксенова-Евтушенко. Далее — везде и повсюду, в каждой квартире (подвале, на чердаке, в котельной, лифтерской) — по пророку, причем не с провинциальным, а со столичным менталитетом. Бродский отдавал себе отчет, что он далеко не Суворов, чтобы брать неприступные крепости. <...> / Бродский понял, что для победы необходимо всего лишь противопоставить столичному иррационализму — строгий классический рационализм «провинции», облаченный в форму „ритмизированной, зомбирующей эрудиции“ решительно во всех областях знаний — как бесконечной постмодернистской игры словами, образами, понятиями, категориями, смыслами. Этаким постмодернистский нон-стоп. <...> / Кстати, необъяснимая тяга и любовь Бродского к Венеции объясняется именно его неистребимым, животным, генетическим провинциализмом. Мэтру было неуютно в продвинутой Америке, и при малейшей возможности он предпочитал

„передохнуть“ в близкой его сердцу провинции. К тому времени, как Бродский приехал в Венецию, она превратилась в едва ли не в самое жалкое европейское захолустье. Более отстойного „бывшего“ города в Европе невозможно представить. Естественно, пристрастием к Венеции Бродский в очередной раз дал понять, что он — певец и идеолог *провинции*, причем предпочитающий ее наиболее убогие воплощения. В страсти Бродского к Венеции воплотился его комплекс провинциала, панически боящегося столиц с их бурной культурно-художественной жизнью. <...> / Подвиг Бродского в том, что в своем творчестве он обобщил и аккумулировал всю квинтэссенцию провинциального мышления, представленного в современной культуре, *оправдал существование идеологии провинциализма*, наделил ее максимальным величием и блеском интеллекта и в конце концов получил за верность служению идее и выполненной задаче Нобелевскую премию» (Livejournal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://malutka-du.livejournal.com/405102.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

М. В. Строганов

ИСТОРИЯ

Е. Е. Красноженова

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны жилищное строительство стало одной из важнейших проблем социальной сферы. Необходимость увеличения жилищного фонда диктовалась как социальными, так и экономическими потребностями. Состояние жилищно-коммунального хозяйства являлось важным фактором, влиявшим на положение различных групп населения.

Обеспеченность жильем городского населения и накануне войны была недостаточной. Жилищный вопрос еще больше обострился в военные годы из-за массовой эвакуации населения в города Нижнего Поволжья, а также из-за мобилизации сельских жителей для работы на предприятиях военной промышленности и транспорта региона. Прирост населения городов и рабочих поселков значительно превышал возможности его расселения в зданиях и домах имевшегося жилого фонда.

Вопросы, связанные с обеспечением населения жильем, решались местными советскими и чрезвычайными органами, работавшими в тесном контакте с партийными и хозяйственными организациями. С целью ослабления остроты жилищной проблемы принимались решения о массовой проверке жилья на наличие свободной жилой площади, приписывалось строго соблюдать паспортный режим, пресекались попытки переездов из районов в города региона.

Под жилье стали передаваться помещения социально-культурных учреждений, клубы, базы, склады, магазины. В условиях острой нехватки жилых помещений местные органы власти стали временно переселять часть городского населения, не занятого в военной промышленности, членов семей эвакуированных рабочих и служащих в сельскую местность.

Задача, стоящая перед центральными и местными органами власти состояла, прежде всего, в том, чтобы стимулировать личную заинтересованность трудящихся в индивидуальном строительстве. Для этого требовалось создание необходимых условий как объективного, так и субъективного плана. С одной стороны, речь шла о предоставлении необходимых материальных ресурсов — строительных материалов, транспорта, инструментов, денежных средств, помощи квалифицированных строителей. С другой стороны, привлечение широких масс трудящихся к индивидуальному жилищному строительству требовало проведения по-

стоянной, систематической, целенаправленной разъяснительной работы партийных, государственных, профсоюзных органов.

Особая роль в развертывании массового индивидуального жилищного строительства принадлежала профсоюзным организациям предприятий. При многих заводских комитетах в 1943 году были созданы специальные комиссии содействия застройщикам. Они взяли на себя вопросы вовлечения рабочих в индивидуальное строительство, составления и утверждения списков застройщиков, оказания им помощи в оформлении кредитов, в заключении договоров на получение приусадебных участков, получении необходимых строительных материалов, транспорта, осуществляли постоянный контроль за ходом строительства. На крупных предприятиях силами комиссий содействия организовывались выставки проектов индивидуальных домов, в ходе которых нередко проводилось их широкое обсуждение. Получила распространение практика проведения консультаций специалистов по вопросам индивидуального жилищного строительства.

Большое значение имело значительное усиление контроля за выполнением планов индивидуального жилищного строительства со стороны партийных и профсоюзных органов. На заседаниях партбюро и профкомов предприятий стали периодически заслушиваться отчеты руководителей по этим вопросам.

Уже 16 августа 1941 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении «О военном хозяйственном плане на четвертый квартал 1941 и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» поставили перед наркоматами задачу оказывать «всемерное содействие рабочим и служащим в осуществлении индивидуального жилищного строительства», а совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам «отводить в лесах местного значения участки для заготовки древесины на индивидуальное жилищное строительство, оказывая рабочим необходимую помощь в распиловке и вывозе строительного леса». Промбанку было предложено предоставлять рабочим и служащим эвакуированных предприятий долгосрочный кредит на индивидуальное жилищное строительство в размере 50% стоимости жилищ. Оплату остальных 50% брало на себя советское государство [8, с. 48].

В постановлении обращает на себя внимание тот факт, что в нем шла речь о расширении исключительно индивидуального жилищного строительства. О государственном и ведомственном строительстве жилых помещений для рабочих и служащих вопрос еще не поднимался. Советское государство и партия четко выделили категорию эвакуированных рабочих и служащих, обеспечив для них существенные льготы перед остальными категориями. Однако льготными условиями почти никто из эвакуированных не воспользовался. Причинами такой ситуации явились занятость эвакуированных рабочих, их нежелание осесть на новом месте, нехватка стройматериалов, транспорта и рабочей силы. Происходивший в стране

процесс инфляции, подорожание стоимости жизненных благ, а также общий недостаточный размер ссуды, предоставляемой индивидуальным застройщикам, позволяли покрыть за счет кредита лишь 40-50% стоимости строительства жилья. Главная причина слабого участия трудящихся в развитии индивидуального жилищного строительства заключалась в недостаточной организационно-технической помощи, оказываемой застройщикам на местах.

В начале войны существенно сократились государственные ассигнования на жилищное строительство. В связи с этим выделяемые средства были предназначены в основном для возведения временных жилищ упрощенного типа. 13 сентября 1941 года Совнарком СССР принял постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», которое узаконило практику массового строительства барачных, общежитий, казарм, полужемлянок. Согласно указанному постановлению, на эти цели местным Советам было дополнительно отпущено 200 млн. руб. [7, с. 135]. В 1942 году для индивидуального строительства жилья государство выделило 75 млн. руб., в 1943 г. — 232 млн., в 1944 г. — 296 млн., в 1945 г. — 447 млн. руб. [5, с. 191]. Однако финансовые средства, выделенные на строительство жилых помещений, осваивались в регионе неудовлетворительно. Архивные материалы свидетельствуют, что основной причиной сложившейся ситуации явился недостаток рабочей силы, транспорта и стройматериалов.

Новым импульсом развития движения индивидуальных застройщиков послужило постановление Совнаркома СССР от 29 мая 1944 года «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» [8, с. 205-207]. В соответствии с ним для каждого индивидуального застройщика размер денежной ссуды на строительство и восстановление дома увеличили до 10 тыс. рублей со сроком погашения ссуды до 7 лет. Исполкомам местных Советов депутатов трудящихся и директорам предприятий ставились задачи добиться увеличения производства строительных материалов из отходов предприятий союзной и местной промышленности, выделить за счет рыночных фондов и производства изделий широкого потребления скобяные изделия, стекло и другие материалы для продажи индивидуальным застройщикам. Были определены также некоторые другие мероприятия по развитию индивидуального жилищного строительства. 14 июня 1944 года Секретариат ВЦСПС принял решение «О работе профсоюзных организаций по развертыванию индивидуального жилищного строительства» [3, с. 54]. Особое внимание обращалось на необходимость профсоюзам в полной мере использовать новые льготы, предоставленные Советским государством, для улучшения жилищных условий трудящихся, активизировать их участие в индивидуальном строительстве.

После окончания Сталинградской битвы особую актуальность в городе и в регионе получила проблема восстановления разрушенного жилого фонда. На 23 августа 1942 года в Ста-

линграде имелось 3500000 м. жилплощади, а на 2 февраля следующего года сохранилось лишь 398000 м. [4, с. 68]. Всего в городах и рабочих поселках страны в военный период было уничтожено около 15 млн. м. жилой площади, что составляло половину из довоенного жилого фонда [6, с. 175]. Особую роль в решении проблемы восстановления Сталинграда сыграло Черкасовское движение. В Баррикадном районе города силами черкасовцев было отремонтировано 120 м жилой площади [10, с. 62—75]. В Тракторозаводском районе черкасовцами восстановлены общежитие для учащихся ФЗО № 3 площадью 1500 м., дом на 8 квартир и др. [9, с. 1—6]. В Дзержинском районе черкасовские бригады отремонтировали и восстановили два общежития, 13 жилых домов, 6 школ, 3 детских сада, 3 столовые, 2 бани, 2 магазина. Всего по городу добровольческие бригады отремонтировали и восстановили около 300 жилых домов [11, с. 66—67]. Всего на 25 ноября 1943 года в городе при их участии было восстановлено и вновь построено около 16 тыс. м. жилой площади, 10725 жилых домов общей площадью 352374 м. и приспособлено для жилья в зимних условиях до 13,5 тыс. м. помещений [11, с. 100-103]. На 1 января 1944 года восстановлено и вновь построено 379159 м. жилья [4, с. 68]. Индивидуальное строительство было лучше организовано в Калачевском, Клетском, Нижне-Чирском, Сиротинском, Серафимовичском районах Сталинградской области, в Дзержинском и Ворошиловском районах Сталинграда [9, с. 17—23].

Предметом серьезного внимания советских, хозяйственных органов, общественных организаций в годы войны стали вопросы сохранности жилого фонда, проведения капитального и текущего ремонта, подготовки жилищ к зиме. Некачественность жилого фонда, введенного в эксплуатацию в годы предвоенных пятилеток, упрощенное строительство в условиях войны предопределяли быстрый износ строений. Отмечено сокращение финансовых ассигнований на капитальный ремонт жилья, план капитального ремонта жилья в Нижнем Поволжье не выполнялся.

В годы войны производился ремонт квартир и общежитий, которые находились в критическом состоянии. Большинство общежитий располагалось в плохо приспособленных для жилья помещениях. Так, в общежитии Сталинградской кондитерской фабрики отмечалась засоренность, большое количество мух. Общежития хлебозавода № 5 «Автомат», Трампарка, Водников в Сталинграде находились в крайне неудовлетворительном состоянии, в помещениях было грязно, койки не оборудованы. [11, с. 50—53]. Такое положение наблюдалось практически во всех общежитиях. Проблему усугубило развертывание дополнительной системы эвакуационных госпиталей в Нижнем Поволжье, которое происходило за счет внутренних резервов региона.

В связи с недостатком жилья почти все гостиницы Нижнего Поволжья в военный период использовались под постоянное место жительства для эвакуированных и военных. Для ко-

мандированных выставлялись койки в коридорах, а зачастую они размещались на полу. В гостиницах приходилось жить в антисанитарных условиях.

Общегородской жилой фонд в Астраханской области в 1944 году составлял 1200 тыс. м., в том числе муниципальных строений 720 тыс. м. и 430 тыс. м. частновладельческого сектора. Износ жилого фонда достиг к этому времени 50-60 %, новое жилищное строительство производилось крайне медленно [1, с. 8]. В 1944 году в Астраханской области по программе капитального ремонта было отремонтировано 102 дома на сумму 3402,3 тыс. руб. План текущего ремонта в 1943 г. составил 1071 тыс. руб., при этом фактически было освоено 1037,6 тыс. руб. В 1944 г. текущий ремонт произведен на сумму 1061 тыс. руб. в 2347 квартирах [1, с. 8]. В 1943 году 32 семьи военнослужащих в Кировском районе Астрахани были обеспечены квартирами, инвалидам войны было дано 11 квартир. Из аварийного жилья было переселено 15 семей. Всего по району было предоставлено 273 квартиры [2, с. 6].

Таким образом, жилищные проблемы в Нижнем Поволжье в военный период относились к числу трудноразрешимых. Строительство и благоустройство жилья осуществлялось крайне медленно. В основном возводились простейшие дома, общежития, бараки. Выделяемые средства осваивались неудовлетворительно. В таких условиях не имелось ни финансовых, ни материальных возможностей для успешного решения жилищных проблем.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 2233. Оп. 1. Д. 32.
2. ГААО. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 225.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 30. Д. 10.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 686. Оп. 5. Д. 119.
5. Загвоздкин Г. Г. Цена победы. Социальная политика военных лет. — Киров: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1990. — 263 с.
6. Кожурин В. С. Неизвестная война. Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. — М.: Изд-во АОН, 1990. — 288 с.
7. Панарина Е. В. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. — Армавир, 2009. — 411 с.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов: в 5 т. — М.: Политиздат, 1968. — Т. 3 : 1941-1952 гг. — 751 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 225.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 339.

11. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 2. Д. 133.

12. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 135.

К. К. Абдрахманова

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ (1945-1953 гг.)

Данная статья посвящена изучению целого комплекса жилищных проблем, с которыми столкнулось городское население Центрального Казахстана в послевоенное десятилетие. При подготовке статьи были использованы архивные документы Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива Республики Казахстан, Государственного архива Карагандинской области, а также материалы местной периодической печати и публикаций 1940—1950-х годов.

После окончания Великой Отечественной войны в советском обществе начались сложные и противоречивые процессы. Стране предстоял трудный путь восстановления экономического потенциала. Советское общество столкнулось с трудностями послевоенной повседневности: бытовая неустроенность, жилищная проблема, продовольственный кризис и голод, послевоенный криминал, безденежье, дефицит товаров и т.д.

Центральный Казахстан в послевоенный период был одним из крупных центров угольной промышленности Советского Союза. Кроме того, в это время в регионе началось строительство Карагандинского металлургического завода, воздвигался комплекс объектов медеплавильного комбината в Джекказгане, увеличивались производственные мощности Балхашского медеплавильного завода. Форсированный подъем тяжелой индустрии повлек за собой глубинные изменения в демографической структуре населения Центрального Казахстана. Резкое увеличение численности городского населения в Центральном Казахстане в послевоенный период стало главной причиной возникновения одной из острейших социальных проблем — необходимостью обеспечения людей жильем. Главным критерием оценки обеспечения населения жильем являются нормы среднего размера жилой площади на одного человека, полученные в результате сопоставления общей площади жилищного фонда с численностью населения. Рассмотрим данные показатели в таблице 1.

Таблица 1. Обеспеченность жильем городского населения Центрального Казахстана в 1948 – 1953 гг.

	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Городской жилищный фонд (кв. м)	888094	1058725	1123839	1238030	1382880	1441786
Численность городского населения (тыс. чел.)	384,7	416,9	484,3	531,3	560,7	593,1
Обеспеченность жильем в расчете на одного городского жителя, кв. м общей площади	2,3	2,5	2,3	2,3	2,4	2,4
<p>Примечание — 1. Таблица составлена на основе данных Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 698, оп. 14, д. 299 а, л. 59; д. 340 а, л. 35; д. 369, л. 27, 109; д. 387, л. 15; д. 405, л. 23; ГАКО. ф. 596, оп. 1/6, д. 1114, л. 78; д. 1124, л. 21.</p> <p>2. В данные по городскому жилищному фонду включены сведения рабочих поселков городского типа: Моинты, Коунрад, Джезды, Джезказган, Большой Джезказган и т.д.</p>						

Как видно из таблицы 1, за период с 1948 по 1953 год городской жилищный фонд Центрального Казахстана увеличился с 888094 кв. м до 1441786 кв. м, т.е. в 1,6 раза. Среднегодовой прирост составлял 9 %.

Согласно материалам годовых отчетов, увеличение городского жилищного фонда в основном происходило за счет строительства новых зданий, а также реставрации старого жилья (временных бараков и общежитий). Однако резкий рост численности городского населения, связанный с промышленной миграцией вызвал острый жилищный дефицит в регионе. Данные таблицы показывают, что имеющийся жилищный фонд не соответствовал общей численности городского населения.

В городах и поселках городского типа обеспеченность жильем в расчете на душу населения в среднем составляла в 1948 году — 2,3 кв. м, в 1949 — 2,5, в 1953 — 2,4 кв. м.

Рассмотрим ситуацию в разрезе городов. В частности, в Караганде в 1945 году жилая площадь на одного человека составляла всего 2,8 кв. м [9, л. 15]; в 1948 — 3,3 кв. м [5, л. 21]; в 1951 — 3,7 кв. м [10, л. 20]; в 1952 — 3,8 кв. м. [10, л. 20] В Балхаше в 1951 году средняя норма жилой площади на одного человека составляла 3—3,2 кв. м [10, л. 20]; в 1952 — 4,3 кв. м. [10, л. 32].

В городе Темиртау в 1951 году на одного человека в среднем приходилось 2,7 кв. м [10, л. 20]; в 1952 — 3–3,5 кв. м [10, л. 37]. Интересные сведения мы находим в материалах переписи городского жилищного фонда Карагандинской области, где отмечается, что в 1950 г. в однокомнатной квартире, площадью 12—14 кв. м, в среднем проживало 5—6 человек. На каждого из них в среднем приходилось 2,3 кв. м жилой площади.

В двухкомнатной квартире, площадью 30–31 кв. м, в среднем проживало 7—8 человек, где на одного человека приходилось 3,7 кв. м. Семья, состоящая из 9—10 человек, проживала в трехкомнатной квартире, площадью 42—43 кв. м, где на одного человека в среднем приходилось 4,5 кв. м жилой площади [11, л. 47].

Жилищный фонд Каркаралинска в 1953 году состоял из 800 домов, из них коммунальных строений было 156 с общей жилищной площадью 9280 кв.м., где проживало 1793 чел. [12, л. 1]. Следует отметить, что жилищный фонд города находились в ветхом состоянии и был практически непригоден для жизни, так как большинство построек были деревянными и неблагоустроенными и по времени относились к XIX в.

В целом, в послевоенный период жилищный дефицит возник во всех населенных пунктах Советского Союза. Справка Центрального статистического управления «О состоянии городского жилищного фонда в 1940 – 1952 гг. в СССР» от 18 августа 1953 года поясняет, что средний размер жилой площади на одного человека в городах и рабочих поселках составлял всего 5,6 кв. м. [15, с. 176].

В городах Центрального Казахстана, согласно данным таблицы 1, в 1940—1950-е годы средний размер жилой площади в расчете на одного городского жителя не превышал 4,3 кв. м, тогда как по санитарным нормам он равнялся 8 кв. м. [10, л. 18].

В исследуемый период для жилищного фонда Советского Союза была характерна ведомственная принадлежность. Строительство жилья вели десятки, а нередко сотни строительных организаций различных министерств и ведомств. [21, с. 56]. Жилищный фонд Центрального Казахстана принадлежал следующим организациям: комбинатам «Карагандауголь» и «Карагандашахстрой», трестам «Карагандапрожилстрой», «Прибалхашстрой», «Казметаллургстрой» и «Казмедьстрой» и т. д. [6, л. 47]. (Сведения приведены в таблице 2).

Таблица 2. Ведомственная принадлежность городского обобщественного жилищного фонда в городах Центрального Казахстана в 1949 – 1953 гг. (кв. м).

Города	Ведомственная принадлежность	Жилищный фонд					
		1949 г.	%	1950 г.	%	1953 г.	%
Караган-	Местные Советы	10815	1	11370	1	11766	0,8

да	Министерства и ведомства	727043	64	790432	64	964088	66
	Всего	737858	65	801802	65	975854	67
Темиртау	Местные Советы	-	-	-	-	-	-
	Министерства и ведомства	86589	8	96478	8	105348	7
	Всего	86589	8	96478	8	105348	7
Балхаш	Местные Советы	-	-	-	-	-	-
	Министерства и ведомства	105379	9	124627	10	151639	11
	Всего	105379	9	124627	10	151639	11
Итого	Местные Советы	10815	1	11370	1	11766	0,8
	Министерства и ведомства	919011	81	1011537	82	1221075	85
	Всего	929826	82	1022907	83	1232841	86
Примечание. Таблица составлена на основе данных ГАКО, ф. 596, оп. 1/6, д. 1114. л. 82.; д. 1141. л. 3, 5.							

Согласно данным таблицы 2, жилищный фонд министерств и ведомств составлял 83 % от всего городского жилищного фонда Центрального Казахстана. Жилищный фонд местных Советов имел незначительную долю в общем жилищном фонде и составил всего 1 %. Следует отметить, что отраслевая система в строительстве жилищ, сложившаяся в годы индустриализации, к началу 1950-х годов, стала своеобразным тормозом дальнейшего развития жилищного строительства. Строительные организации различных министерств и ведомств из-за слабого технического оснащения, отсутствия денежных средств и профессиональных кадров систематически не справлялись с государственными заданиями по вводу новой жилой площади. И, как следствие, работали с убытками. Для решения жилищного кризиса в СССР 26 августа 1948 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных и жилых домов». Каждый гражданин СССР получил право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и за городской чертой. Земельные участки для этих целей отводились в бессрочное пользование. Размер участков в каждом отдельном случае определялся исполкомами областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся в зависимости от размера дома и местных условий, в пределах следующих

норм: в городах — от 300 до 600 кв.м.; вне города — от 700 до 1200 кв. м. За пользование земельными участками взималась земельная рента в установленном законе размере [16].

В городах региона государство предоставляло шахтерам ссуду в размере 10 тыс. рублей, а также обязывала руководство шахт обеспечить их строительным материалом и транспортом [20, с. 16]. Одновременно городским жителям руководство предоставляло государственный кредит с целью приобретения жилья. Так, в 1948 году карагандинским шахтерам в кредит было предоставлено 1365 домов. Стоимость жилья они выплачивали на льготных условиях в течение 10 лет. Ежемесячный взнос для погашения не превышал обычной квартирной платы [20, с. 18]. За период с 1951—1953 гг. городским населением Центрального Казахстана за свой счет и с помощью государственного кредита было построено и введено в эксплуатацию 120 тыс. кв. м жилой площади [14, с. 228], т. е. 13 % от общего количества введенного в эксплуатацию жилья. Конечно же, индивидуальное строительство не смогло кардинально решить жилищную проблему в регионе, но тем не менее, для каждой семьи имело решающее значение, так как давало возможность иметь в личной собственности дом, свой угол, а также обзавестись небольшим подсобным хозяйством. Существенным тормозом для решения жилищного вопроса в условиях ежегодно увеличивавшегося населения была нехватка необходимых для этого денежных средств (таблица 3).

Таблица 3. Финансирование жилищного строительства в городах Центрального Казахстана за 1946—1952 гг. (в млн. руб.).

Города	Капиталовложения за 1946 – 1950 гг.		Капиталовложения за 1951 г.		Капиталовложения за 1952 г.	
	Все- го	В т.ч. жилст- рой	Все- го	В т.ч. жилст- рой	Все- го	В т.ч. жилстрой
Караганда	477,9	104,2	168,0	140,0	212,0	117,0
Темиртау	53,4	24,0	17,6	11,5	46,1	24,7
Балхаш	45,8	36,7	33,8	21,6	35,5	22,1
Итого	577,1	164,9	219,4	173,1	293,6	163,8
Примечание. Таблица составлена на основе данных ГАКО, ф. 691, оп. 1, д. 163, л. 29.						

Материалы таблицы показывают, что в 1946—1950 годах объем капиталовложений в жилищное, культурно-бытовое, коммунальное строительство в городах Центрального Казахстана составлял 577,1 млн. руб., в том числе на жилищное строительство за четыре года было выделено и израсходовано 164,9 млн. руб., или всего 28 %. В 1951 г. из общей суммы 219,4 млн. руб. на жилищное строительство было выделено 173,1 млн. руб. (79 %). Незначительное уменьшение наблюдалось в 1952 году, когда на жилищное строительство из общей суммы 293,6 млн. руб. было затрачено 163,8 млн. руб. (55 %). Суммы, затраченные на строительные нужды в рассматриваемый период, нельзя было считать достаточными в условиях существовавшего в те годы жилищного дефицита. Однако нельзя не отметить, что большую часть денежных средств вкладывали именно в жилье. Таким образом, главные причины дефицита жилья в городах Центрального Казахстана были связаны, во-первых, с высоким промышленным притоком населения из других регионов СССР, во-вторых, со слабым развитием жилищного строительства из-за отсутствия достаточных средств и дефицитности материалов в послевоенное время.

Нормой повседневной жизни для горожан становились общежития, условия проживания в которых были неудовлетворительными. В 1945 году в Караганде функционировало 616 общежитий [3, л. 55], в Темиртау — 50 [3, л. 56], в Балхаше — 69 общежитий [3, л. 56]. В 1948 г. в Караганде в эксплуатацию было сдано 340 зданий площадью 63483 кв. м, в том числе 107 общежитий, общей площадью 40184 кв. м. [5, л. 21]. В общежитиях наблюдалась высокая «скученность». Жилая площадь на одного человека в общежитиях шахт №№ 33, 34, 44, 45 г. Караганды составляла 2,5—2,8 кв. м. [4, л. 10 об.]. В общежитиях Металлургического завода и КарГРЭС жилая площадь не превышала 3 кв. м на одного человека [5, л. 23]. Большинство общежитий не были обеспечены ни мягким, ни твердым инвентарем. Рабочим приходилось спать на топчанах, так как железными кроватями их обеспечили только в 1947—1948 гг. [17]. Острый дефицит испытывали люди в питьевой воде, которую привозили нерегулярно из-за отсутствия баков [3, л. 57]. Не во всех общежитиях функционировали прачечные и бани. В результате была отмечена высокая степень завшивленности среди рабочих [4, л. 10]. Общим недостатком являлась плохая обеспеченность топливом, что вызывало ухудшение санитарного состояния общежитий [4, л. 11].

В 1949 году ситуация в общежитиях значительно улучшилась. В Караганде были сданы в эксплуатацию 107 благоустроенных общежитий с площадью 40184 кв. м. [5, л. 21]. Общежития были электрифицированы и радиофицированы. К 72 общежитиям был подведен водопровод, в 10 общежитиях было введено поровое отопление. Значительно улучшилась оснащенность общежитий мягким и твердым инвентарем [5, л. 21]. Во всех общежитиях были выделены специальные комнаты для сушки специальной одежды и белья, а также умывальные комнаты и душевые кабины. Чаше стали проводить санобработку помещений [5, л. 23].

Несоответствующим жилищным условиям в общежитиях уделялось много внимания и в периодической печати. По содержанию публикуемых статей можно судить об остроте жилищной проблемы. Корреспондент газеты «Темиртауский рабочий» так охарактеризовал ситуацию: «На участке № 2 в Соцгородке (Темиртау) работают около 2000 рабочих, для которых руководство треста «Казметаллургстрой» не создало условий. Здесь нет ни бани, ни санпропускников, отсутствует нормальное водоснабжение и электроосвещение. В общежитиях рабочих неуютно и грязно, не хватает жесткого и мягкого инвентаря. В секциях 1 и 2 общежития № 2, где живут 48 человек, имеется всего 36 кроватей. Рабочие вынуждены спать на полу» [18]. В очередном номере газеты «Балхашский рабочий» в статье под заголовком «Нет повседневной заботы о людях» описывалось следующее: «В комнате общежития № 1, площадь которой составляет 15 кв. м проживают 6 девушек, у которых нет ни стола, ни тумбочек. В этом общежитии вместе с одинокими живут семейные. Из-за тесноты люди вынуждены спать даже в комнатах, предназначенных для кухни и сушки одежды» [2].

Жилищное строительство не входило в приоритетные направления индустриализации. Постоянным местопребыванием тысяч рабочих семей в 1945—1953 гг. стали бараки, построенные в виде временных пристанищ вокруг шахт и заводов. Из справки ЦСУ «О состоянии городского жилищного фонда в 1940 – 1952 гг.» от 18 августа 1953 г. следует, что в Караганде жилая площадь в помещениях барачного типа составляла в 1940 г. — 2 тыс. кв. м; в 1945 г. — 69 тыс. кв. м; в 1950 г. — 121 тыс. кв. м; 1952 г. — 155 тыс. кв. м. [15, с. 178], т. е. увеличилась в 77,5 раз. В Балхаше площадь помещений барачного типа на 01.01.1950 г. составляла 46210 кв. м. В 1951 г. было зарегистрировано 245 барачных, общей площадью 53697 кв. м. [7, л. 17]. В Темиртау наблюдалось сокращение жилой площади в помещениях барачного типа. Если в 1950 г. жилая площадь барачных равнялась 26633 кв. м, то в 1951 г. — 18918 кв. м. [7, л. 26]. Сокращение было связано со сносом барачных зданий, пришедших в непригодность. Из докладной записки по учету городского обобщественного жилищного фонда приведены следующие данные (таблица 4).

Таблица 4. Жилищный фонд помещений барачного типа в городах Центрального Казахстана в 1948 – 1951 гг. (кв. м).

	1948 г.		1949 г.		1950 г.		1951 г.	
	кв. м	%	кв. м	%	кв. м	%	кв. м	%
Общий жилищный фонд	888094	100	1058725	100	1123839	100	1238030	100
Жилищный фонд в бара-	202961	22,8	247297	23,3	230921	20,5	243298	19,6

ках								
Примечание. Таблица составлена на основе данных ГАКО, Ф. 596, Оп. 1/6, Д. 1114, Л. 78.								

Показатели таблицы свидетельствуют, что в 1948—1951 гг. удельный вес помещений барачного типа в среднем составлял 21,5 %, или более 1/5 части от всего жилищного фонда в послевоенные годы. Их наличие объяснялось тем, что на первоначальном этапе промышленного освоения Центрального Казахстана бараки были выгодными для руководства. Поскольку на их строительство уходило наименьшее количество денежных затрат и незначительное время. В начале 1950-х жилищный фонд барачных построек сократился по отношению к общему городскому жилищному фонду. Если в 1948 году он составлял 22,8 %, в 1950 г. — 20,5 %, то в 1951 г. — 19,6 %. Снижение удельного веса барачных построек произошло за счет увеличения строительства более благоустроенного жилья с соответствующими условиями, а также сноса временных жилых зданий, построенных в начале 1930-х годов.

В 1940-е гг. городской жилищный фонд Центрального Казахстана состоял на 90 % из неблагоустроенных деревянных, саманных и глинобитных строений [13, с. 47]. Не улучшилось положение и в начале 1950-х. В 1953 году ведомственный жилищный фонд составлял в Караганде 10195 жилых зданий, общей жилой площадью 975854 кв. м; в Темиртау 767 жилых зданий, общей площадью 105348 кв. м; в Балхаше 695 жилых зданий, общей площадью 151639 кв. м. Из общего числа ведомственных жилых зданий постройки глинобитного и саманного типа составляли 40 %. Деревянные постройки составляли 16 %, щитовые и каркасно-засыпные — 24, смешанные (каменные и деревянные) — 2 %. Всего 18 % приходилось на долю каменных и кирпичных жилищных строений [8, л. 23-24]. Индивидуальные постройки, возведенные в 1930—1940-е гг., относились к числу саманных и глинобитных строений. Находясь в трудных условиях, людям приходилось самостоятельно воздвигать себе жилища, используя любые подручные строительные материалы. Строительство каменного и кирпичного жилья в регионе было развернуто в 1940—1950-х годах. Под государственный контроль был взят вопрос о строительстве более благоустроенного жилья для рабочих и служащих в промышленных регионах. На промышленные предприятия была возложена большая ответственность по строительству новых жилых зданий. Но ограниченность ресурсов в первые послевоенные годы не позволяла кардинально решить этот вопрос.

Жилищное строительство в Караганде, Балхаше, Темиртау продвигалось медленно, оно не успевало за быстрым ростом городского населения. Приведем архивные материалы об этажности ведомственных жилых строений и занимаемой ими площади по отдельным городам в 1953 году. Одноэтажные и двухэтажные дома составляли 98 % по числу строений и 90 % по объему жилой площади в них. На долю трехэтажных домов по числу строений приходилось

всего 0,8 %, по объему жилой площади — 5 % от общего ведомственного жилищного фонда [8, л. 24, 31 об.]. Из-за отсутствия необходимых строительных материалов, транспортных и денежных средств в основном строились малоэтажные дома. Строительство четырех и пяти-этажных домов в городах было незначительным.

Слабое развитие коммунальных предприятий повлияло на благоустройство жилья. Имеющееся жилье было без элементарных бытовых условий. Из воспоминаний Р. Т. Капановой: «Дома были без коммунальных услуг, не было ни водопровода, ни канализации, ни центрального отопления. Помню, как все люди города, в основном дети и женщины собирали угольные породы около шахты. Мы тоже часто ходили. Брали с собой маленькие сани и укладывали туда уголь. Нас никто не ругал, наверно работники шахты понимали, что нам тоже надо было, как-то жить, чтоб не замерзнуть. Собирали уголь и в бураны, и в морозы. Руки так замерзали, что мы их не чувствовали. Лишний уголь мы продавали: одну санки угля за 2—3 рубля» [1].

Приведем статистические данные о благоустроенности жилья в разрезе городов в таблице 5.

Таблица 5. Благоустроенность ведомственного жилищного фонда в городах Центрального Казахстана на 1 января 1953 г. (кв. м).

	Караганда	Темиртау	Балхаш
Общая площадь жилого фонда (тыс. кв. м), оборудованная	975854	105348	151639
Водопроводом	106560	14335	74784
в %	11	14	49
Канализацией	72717	5230	71629
в %	7	5	47
Центральным отоплением	81713	22180	9630
в %	8	21	6
Теплофикацией	360	12208	66534
в %	0,03	12	44
Горячей водой	4877	2540	не было
в %	0,4	2,4	-
Наличием ванн	54159	4273	38765
в %	5,5	4	26
Газом	не было	не было	не было
в %	-	-	-

Электроосвещением	960974	105348	151639
в %	98	100	100
Печным отоплением	809958	78876	96605
в %	83	75	64
Примечание. Таблица составлена на основе данных: ГАКО, ф. 596, оп. 1/6, д. 1124, л. 21, 70, 72; д. 1134, л. 1, 25 об, 31 об.			

Данные таблицы свидетельствуют, что жилищный фонд Караганды на 1 января 1953 года был оборудован водопроводом на 11 %; канализацией на 7%, центральным отоплением на 8 %. Говорить о наличии таких удобств, как горячее водоснабжение, газификация вообще не приходилось. Центральное отопление во многих домах по-прежнему заменяло печное отопление. Более улучшенная обстановка была в городе Балхаше, где наличие водопровода составляло 49 %; канализации — 47%; теплофикации — 44 %. Из всех городов наибольший процент обеспеченности жилых домов центральным отоплением был зафиксирован в Темиртау, который составил 21 %, в отличие от Караганды (8 %) и Балхаша (6 %). Из всех домашних благ наибольшая обеспеченность приходилась на электроосвещение, которое составляло 98 %.

Внутренняя обстановка жилища городского населения Центрального Казахстана была скромной. Жительница Караганды говорит: «Мебели у нас в доме практически не было. В углу комнаты стоял шкаф, а по бокам железные кровати. Семья была большая, поэтому нам приходилось спать на полу. Уроки учили там, где приходилось. Дома было очень тесно. Стола не было. Поэтому я ставила сумку на колени, и делала уроки прямо на сумке». В целом во всех домах присутствовала однотипная мебель: столы, стулья, буфет, шкафы, диваны, кровати и тумбочки. Стены в домах белились. На них горожане вешали агитационные плакаты, картины и портреты вождей — Ленина, Сталина и др. [1].

Недостаток в оборудовании мебелью наблюдался и в коллективных жилищах (общежитиях и бараках). Так, в общежитии № 2 г. Темиртау не хватало табуреток, тумбочек и столов. Рабочие, придя с работы, были вынуждены садиться на кровать. Столы ничем не накрывались. В общежитии не работала водопроводная сеть, что вынуждало жильцов пить воду из систем отопительного водоснабжения [19]. В общежитиях треста «Карагандажилстрой» на одного рабочего приходился 1 топчан, на двух рабочих — 1 табуретка, на трех рабочих — 1 ведро, на 15 рабочих — 1 кадка и т. д. [9, л. 33]. В общежитии восточной стройконторы на 40 человек имелось всего 3 табуретки. Для жильцов общежитий Деревообрабатывающего комбината не были установлены умывальники, а имеющаяся мебель была не пригодна для пользования [9, л. 34].

Таким образом, проанализировав жилищные условия городского населения Центрального Казахстана в 1945—1953 гг., можно сделать ряд выводов.

Резкий рост численности городского населения стал главной причиной жилищного кризиса. Слабое техническое оснащение, недостаток профессиональных кадров, а также отсутствие денежных средств, строительных материалов не позволяло решить жилищную проблему в регионе.

Недостаточность жилищного фонда отрицательно повлияла на средний размер жилой площади, приходящийся на душу населения. Люди жили в коммунальных квартирах, где одна семья, как правило, занимала одну комнату. Многие люди были вынуждены устраиваться в коридорах и «углах» чужих квартир. Приходилось спать на полу в местах общего пользования. Жилищная теснота усугубляла социально-экономическое положение горожан.

В исследуемый период жилищное строительство осуществляли многочисленные неспециализированные строительные организации различных министерств и ведомств. В силу этого строительные организации систематически не справлялись с государственными заданиями по вводу новой жилой площади и, следовательно, не могли удовлетворять возрастающую потребность населения в жилье.

Государственное строительство обнаружило свою маломощность в обеспечении населения необходимым количеством жилплощади. Горожане, чтоб хоть как-то решить сложившуюся ситуацию, были вынуждены развернуть индивидуальное строительство.

Наличие одноэтажных деревянных, саманных и глинобитных построек вынуждало население жить в полуразрушенных помещениях. Отсутствие денежных средств не позволяло не только обустроить, но и сделать капитальный ремонт.

Для городского жилья был характерен низкий уровень благоустроенности. Оснащенность жилья водопроводом и канализацией было незначительной. Вследствие этого во многих домах не было ванных комнат. Из-за слабого развития системы центрального отопления в домах доминировало печное отопление. Прочие виды санитарно-технических мероприятий (наличие газопровода, горячей воды) вообще не получили распространение в рассматриваемый период. Значительные позитивные сдвиги произошли в снабжении горожан электроэнергией, однако и она подавалась с перебоями. Как видим, показатели коммунального обслуживания в Центральном Казахстане сильно отставали. Причины заключались в недостаточном финансировании жилищно-коммунального хозяйства региона из центра.

Дефицит мебели испытывали все городские общежития, дома, квартиры. Слабая оснащенность населения в предметах комнатной обстановки была связана с ограниченным ассортиментом продукции отраслей легкой промышленности. Известно, что в годы индустриализации и Великой Отечественной войны приоритетным направлением государства было развитие тяжелой промышленности (группа А — производство средств производства), тогда как легкая промышленность (группа В — производство предметов потребления) оказалась без внимания и существенных капиталовложений.

Жилищная политика с ее коммунальным бытом отучала людей от индивидуальной психологии, оказывала решающее влияние на приватную жизнь советского гражданина. Самые потаенные стороны быта становились достоянием всей квартиры. Коммунальные неудобства изматывали большинство жильцов психически. Комплекс перспективных ожиданий — наиболее характерная черта советской системы, которая позволяла государству направлять и контролировать массовое сознание, а народу надеяться, что трудности временны, а их преодоление гарантирует счастливое будущее.

Список использованной литературы и источников

1. Аудиозапись биографической беседы с Капановой Р. Т. 1938 г. р. Записано К. К. Абдрахмановой в Караганде. 2008 г.
2. Балхашский рабочий. — 1950. — 12 июня.
3. ГА РФ, ф. Р-9226, оп. 1, д. 675.
4. ГА РФ, ф. Р-9226, оп. 1, д. 722.
5. ГА РФ, ф. Р-9226, оп. 1, д. 910.
6. ГАКО, ф. 18, оп. 1, д. 1727.
7. ГАКО, ф. 596, оп. 1/6, д. 1114.
8. ГАКО, ф. 596, оп. 1/6, д. 1134.
9. ГАКО, ф. 634, оп. 1, д. 2.
10. ГАКО, ф. 691, оп. 1, д. 163.
11. ГАКО, ф. 596, оп. 1/6, д. 1111.
12. ГАКР, ф. 68, оп. 1, д. 12.
13. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия / Гл. ред. Р. Н. Нурғалиев. — Алма-Ата: Гл. ред. Казахской Советской энциклопедии, 1986. — 608 с.
14. Народное хозяйство КазССР. Статистический сборник. — Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. — 381 с.
15. Советская жизнь. 1945–1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. — М.: РОССПЭН, 2003. — 720 с.
16. Советтік Қарағанды. — 1948. — 31 августа.
17. Социалистическая Караганда. — 1948. — 18 июня.
18. Темиртауский рабочий. — 1949. — 19 января.
19. Темиртауский рабочий. — 1949. — 7 января.
20. Хавин А.Ф. Знатные люди Караганды. — М.: Углетехиздат, 1947. — 40 с.
21. Харитоновна А. Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. — 1965. № 5. — С. 50 – 64.

ДИСКУССИЯ

А. В. Зобнин

GR-МЕНЕДЖМЕНТ НА НОВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Государству присущи все основные признаки, которые свойственны крупной корпорации: государство обладает бюджетом, доходами и расходами, «акционерами» и «клиентами» в одном лице, которыми являются граждане.

И.А. Стрелец [24]

Стабильному и успешному развитию бизнеса в современной России способствует наличие прочных деловых контактов с представителями органов государственной власти РФ. Малый и средний бизнес в России с середины 2000-х годов стал объектом пристального внимания государства, а взаимоотношения с ним включены в разряд приоритетных государственных задач. Не случайно, в 2008 году при Правительстве РФ была создана специальная комиссия, в повестке дня её текущей работы значатся вопросы взаимодействия органов власти с субъектами малого и среднего предпринимательства [23].

Однако регулярное деловое сотрудничество с существующей в РФ системой государственного и муниципального управления пока остаётся для многих коммерческих фирм и индивидуальных предпринимателей непозволительной роскошью. Причин этому несколько: во-первых, система государственной власти является многоуровневым и сложноорганизованным механизмом с многочисленными правилами и процедурами организационного поведения (системно-организационная причина), во-вторых, не представляется возможным учесть психологические и поведенческие особенности всех представителей органов власти (поведенческо-психологическая причина), в-третьих, орган государственного управления как институт власти зачастую представляет собой закрытый саморегулируемый организм, не позволяющий влияния и вмешательства извне (институциональная причина).

В этой связи появление среди политико-управленческих наук новой дисциплины «GR-менеджмента» позволит успешно решить обозначенные выше проблемы, придаст стимул к развитию новых направлений политико-управленческой мысли, инициирует череду дискуссий в российском академическом сообществе по актуальным вопросам взаимодействия государства, бизнеса и общественного сектора в современной России.

Настоящая статья — это одна из авторских попыток осмысления сущности GR-менеджмента на стыке экономических и политических дисциплин, с позиции новых тенденций политического анализа [20], информационно-аналитической работы [7] и дизайна политического решения [8, 11].

В зарубежной и отечественной политической науке было предпринято немало попыток определения сущности GR-менеджмента, достаточно вспомнить дефиницию руководителя Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти (<http://www.gr.ru/main/center>) П. А. Толстых, согласно которой GR-менеджмент – это «деятельность специально уполномоченных сотрудников крупных коммерческих структур (GR-менеджеров) по ведению работы компании в политическом окружении» [25], или дефиницию преподавателя кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета А. В. Павроза, где GR — это «деятельность по выстраиванию отношений между различными общественными группами (бизнес-структурами, профессиональными союзами, добровольческими организациями и пр.) и государственной властью, включающую в себя сбор и обработку информации о деятельности правительства, подготовку и распространение информации о позициях представляемых групп, влияние на процессы принятия политических и административных решений (лоббизм)» [16].

Однако в данных определениях не сказано ни слова о целях работы коммерческой компании в многогранном политическом пространстве, а таковая возможна только для реализации социально значимых проектов и удовлетворения осознанных потребностей граждан [26]. Учитывая сказанное, представляется возможным дать следующее определение GR-менеджмента.

GR-менеджмент (англ. government relations management) — система управления взаимодействием бизнес-сообщества и общественного сектора с органами государственной власти и местного самоуправления в процессе проектирования и реализации совместных социально значимых проектов и программ, удовлетворения осознанных потребностей граждан посредством предоставления социальных услуг.

Ещё пять-шесть лет назад термин «GR-менеджмент» был известен узкому кругу российских специалистов, его можно было услышать только в крупных корпорациях и холдингах, большая часть из которых имела зарубежных учредителей. Структурные подразделения по работе с органами власти РФ длительное время функционируют в таких российских компаниях как: ОАО «Газпром», ОАО «РОСНАНО», Госкорпорация «Росатом», ОАО «НК «Роснефть», ЗАО «Nazvanie.net» (до марта 2011 г. — ЗАО «Mirax Group»), ЗАО «Лаборатория Касперского», ОАО «Сбербанк России», ОАО «Российские железные дороги», ОАО «Ростелеком», ЗАО «Национальная резервная корпорация», ЗАО «ИНТЕКО», ОАО «Лукойл» и др. Не секрет, что GR-услуги и GR-менеджеры наиболее востребованы в бизнес-структурах, зависящих в своей деятельности от контролирующих, надзорных и разрешающих органов власти; в компаниях,

разрабатывающих ресурсы, контролируемые государством (недра земли, вода, энергия и т.п.); в фирмах, являющихся исполнителем государственных и муниципальных заказов; в крупных корпорациях, имеющих дело с международными квотами; в госкорпорациях, где государство является одним из основных владельцев.

В настоящее время понятия «GR-директор», «GR-менеджер», «GR-специалист» всё больше утверждается в профессиональном лексиконе сотрудников отечественных кадровых агентств, что связано с растущим спросом бизнес-структур на специалистов по взаимодействию с органами государственной власти. По данным интернет-портала рекрутинговой компании «HeadHunter» (<http://hh.ru>), еженедельно появляется около десятка новых вакансий по профилю «связи с органами власти», наибольшая потребность в кадрах отмечается у московских фирм и компаний.

Исследовательский центр интернет-портала «SuperJob.ru» (<http://www.superjob.ru>) в августе 2008 года провёл исследование предложений работодателей и ожиданий претендентов на позицию «Менеджер по взаимодействию с органами государственной власти» (GR-менеджер). В результате было выявлено, что 80% GR-менеджеров являются мужчинами, возрастной диапазон наиболее востребованных рынком труда GR-менеджеров 25-55 лет, 95% GR-менеджеров имеют высшее профессиональное образование, 50% GR-менеджеров прошли специализированные курсы или имеют квалификационные сертификаты, 30% GR-менеджеров владеют английским языком на базовом уровне и на уровне, достаточном для чтения специализированной литературы, на разговорном и на свободном уровнях — около 64%.

Растущая востребованность в высоко квалифицированных специалистах по взаимодействию с органами государственной власти не могла не сказаться на политике ведущих российских высших учебных заведений. С середины 2000-х гг. в вузах Москвы и Санкт-Петербурга стали преподаваться курсы по подготовке GR-менеджеров, однако данные программы носили экспериментальный характер и реализовывались в большинстве случаев по инициативе зарубежных коммерческих фирм.

В частности, Институт государственного управления и права Государственного университета управления (<http://gr-guu.ru>) совместно с Коммуникационной группой «Press Hall» с 2009 года успешно реализует программу повышения квалификации «GR-менеджмент: взаимодействие с органами государственной власти» для руководителей и специалистов департаментов по связям с общественностью, департаментов по связям с органами государственной власти, менеджеров среднего и высшего звена по стратегическим коммуникациям и развитию.

Двухгодичная программа дополнительного образования «МВА — Связи с государственными органами (Government Relations — GR)» реализуется Высшей школой государственного администрирования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (<http://www.anspa.ru>), стратегическими партнёрами программы выступают Национальная шко-

ла администрирования Франции и Администрация Президента РФ. Выпускники программы получают государственный диплом МГУ о дополнительном образовании с присвоением дополнительной квалификации «Мастер делового администрирования по связям с государственными органами (МВА-GR)».

В настоящее время подготовку специалистов по программе «GR: взаимодействие с органами власти» ведут несколько учебных заведений России: Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, МГИМО-Университет МИД РФ, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный университет управления, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Московская школа управления «Сколково», Московская финансово-промышленная академия (именно в Издательстве Московской финансово-промышленной академии в 2007 г. было издано первое комплексное учебное пособие по проблемам GR-менеджмента [2]), региональные академии государственной службы, а также ряд негосударственных вузов.

Значительный вклад в оформление GR-менеджмента как специфической научной дисциплины внесли преподаватели кафедры инновационных технологий в государственной сфере и бизнесе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Под редакцией заведующего кафедрой, д.э.н., проф. В. Ф. Уколова в московских издательствах «Проспект» и «Экономика» в 2008-2011 гг. вышла серия научных работ по теории и инновационным технологиям взаимодействия власти, бизнеса и общества [3, 4, 14, 15, 21, 22], а также защищено ряд диссертаций по проблемам государственно-частного партнёрства (диссертации О. И. Леховицера [13], В. В. Кнауца [12] и Э.К. Бараблиной [1]). Определённую нишу в изучении феномена GR занимают преподаватели кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Особое внимание обращают исследовательские и учебно-методические работы доцента кафедры А. В. Павроза, среди них: «GR как элемент социального управления» [17], «GR: принципы и механизмы эффективного взаимодействия с институтами государственной власти» [18], «Группы интересов и лоббизм в политике» [19].

Повышенный научный интерес к феномену GR-менеджмента был обозначен на Пятом Всероссийском конгрессе политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», организованном в ноябре 2009 г. Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики и Российской ассоциацией политической науки. В рамках секции «Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации и взаимодействия» с докладами выступили ведущие российские исследователи в области GR-менеджмента:

С. П. Перегудов, Г. П. Рогочая, И. С. Семененко, Г. Л. Тульчинский, Л. Е. Ильичева, В. А. Ачкасова, Е. В. Галкина и др. [6].

В настоящее время профессиональное сообщество GR-менеджеров находится на стадии своего формирования. По мнению профессора МГИМО(У) МИД РФ и НИУ Высшая школа экономики А. А. Дегтярёва, в России назрела необходимость создания ассоциации лоббистов и GR-менеджеров, которая в своём уставе должна выработать этический кодекс поведения лиц, связанных с взаимодействием с органами государственной власти [5]. Идея А. А. Дегтярёва, высказанная в апреле 2011 года на Второй научно-практической конференции «Лоббизм в России сегодня: правовые основы и политическая практика», нашла поддержку среди участников III Международной конференции специалистов по связям с органами государственной власти «GR-Конгресс-2011: эффективный диалог бизнеса и власти», состоявшейся 17 ноября 2011 года в московском отеле «The Ritz-Carlton». В рамках Конгресса состоялась презентация нового учебного пособия «GR-отношения с государством: Теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством», подготовленного специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ совместно с преподавателями Санкт-Петербургского государственного университета.

Фондом «Сколково» совместно с Российской ассоциацией по связям с общественностью (РАСО) ежегодно проводятся Летние школы коммуникативных технологий. Основными темами дискуссий были обозначены вопросы выработки эффективных форматов коммуникаций участников инновационной деятельности с органами государственной власти и общественными объединениями РФ. В ходе обсуждения большинство учёных и менеджеров-практиков пришло к выводу, что современный GR-менеджмент в России впитал множество мифологических черт, их можно определить следующими спорными умозаключениями:

Миф № 1. Большинство органов государственного и муниципального управления РФ не заинтересованы в развитии открытого диалога с представителями бизнес-сообщества.

Миф № 2. Исключительно все значимые для бизнеса решения принимаются только руководителем органа государственной власти.

Миф № 3. В органах государственной власти РФ все стратегические решения принимаются закрыто, повлиять на этот процесс фактически невозможно.

Миф № 4. Бизнесу гораздо выгоднее иметь «теневых агентов» внутри органа государственной власти, чем вести регулярный открытый диалог с ним.

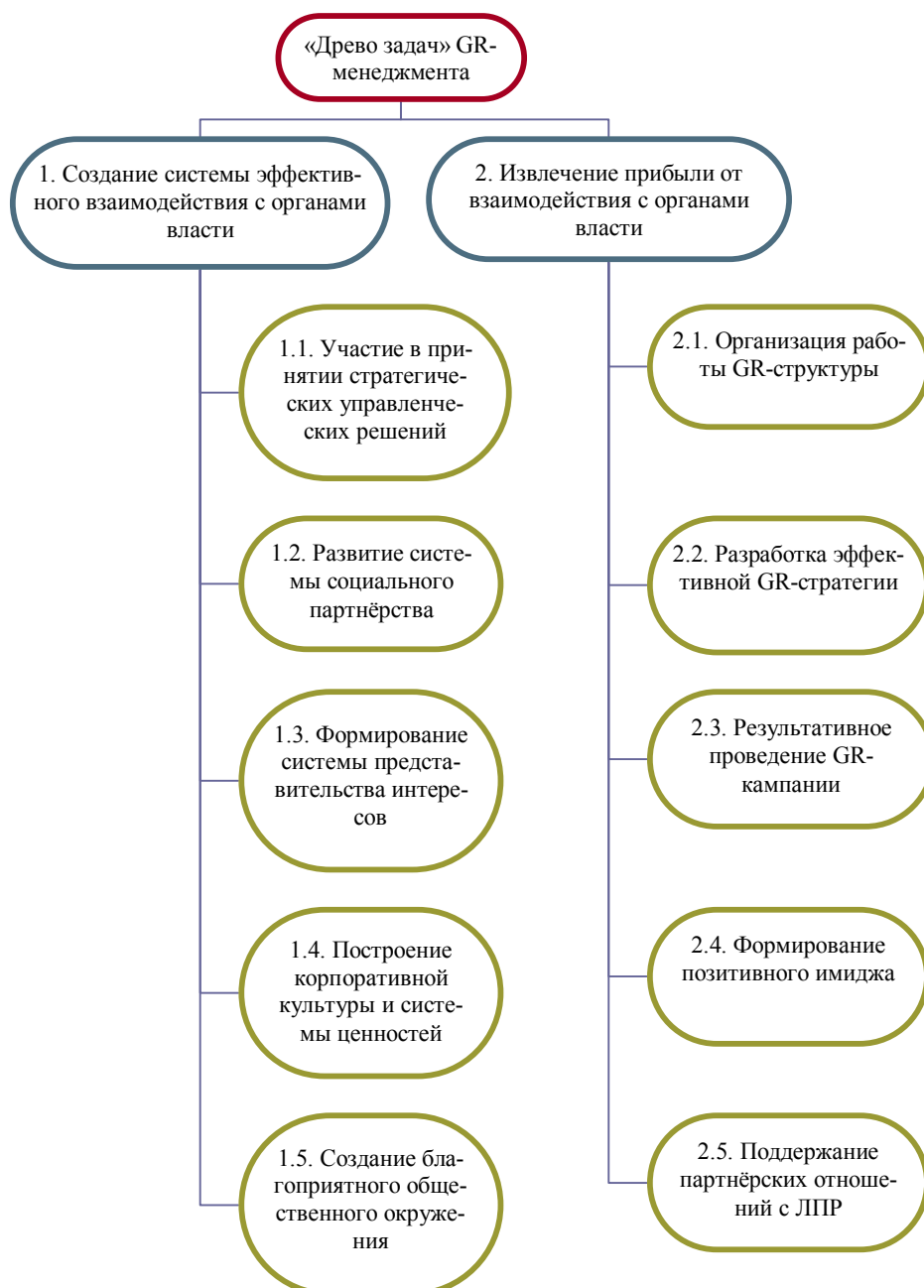
Миф № 5. GR-менеджер — это идеальный посредник при реализации коррупционных схем [9].

Существование последнего в обозначенном выше списке мифа подтверждают и результаты социологических опросов, проведённых ЗАО «Научно-исследовательский институт по изучению проблем экономики и права». На вопрос «Что Вы считаете GR-услугами?» 70% рес-

пондентов ответили «диалог бизнеса с властью в целях отстаивания своих интересов», 15% — «система специализированных агентств, информационное и общественное сопровождение», 10% — «источник коррупции», 5% затруднились с ответом [27].

Стереотипы и мифы затрудняют формирование позитивного багажа знаний о принципах взаимодействия бизнеса с властью, в то же время вынуждает нас к созданию «древа задач» GR-менеджмента, ключевой целью которого является анализ и синтез разрозненной информации о фактах сотрудничества бизнес-сообщества с органами государственного и муниципального управления РФ, построение саморегулируемой системы правил и принципов диалога представителей власти и бизнеса в современной России, формирование «древа задач» корпоративного GR-менеджмента (рис. 1).

Рис. 1. «Древо задач» корпоративного GR-менеджмента

Феномены GR-менеджмента и лоббизма всё больше вторгаются в повседневную жизнь рядовых граждан стран Северной Америки и Западной Европы. Британский программист М. Бёрч запустил в марте 2011 года социальный интернет-ресурс «Jolitics.com» (<https://jolitics.com>) для политических активистов и групп влияния. Ресурс копирует модель работы британского парламента, предусмотрены стадии внесения законопроекта, его обсуждения и голосования. Пользователи «Jolitics.com» смогут опубликовать на сайте проекта предложение (аналог законопроекта) длиной не более 140 символов. Остальные пользователи могут обсуждать «законодательную» инициативу в течение четырёх недель, после чего она выставляется на открытое голосование. При этом пользователи ресурса могут не указывать собственные политические взгляды, а сама инициатива, набравшая более 50% голосов, может быть направлена действующему члену парламента для учёта предложений граждан в законодательном процессе.

Реформы, проводимые в России в последнее десятилетие, должны привести к уменьшению роли государства в отдельных отраслях экономики, передаче части государственных функций бизнес-структурам. Это явление в теории управления получило обозначение социального аутсорсинга, сущность феномена заключается в снижении нагрузки на систему государственного и муниципального управления путём передачи ряда непрофильных функций, услуги по реализации которых могут быть оказаны более качественно и оперативно, внешним исполнителям, развитие сектора коммерческих предприятий и некоммерческих организаций, занимающихся обслуживанием отдельных социальных категорий граждан [10]. В перспективе это должно привести к усилению контроля государства за бизнесом в отдельных отраслях производства и услуг, связанных с национальной безопасностью и безопасностью российских граждан. В этих условиях бизнес-сообщество будет вынуждено брать на себя большую социальную ответственность, вкладывать часть получаемой прибыли в разработку и реализацию социальных проектов, благоустройство территорий, заботу о здоровье и благосостоянии своих работников. Указанные тенденции неминуемо должны способствовать формированию открытого регулярного диалога бизнеса и власти по наиболее актуальным вопросам развития социальной сферы и национальной экономики.

Список использованной литературы и источников

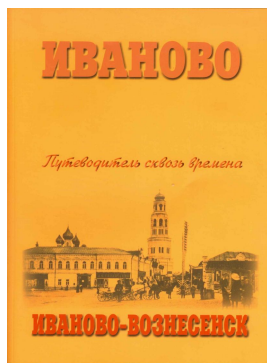
1. Бараблина Э.К. Управление развитием государственно-частного партнёрства в сфере туризма. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. — М.: РАГС при Президенте РФ, 2009. — 22 с.
2. Баранов Д.Е., Баранова Н.В. Government relations: Учебное пособие. — М.: Московская финансово-промышленная академия, 2007. — 198 с.

3. Государственно-частное партнерство и стратегические альянсы власти и бизнеса / Под ред. В.Ф. Уколова. — М.: Издательство «Проспект», 2009. — 68 с.
4. Государственные услуги в системе взаимодействия власти, бизнеса и общества / Под ред. В.Ф. Уколова. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. — 72 с.
5. Дегтярёв А.А. Роль социальных регулятивов при осуществлении лоббистской деятельности в современной России: правовые нормы, моральные императивы и «понятийные» правила игры (http://lobbying.ru/content/sections/articleid_7217_linkid_.html, дата обращения: 01.10.2011).
6. Доклады участников V Всероссийского конгресса политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», Москва, 20-22 ноября 2009 г. — М.: РАПН, ГУ ВШЭ, 2009. — 398 с.
7. Зобнин А.В. Информационно-аналитическая работа в государственном и муниципальном управлении: учебное пособие. — М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2011. — 120 с.
8. Зобнин А.В. Теория и практика дизайна политического решения в органах государственной власти Российской Федерации // Власть. Человек. Закон. 2010. №7. — С. 24—35.
9. Зобнин А.В. Суть GR-менеджмента не в налаживании коррупционных схем, а в поиске официальных способов сотрудничества с органами власти // Интернет-портал «Проф-Гид» (<http://profguide.ru/clauses/portprof/art-508.html>, дата обращения: 02.10.2011).
10. Зобнин А.В. Реализация концепции социального аутсорсинга на территории Фурмановского муниципального района Ивановской области // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. №1. — С. 167—178.
11. Зобнин А.В., Шмелёва С.А. Дизайн политического решения: теория и практика. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. — 72 с.
12. Кнаус В.В. Управление развитием государственно-частного партнёрства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. — М.: РАГС при Президенте РФ, 2008. — 24 с.
13. Леховицер О.И. Взаимодействие власти, бизнеса и общества в решении социальных проблем населения. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. — М.: РАГС при Президенте РФ, 2008. — 23 с.
14. Лоббирование в системе взаимодействия власти, бизнеса и общества / Под ред. В.Ф. Уколова. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. — 64 с.
15. Модели взаимодействия бизнеса и власти в развитии инновационной сферы / Под ред. В.Ф. Уколова. — М.: Издательство «Проспект», 2009. — 52 с.

16. Павроз А.В. Government Relations как институт социально-политического взаимодействия // Журнал ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2005. №2. — С. 238—252.
17. Павроз А.В. GR как элемент социального управления // Интеграция. Коммуникация. Управление: Сборник статей молодых учёных / Под ред. В.В. Васильковой, В.В. Козловского, В.Н. Мининой. — СПб.: Интерсоцис, 2005. — С. 15—19.
18. Павроз А.В. GR: принципы и механизмы эффективного взаимодействия с институтами государственной власти // Формирование системы цивилизованного лоббизма в России: GR и проблемы эффективности взаимодействия общества и власти / Под ред. В.И. Быкова, Л.Н. Галенского, Л.В. Сморгунова. — СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2006. — С. 29—39.
19. Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике: Учебное пособие. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. — 186 с.
20. Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование: учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 464 с.
21. Сетевая модель взаимодействия власти, бизнеса и общества / Под ред. В.Ф. Уколова. — М.: Издательство «Проспект», 2009. — 60 с.
22. Социальная ответственность бизнеса / Под ред. В.Ф. Уколова. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. — 84 с.
23. Стенографический отчёт о совещании по вопросам снижения административных барьеров для субъектов малого и среднего бизнеса. 5 августа 2009 г., г. Звенигород (<http://www.president.kremlin.ru/transcripts/5119>, дата обращения: 10.09.2011).
24. Стрелец И.А. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // Международные процессы. 2011. №1(25). — С. 25-37.
25. Толстых П.А. Профессиональный словарь лоббистской деятельности. М.: Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти, 2009 (URL: http://lobbying.ru/dictionary_word.php?id=6, дата обращения: 12.12.2011).
26. Уколов В.Ф., Быстряков И.К. Пространство взаимодействия власти, бизнеса и общества: материалы лекций (http://www.kit.rags.ru/knowledgebase/reference_books, дата обращения: 12.09.2011).
27. GR-менеджмент: что это? (<http://niipep.ru/gr>, дата обращения: 15.09.2011).

РЕЦЕНЗИИ

Тихомиров А. М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. — Иваново: ИД «Референт», 2011. — 328 с., ил.

Хитом ивановского исторического краеведения 2012 года, несомненно, стала книга известного краеведа, доцента ИвГУ, кандидата биологических наук, автора книги «Храмы Иваново-Вознесенска», лауреата премии «За выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России» имени академика Д. С. Лихачева 2006 года, члена комиссии по топонимике при Администрации города Иванова Александра Михайловича Тихомирова «Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь

времена». Она собиралась и составлялась много лет. Достаточно вспомнить публикации в местной периодике за последние лет двадцать.

Однако Александр Михайлович пошел дальше своих предшественников и сумел соединить в своем труде несколько направлений – история улиц и прочих магистралей как таковая, эволюция, в ряде случаев, и революция архитектурного облика улиц, а также рассказ о людях, населявших в разные эпохи дома на этих улицах. В результате получился своеобразный путеводитель – «машина времени» по истории пространства нашего города. Председатель Ивановского областного краеведческого общества К. Е. Балдин предложил на областных краеведческих чтениях читать книгу Тихомирова улица за улицей, перемежая чтение с прогулками, чтобы оценить и закрепить прочитанное. Вот и я предлагаю такой же способ знакомства с архитектурным убранством областного центра.

Очень важно, что при создании книги автор на стадии рукописи обратился к специалистам, в частности, для этих целей была создана редколлегия (Т. В. Ефимова, В. А. Ефимов, Н. С. Ильина, А. Ю. Кабанов, Г. А. Карева, В. А. Кротов, М. В. Смирнов, А. А. Шустов и др.). Надеюсь, что Александру Михайловичу замечания коллег пригодились. Мне, как члену редакционной коллегии, тоже довелось ознакомиться с книгой на рукописном этапе.

Эта книга во многом стала успешной и по причине разнообразнейшего фотографического материала. Она сразу ожила, очеловечилась. Перед нами прошли судьбы многих известных земляков. И теперь любой ивановец, любящий историю своего города, может проникнуться сопричастностью к судьбам тех, кто созидал и трудился в Иваново-Вознесенске и Иваново. Здесь и купцы, и фабриканты, и священнослужители, и благотворители, и первые иваново-вознесенские интеллигенты, и Герои Советского Союза, и руководители области и города раз-

ных лет, а также знатные рабочие, крупные ученые, артисты, замечательные врачи, педагоги, музыканты, писатели и т.д.

Кроме того, издание интересно оформлено, в его фон и структуру удачно вписаны изображения артефактов разных эпох. Необходимым подспорьем книги стали алфавитный указатель и список использованной литературы.

Нас в последнее время мало что удивляет, вокруг много скепсиса. То и дело приходится слышать разной чепухи по отношению к истории города Иванова. Так вот, у человека, прочитавший труд А. М. Тихомирова, надеюсь, навсегда отпадет желание ругать наш город по поводу и без оно. Вне всякого сомнения, книга Александра Михайловича вошла в «золотой фонд» ивановского краеведения.

А. М. Семененко

Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 208 с.

Вышел в свет первый том словаря терминов и понятий «Политическая идентичность и политика идентичности». Хотя книга имеет подзаголовок «Идентичность как категория политической науки», первая часть этого издания будет интересна для философов социологов, культурологов, географов и других исследователей. Пожалуй, это первое подобное издание, выпущенное в России. Фундаментальность,

объективность, взвешенность отличают каждую словарную статью.

В словаре термины и понятия весьма удачно сгруппированы по разделам: «Идентичность: рамочные понятия»; «Социально-ролевая идентичность»; «Идентичность в политическом измерении»; «Идентичность в социокультурном измерении»; «Пространственно-временная идентичность»; «Идентичность: дискурсы и практики».

Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является выделение самостоятельных словарных статей «коллективная идентичность», «социальная идентичность» и «индивидуальная иден-

тичность». До сих пор в отечественной науке существует путаница в выделении уровней человеческой идентичности. Некоторые исследователи отождествляют «коллективную» и «социальную идентичность». Кто-то, наоборот, предпочитает не выделять «коллективную идентичность» в качестве особой формы самосознания, что, в общем-то, справедливо. Поскольку приписывать «коллективу статус субъективности, т.е. говорить применительно к коллективу о "сознании", "волеии" и "чувствовании" можно разве что *метафорически*. Ибо ни "сознанием", ни "желанием" коллектив не обладает» [1]. В словаре особо подчеркивается, что основная функция коллективной идентичности в том, что она лишь «формирует и регулирует связанные с данным коллективом или группой отношения «свой — чужой», которые играют весьма важную роль на всех уровнях социальной организации, начиная с семьи и заканчивая цивилизацией» [2, с. 30]. В тоже время «социальная идентичность» – это аналитическая категория, которая представляет собой систему координат самокатегоризации. Разграничивая понятия коллективной и социальной идентичности, авторы делают важнейшее замечание. В отличие от групповой (Д. Д. — коллективной) «социальная идентичность предполагает удовлетворение потребности индивида в «принадлежности к определенной группе» [2, с. 33]. Тем не менее, ключевое понятие для анализа этой «принадлежности», а именно понятие «социальность» осталось за рамками словарных статей. А что такое «социальность»? Это фундаментальное социогуманитарное понятие, которое, по нашему мнению, должно присутствовать повсеместно там, где речь идет об идентичности. Если не углубляться в историю термина, рамки его использования, специфику, то можно сказать, что «социальность» — это принадлежность человека или группы к какому-либо сообществу и взаимодействие в рамках этого сообщества», в свою очередь, «идентичность» — осознание этой принадлежности. На наш взгляд, стоило бы уделить особое внимание взаимосвязи этих понятий в дальнейшем. В том числе в рамках политических исследований, например, таких явлений, как национализм или регионализм и т.д., поскольку национальность и региональность – это частные примеры социальности как таковой.

В последнее время актуальными становятся такие проблемы и вопросы, как, кто задает/формирует/конструирует принадлежность к сообществу, кто «помогает» человеку осознать эту принадлежность? Отчасти ответы на эти вопросы уже заявлены в словарных статьях, но полагаем, что именно второй том энциклопедии прольет свет на решение обозначенных теоретико-методологических проблем.

Безусловно, выход первого тома энциклопедии не остановит существующую в научных кругах дискуссию вокруг теоретических аспектов концептуализации идентичности. Поэтому, пользуясь возможностью, хотелось бы высказать свои соображения относительно словарных статей, близких нам по исследовательской проблематике, а также обозначить проблемы, которые, удалось и не удалось разрешить.

Как мы отмечали выше, отдельный блок словаря посвящен пространственно-временным идентичностям. Авторами характеризуются как уже достаточно известные широкому кругу специалистов идентичности: территориальная, локальная, региональная, так и малоизученные, например, приграничная идентичность (статья М. П. Крылова). Очень важно, что понятие «территориальная идентичность» вводится И. Л. Прохоренко в качестве некоей рамочной аналитической категории. Еще несколько лет назад, права на использование этого понятия принадлежали исключительно социологам, теперь очевидно, что и политологи, и географы, и историки, не могут без него обойтись. Кроме этого, если раньше исследователи отождествляли территориальную идентичность с региональной и локальной, не всегда удачно и часто без должной рефлексии, то теперь место «территориальной идентичности» в системе научной аналитики четко обозначено — «будучи «зонтичной» аналитической категорией, территориальная идентичность вбирает локальный и региональный уровни идентичности» [2, с. 135].

Особый интерес для нас представляет словарная статья, посвященная региональной идентичности. М. В. Назукиной отмечается, что «региональная идентичность фиксирует принадлежность сообщества к конкретному географическому пространству и оформляет его границы. Региональная идентичность обычно определяется как укорененность в системе самоидентификаций человека особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории». [2, с.144]. Однако, на наш взгляд, использование в определении лишь «географического пространства» для выявления сущности региональной идентичности недостаточно. Как известно, регионы могут выделяться в любом пространстве, будь то социальное, культурное, географическое, политическое и так далее. И осознание принадлежности к части этих пространств будет, в свою очередь, считаться региональной идентичностью. Поэтому полагаем, что прежде чем давать определение понятию «региональная идентичность», важно прояснить, что же такое «регион». На наш взгляд, простая констатация того факта, что регион – «это часть пространства, выделяемая на основании социально обусловленных отличий от других частях пространства и являющаяся гомогенной в заданных критериях выделения» [3, с. 40], уже способствовало бы иной интерпретации понятия «региональная идентичность». Предложенное определение: «региональная идентичность — комплекс символических и идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия, через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества» [2, с.145], больше подходит для характеристики таких понятий как «семиотическое пространства региона», «региональный дискурс», но не для понятия «региональная идентичность», которая, несмотря на все особенности, все же есть «осознание принадлежности к региональному сообществу...». Осознание это, по нашему мнению, отчетливо проявляется на двух уровнях: личностном (соотнесении

«самости» человека с «genius loci» региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой) и социальном (осознании человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия) [4, с. 15]. Добавим также, что в вышеуказанную статью автору стоило бы включить собственную весьма интересную и в определенной мере эвристичную типологию региональной идентичности, которая востребована и являет собой вполне рабочую и апробированную модель [5]. Еще раз подчеркнем, что высказанные соображения и в некоторой степени замечания, никоим образом не снижают качество словарной статьи. Она получилась взвешенная, доказательная и содержательная.

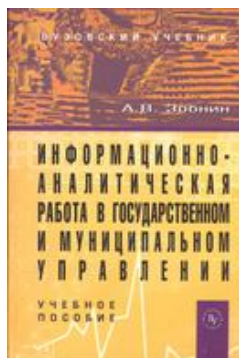
В целом, хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость и необходимость подобного рода изданий. Полагаю, что каждый исследователь, занимающийся вопросами идентичности, должен иметь в распоряжении словарь «Политическая идентичность и политика идентичности». Книга хороша тем, что в ней осмыслены и проанализированы все существующие подходы и традиции (как отечественные, так и зарубежные) в изучении феномена самосознания человека. Это поистине универсальное энциклопедическое издание, отвечающее всем современным требованиям.

Примечания

1. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью [Электронный ресурс]//доступно на URL: <http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> (дата обращения 15.05.2012)
2. Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семенов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 208 с.
3. Докучаев Д. С. К вопросу об определении понятия «регион» в социальной философии // Философия в современном мире: материалы I международной научно-практической конференции (28 января 2012): Сб. науч. тр. — М.: Издательство «Перо», 2012.
4. Докучаев Д. С. Homo regionalis: идентичность и границы жизненного мира российского человека // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Том 3. Выпуск 1. — С. 11—16.
5. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. — Пермь, 2009 — 26 с.

Д. С. Докучаев

Зобнин А. В. Информационно-аналитическая работа в государственном и муниципальном управлении: учебное пособие. — М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2011. — 120 с. ISBN 978-5-9558-0193-3

Информационно-аналитическая работа как сложный механизм, обеспечивающий политико-управленческий процесс, остаётся феноменом, не являющимся изобретением современной эпохи. Испокон веков большинство руководителей для повышения эффективности управления обращалось к услугам доступных для того времени аналитиков, которые «по звёздам», на основании магических обрядов и других всевозможных рациональных и иррациональных манипуляций, давали свои рекомендации по принятию

тех или иных политических решений. Сегодня качественная аналитика — то не гадание, не использование интуиции и даже не простое применение объективных знаний, а своего рода многоплановый процесс, строящийся на правилах и закономерностях, которые выявлены в современных социально-гуманитарных и экономических научных дисциплинах.

К сожалению, глядя на российскую действительность, часто приходится констатировать тот факт, что во многих органах государственного и муниципального управления Российской Федерации, уровень информационно-аналитического обеспечения находится не совсем на должном профессиональном уровне. Одной из главных причин данной проблемы можно с уверенностью назвать существование пробела в знаниях о теории и методологии информационно-аналитической работы у представителей органов власти. Далеко не везде в российских высших учебных заведениях преподают предметы, связанные с изучением основ аналитической работы. Появление в недавнем прошлом в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования учебных дисциплин «Основы политического анализа», «Информационно-аналитическая работа», «Информационно-аналитические технологии государственного и муниципального управления» даёт основание надеяться, что изучение механизмов информационно-аналитической работы студентами российских университетов в скором будущем получит своё перспективное развитие. Определённую надежду в этой связи даёт появление таких учебных пособий как «Информационно-аналитическая работа в государственном и муниципальном управлении» кандидата исторических наук, преподавателя Ивановского государственного университета Алексея Владимировича Зобнина. Пособие вышло в свет в московском издательстве «Вузовский учебник» в середине 2011 г. Оно заслуживает особого внимания как первое специализированное издание на русском языке по информационно-аналитической работе, которое строится на личном опыте работы автора в органах государственной и муниципальной власти Ивановской области, так и на

анализе им широкого спектра работ по информационно-аналитической деятельности российских и зарубежных учёных.

Учебное пособие состоит из введения, одиннадцати глав, заключения и пяти приложений. Как признается сам автор, данная структура работы была определена количеством выделяемых этапов информационно-аналитической деятельности. Таким образом, каждая глава есть ничто иное как описание и анализ одной из составляющих в информационно-аналитической цепочке действий.

В целом можно выделить следующие ключевые моменты, на которые стоит обратить особое внимание при чтении этого пособия. Во введении автор рассматривает общую картину развития политической аналитики как научной дисциплины за последние десятилетия, делая неутешительный вывод о том, что существует проблема со становлением собственных сильных информационно-аналитических центров внутри органов государственной власти в российских регионах. При этом частные консалтинговые структуры, которые могли бы взять на себя государственный и муниципальный заказ по информационно-аналитическому обеспечению, также отсутствуют во многих субъектах Российской Федерации. Данное наблюдение ещё раз подчеркивает актуальность подготовки специалистов, в первую очередь в региональных вузах, способных вести аналитическую работу на высоком уровне и даёт основания думать, что издание может быть особенно востребовано на просторах «российской научной периферии».

В основной части работы автор доступным для широкого круга читателей языком «пошагово» объясняет методологию всего цикла информационно-аналитического процесса: оформление заказа на проведения анализа; проведение сбора и обработки первичной информации; формулирование, концептуализацию и операционализацию проблемы; программирование информационно-аналитической работы; формирование и оценку альтернативных решений; формулирование рекомендаций; мониторинг результативности действий.

Конечно, не стоит искать большого новаторства в конструировании модели аналитической работы со стороны автора – данная методология не являются собственным изобретением А. В. Зобнина, она известна узкому кругу специалистов. С другой стороны, в данном издании автору удалось не только доступно объяснить теорию, но и привести достаточно большое количество практических примеров и образцов, которые позволяют более чётко представить читателю каждое отдельно взятое действие в процессе аналитической работы. Каждая глава снабжена заданиями для самопроверки, что придает необходимую для любого учебного пособия интерактивность, а также списком литературы для самостоятельного чтения, где более половины источников работы зарубежных авторов на английском языке, изданные в США и Европе за последние несколько десятилетий. Здесь необходимо отметить, что, скорее всего, попытка читателей самостоятельно познакомиться с предлагаемыми зарубежными источниками,

например с работами У. Данна вряд ли окажется успешной в силу отсутствия работ данного учёного в библиотеках российских университетов. В связи с этим хотелось бы отметить, что важным шагом к дальнейшему развитию знания о том как вести аналитическую работу в органах государственной и муниципальной власти, мог бы стать выпуск хрестоматии с отрывками из классических трудов зарубежных специалистов по политическому анализу.

Рекомендуя книгу в качестве пособия для самостоятельного чтения для всех, кто интересуется информационно-аналитической деятельностью или в качестве основы для преподавания дисциплин «Основы политического анализа», «Информационно-аналитическая работа» в вузе, хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что строгое следование инструкциям учебника, не гарантирует стопроцентный успех в аналитической работе. Информационно-аналитическая деятельность есть многоплановый процесс, требующий от аналитика и творческой составляющей. Однако нет сомнений в том, что без знаний методологии политического анализа, работа аналитика будет малоэффективной. Уверен, что учебное пособие А. В. Зобнина является весьма полезной и своевременной книгой в современной российской политологии, ведь автору удалось сконструировать собственную логику рационального мышления, претендующую на звание универсальной.

А. С. Кузнецов

СОБЫТИЯ, ХРОНИКА

**Междисциплинарный теоретический семинар
«Советский мир: конформизм и конформисты».
Екатеринбург, 12 апреля 2012 года**

12 апреля 2012 года в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) на базе Института гуманитарных наук и искусств и Института социально-политических наук состоялся научный семинар «Советский мир: конформизм и конформисты». Инициаторами и организаторами проведения семинара стали доктор философских наук Т. А. Круглова и профессор, доктор филологических наук М. А. Литовская.

В название семинара, по замыслу его устроителей, встроена проблема, требующая теоретического и историко-культурологического разрешения: концепт «мир» в русском языке семантически многозначен, и значения его находятся в напряженном взаимоотношении. «Советское» включает в себя «мир» в значении уникальной цивилизации и исторической эпохи, особого хронотопа и антропологического типа со своим жизненным горизонтом. В то же время «мир» — синоним согласия и единства, отсутствия социальных антагонизмов, — всего того, что так часто декларировалось в советском обществе как его главное завоевание. Участников семинара интересовал характер того специфического типа согласия, которое стало основой устойчивости советских практик, условия, в которых осуществлялась «игра в согласие» (Н. Козлова), наконец, человеческие типы, которые были активными агентами этих практик. Особенно важным представлялось разобраться со словом «согласие», так как в его семантической неопределенности авторам проекта научного семинара виделся ключ к объяснению того, почему люди поддерживали власть в ее несправедных действиях, поступали как «соглашатели».

Инициаторы семинара в выборе темы руководствовались поиском новых концептов для прояснения как советского прошлого, так и российского настоящего. Казалось бы, что идентификация конформиста с советским человеком лежит на поверхности, особенно если опираться на характеристики из словарного определения: «некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам, установкам и пропагандистским клише», а также «отсутствие индивидуальности, стандартность, манипулируемость, консерватизм». Советские люди, по идее, долж-

ны были исповедовать одну веру и жить по строгим «нормам», «кодексам» и «уставам». Несколько поколений людей были вынуждены обустроить свою жизнь, имея в виду эту идею, вырабатывая формы отношения к ней. Можно назвать полюса подобного отношения: открыто выраженное инакомыслие — полное принятие предложенной идеологии и подчинение ей своего повседневного существования. Но даже поверхностный взгляд на повседневную жизнь советских людей показывает, что между полюсами существовал целый спектр стратегий и тактик приспособления, различных форм их проявления, обоснований как своего, так и чужого поведения. Следы этого мы находим в языке, бытовых практиках советского времени, различных видах искусства.

На взгляд оргкомитета назрела необходимость рассмотреть советский конформизм в широкой исторической перспективе. Семинар, который состоялся 12 апреля 2012 года — первый из серии междисциплинарных семинаров, посвященных этой проблеме. На нем предметом обсуждения стали общие вопросы, связанные с анализом социально-психологической, социокультурной, культурно-антропологической природы *советского конформизма*. На последующих семинарах предмет исследования будет конкретизирован через рассмотрение практик участников советского художественного процесса:

— специфика советского «производства» конформистов: адаптивные стратегии советских художников; практики согласия и сотрудничества с властью; практики уклонения, лавирования, поиски «ниши», «торга», обмена ресурсами разного рода и др.; проблема границы между официальным и неофициальным искусством, конформистами и нонконформистами;

— культурно-антропологический портрет советского художника, вписавшегося в советскую социальную, идеологическую и эстетическую систему; мифология и риторика советского конформизма и нонконформизма; конформисты - персонажи художественных текстов;

— эстетика и поэтика конформизма: язык примирения, согласия и солидарности; проблема включения текстов нонконформистских авторов в сферу открытого публичного пространства.

Программа семинара включала в себя двенадцать докладов, в которых взгляд на советский конформизм был представлен лингвистами, историками, филологами, философами, антропологами.

Первый блок сообщений состоял из социолингвистического анализа языковых стратегий советской эпохи, закрепляющих в речевой практике конформистскую сетку значений. Наталия Александровна Купина в докладе «*Советский конформизм: идеологические практики и лингвистические технологии*» показала, как в современных российских медиа, озвучивающих голос власти, вновь актуализируются лингвистические технологии конформизма. Лингвистические технологии направлены на приспособление идеологем к меняющейся стратификации общества. На основании анализа широкого спектра приемов расширения, облагораживания,

оправдания ключевых советских идеологем докладчица делает вывод о том, что принятие коллективной идентичности нельзя трактовать как пассивное. Лингвистический анализ выявил императивное требование активного и искреннего согласия в текстах советского периода, фиксирует возвращение советских идеологем в современный политический дискурс и расчет на то, что эта практика получит коллективное одобрение.

Ольга Алексеевна Михайлова в докладе «*Конформизм и толерантность: семантический анализ понятий*» на основе данных различных словарей и результатов проведенного среди гуманитариев (студентов, преподавателей школ и вузов) анкетирования проанализировала семантику лексемы *конформизм* в сопоставлении с лексемой *толерантность*: «Сходство этих лексем заключается в общих семантических компонентах: 'чужой', 'бесконфликтное поведение', 'способность, умение приспособиться к ситуации', 'изменение своего поведения'. Различие между *толерантностью* и *конформизмом* кроется в области прагматики. По коннотативному оценочному компоненту эти слова выступают как антонимы». Основанием для сравнения служит оппозиция «свой/чужой», но, если толерантность не предполагает отказ от своей позиции, то конформизм — это согласие только с доминирующей точкой зрения и принятие ее под давлением; конформистский идеал согласия сводится к игнорированию разнообразия дискурсов. Докладчица показала, что слово «толерантность» вошло в русский язык гораздо раньше, чем «конформизм», и что «буржуазный конформизм» противопоставлялся «советскому коллективизму». Отсутствие слова «конформизм» в советских словарях, по ее мнению, результат сознательной языковой политики.

Ирина Трофимовна Вепрева в докладе «*Об однокоренных Янус-словах «согласие /соглашательство», «приспособление / приспособленчество»*» рассмотрела класс слов-прагмем (М. Эпштейн), которые не только называют явление, но и нечто сообщают о нем. Каждое из этих слов потенциально несет в себе целое суждение, объект которого — явление, обозначенное словом, а предикат — выраженная им оценка. В докладе И. Т. Вепрева обращается к характеристике прагмем *согласие* — *соглашательство*, *приспособление* — *приспособленчество*. Указанные слова, имея почти одинаковую референтную соотнесенность, выражают противоположное отношение говорящего к явлению. Было прослежено развитие отрицательного значения у слов *соглашательство* и *приспособленчество*, связанное с советским периодом российской истории: «Обычно подобные Янус-единицы содержат идеологическую оценку, принадлежащую разным общественным группам, партиям, субъектам речи. Опытный субъект речи может рационально пользоваться эмоциями и оценками, заключенными в данных словах, так, чтобы в каждой ситуации нужная ему эмоция, подкрепленная авторитетом языка, возымела силу». Слова «приспособленец» и «соглашатель» утратили в советском дискурсе нейтральную семантику, свойственную слову «соглашатель» в XIX веке.

Сообщения социолингвистического блока выявили интересную закономерность: при всем разнообразии социолингвистических технологий, конструирующих речевой конформизм, само слово «конформизм» представляет собой своего рода «слепое пятно» в советском дискурсе; широко используемое слово «соглашательство» — замена иностранного «конформизма», — применяется только к буржуазному миру и, несомненно, является осуждаемым явлением.

Следующий блок докладов был посвящен анализу социальной природы конформизма, его историческим истокам и границам с другими аналогичными явлениями. Светлана Ивановна Быкова в докладе «*Социальное согласие и конфликты в современных исторических исследованиях*» представила историографический обзор проблемы. Внимание историков приковано к проблеме конформизма в силу актуальности поиска обществом определенных «правил игры», способных обеспечить взаимную ответственность всех субъектов и создать оптимальные условия для эффективного функционирования социума. В своем сообщении докладчица сосредоточилась на тех исследованиях, которые акцентируют внимание на негативном опыте социального согласия, ставшего причиной исторических трагедий, особенно на трактовках «соглашательства» советских людей в 1930-е годы: «Особенно интересны дискуссии, продолжающиеся в европейской и американской исторической науке между «тоталитаристами» и «ревизионистами», о роли простого человека в сохранении советской политической системы и его участии в массовых репрессиях. Стивен Коткин акцентировал внимание на осмысленном и рациональном участии многих людей в событиях, которые «часто вели к их собственному уничтожению»; Дж. Гетти, изучая феномен «участия снизу», называл главной причиной террора российское плебейство; Алекс Ноув характеризовал сталинизм как триумф полуграмотности, ибо исполнители воли Сталина наслаждались возможностью преследовать образованных, уничтожать интеллектуалов». С. И. Быкова перечислила основные мотивации советского конформиста, выявленные западными исследователями: «Серж Московичи, отмечая особую значимость ценностей революции в советской морали, рассматривает политические процессы как величественное жертвоприношение, в котором «каждый по-своему оказывается мучеником»; репрессии как возможность социального реванша рассматривают Никола Верт и Сюзанна Шаттенберг.

По мнению докладчицы, в российской исторической науке данные аспекты исследования советского прошлого чрезвычайно редки. С. И. Быкова опирается в своих наблюдениях на монографии А. В. Оболонского («Драма российской истории: система против личности» (М., 1998), О. Хархордина («Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности» (СПб., 2002) и Н. Козловой, которая в своем исследовании «Советские люди. Сцены из истории» (М., 2005) отмечала, что, «помимо пропагандируемых властью идеалов, существовала классификационная решетка государственных категорий, согласно которой люди делились на «своих»

и «чужих»; Подобные классификации принимались и воспроизводились представителями разных социальных групп. Именно это согласие, по мнению Н. Козловой, — одна из причин стабилизации советской системы. Ю. М. Лотман одним из первых сформулировал определение характерного признака советского человека — «вручение себя во власть», основанное на патерналистских отношениях и высокой степени заинтересованности в том, чтобы оправдать ожидания власти. Докладчиц подтверждает выводы Н. Козловой результатами собственных исследований эмпирического материала: судебно-следственных дел 1930-х годов. Именно конформизм являлся главным фактором, позволившим власти реализовать исключение из общества индивидов и целых социальных групп («бывшие», «кулаки», «враги народа»). Возможности социального реванша, открывавшиеся перед многими людьми благодаря доносам и другим формам конформизма (включая добросовестное исполнение властных предписаний), исследовал Олег Сувениров в монографии «Трагедия РККА, 1937-1938 гг.».

Спор разгорелся вокруг проблемы генезиса и исторических границ конформизма: некоторые докладчики настаивали на том, что конформизм — продукт общества модерна. Татьяна Анатольевна Круглова в докладе *«Генезис конформизма в контексте модернизационных процессов»* выдвинула гипотезу, что конформист появляется только в результате распада традиционного общества, когда согласие с обществом становится социально-психологической проблемой и предметом социального конструирования. «Теоретики модернизации указывают на то, что продуктом процесса ломки традиционного общества и сопутствующих практик должен стать новый человек, наделенный такими качествами, как самостоятельность и рациональность в принятии решений, автономность, умение контролировать себя или дисциплинированность. Иначе говоря, он может появиться только в результате отрыва от своей прежней общности, ее влияния. Культурно-антропологическое содержание модернизации состоит в продуцировании новой субъектности, в которой рост индивидуации обеспечивается навыками сотрудничества, умения защищать свои права и осознавать общие корпоративные интересы. Проект модерна предполагал, как это мыслили его идеологи, что практики солидарности и сотрудничества не только не противоречат свободе и автономности индивида, но и способствуют их утверждению. Это и называется гражданским обществом, и, безусловно, такой субъект, органично сочетающий в себе самодостаточную личность и умение жить, исходя из корпоративных интересов, в мире появился. Но, в то же время, модернизационные процессы везде сопровождаются возникновением такого явления, как конформизм и генерированием соответствующего психотипа. В СССР формируются специфические черты советского конформизма». Конформист — не фанатик, слепо верующий в предписания, и не пассивная жертва государственного насилия, он пытается играть в свою игру в рамках навязанных ему правил. Опираясь на исследования труда и рабочих 1920—1940-х годов, проведенные немецкими учеными, докладчица обосновала тезис о том, что социальной «клеткой» конформизма стал трудовой кол-

лектив. Практики конформизма — неравноправные и неравномошные отношения обмена, торга человека и власти. Результат этих практик — сделка, в которой выигрывает не только власть, вынужденная уступить, но и сам «простой человек».

Аргументы в пользу такой трактовки происхождения конформизма звучали и в докладе Елены Германовны Трубиной *«Отдаваться публичности, оставаясь независимым от модных течений: Ханна Арент о власти общества и западных интеллектуалов»*. Советский конформизм в ее докладе представлен в общеевропейском интеллектуальном дискурсе, который допускает, что конформизм — это характеристика современного общества как такового. «Послушность и конформность в отношении господствующих социальных норм описываются в теориях модерности (веберовских и функционалистских) а также в когнитивной социальной психологии как детерминанты коллективного действия. Так, в истории европейского тоталитаризма даже совершение злодеяний либо участие в таковых мыслились не как проявление энтузиазма преступников по отношению к великой миссии, а как социально порожденные реакции обыкновенных людей на особые ситуации. Во многих версиях, совершенных в двадцатом веке и одобренных государством преступлений, именно социально порожденная природа конформности выходит на первый план». В то же время использование термина «конформизм» в отношении актуального контекста, например, протестного движения «за честные выборы», голодовки в Астрахани и отношения к ней граждан, и т.п. событий новейшей российской истории, вызывает сомнения в его адекватности: «Не оставляет чувство, что этот термин — из другого словаря и другого времени, но вот что это за словарь и что это за время?», — задается вопросом докладчица.

В то же время на конференции звучали трактовки конформизма в более узком смысле слова, его генезис локализовался рамками таких ситуаций социального давления, в которых у субъекта наличествует свободный выбор поведения, возможность поддаваться давлению извне или сопротивляться ему, уклоняться и не участвовать в заведомом зле. Олег Леонидович Лейбович высказал мысль, что советский конформизм в строгом смысле слова — это феномен «оттепели». Эта номинация появляется в 1950-е годы и становится бранной. Для предшествующего периода термин «конформизм» нерелевантен, так как в периоды доминирующего террора в государственной политике речь шла о простых стратегиях физического выживания. Эта точка зрения оспаривалось С. И. Быковой, В. Г. Самариним и Т. А. Кругловой, видевших в эти периоды возможность выбора и разнообразие стратегий поведения советских людей. Так, С. И. Быкова сослалась на монографию С. Ярова *«Конформизм в советской России: Петроград 1917—1920-х годов»*. (СПб., 2006), где он называет конформизмом «обращение» людей в большевизм: «Воспринимая этот термин как нейтральный, я предпочитаю использовать его потому, что он в большей степени учитывает совокупность техник формирования лояль-

ности, нежели такие понятия, как «подчинение», «приспособление», «группирование» или «согласие».

Последнее замечание отсылает нас еще к одному дискуссионному повороту в определении границ конформизма: необходимости размежевания практик лояльности от общего адаптационного фона практик приспособления, которые носят необходимый и универсальный характер в любом современном обществе. Этот поворот был во многом задан докладом Вадима Геннадьевича Самарина «*Сущность и социально-психическая основа конформизма*». В своем сообщении он показал универсальные характеристики конформизма, связанные с групповым давлением. Конформизм — это социальная ориентация, основанная на рассогласовании интересов: давление, осознаваемое субъектом, имеет для него отрицательное аксиологическое значение. Субъект ощущает себя носителем качеств, которые ему несвойственны. Философская традиция трактует конформизм как форму отчуждения, проявление несвободного поведения. С одной стороны, данные психологических экспериментов по поведению людей в группах подтверждают версию о генезисе и распространенности конформизма в границах массового общества, с другой — специфика советского конформизма при таком подходе не обнаруживается. Это объясняется и тем, что в советское время подобные исследования могли быть легализованы только в рамках сугубо психологического дискурса. Однако в психологических исследованиях не обнаруживается «замеров» советской конформности, как правило, отечественные ученые ссылаются на данные, полученные на западном материале. Так, например, интерпретация социальных аспектов конформизма допускалась преимущественно в описании авторитарного и тоталитарного типов личности на материале немецкого нацизма. Понятие конформизма всегда сопровождается негативными коннотациями, так как он соотносится с насилием и отчужденным бытием (Э. Фромм).

Появление конформизма В. Г. Самарин связывает с эпохой Возрождения, так как, по его мнению, ценность свободы человека, получившая свое обоснование в это время, является необходимым условием генезиса конформизма.

Культурно-антропологический разворот темы был представлен в докладах Т. А. Кругловой и И. В. Янкова. Т. А. Круглова предложила рассматривать концепт «конформизм» в качестве рабочего инструмента интерпретации поведения людей в XX веке, призму, сквозь которую появляется шанс разглядеть то, что не улавливается в нормативной логике требований: «Проблема, с которой сталкивается всякий, изучающий общество через судьбы конкретных людей, особенно — рядовых, заключается в том, что чаще всего невозможно пользоваться бинарной логикой для описания их отношений с социальным и культурным целым, логикой оппозиций господства / подчинения, свободного / принудительного, творческого / исполнительского, оригинального / стереотипного и т.п. Наша задача заключается в том, чтобы посмотреть на историю общества, — прежде всего — нашего, отечественного, — сквозь

призму тех, кто, на первый взгляд, является пассивным объектом манипуляции, ощущает свою зависимость как нормальный и очевидный порядок вещей». Докладчице представляется ограниченной схема разделения людей на бунтарей и приспособленцев, так как из нее выпадает важное звено — человек середины, тот, кого чаще всего и нарекают конформистом. Он в повседневности вынужден конструировать свою жизнь, используя попеременно все возможные стратегии: господства и подчинения, компромисса и шантажа, торга и обмена. Прежде всего, необходимо исходить из установки, что представления о полной управляемости и манипулируемости массового человека сильно преувеличены как властью, так и независимыми элитами. Человек середины, человек лавирующий — тоже творит свою жизнь, и надо внимательно изучить, как он это делает. Конформизм вскрывает двойственность приспособительных практик: во-первых, потребность в слиянии с целым, согласие и приятие общих ценностей и правил, стремление не выделяться, но в то же время за этим стоит постоянная забота о собственных интересах. Конформистами называют людей, которым незнакомо чувство своей osobости, но этим ярлыком также награждают тех, кто заботится о своих ближайших целях, не беспокоясь об исторической перспективе общности, действуют скорее эгоистически, нежели альтруистически. Конформистами называют прагматиков, неспособных к бескорыстному самопожертвованию, приземленных людей, ориентированных только на ближайшие цели и быстрое достижимый результат. Покладистость конформиста при ближайшем рассмотрении обманчива, стоит лишь задаться вопросом, что за ней скрывается: лукавая двойная игра, маска послушания, защищающая внутренний мир, или страх маленького человека перед свободой и ответственностью? Равнодушие ко всему, что выходит за пределы непосредственного опыта, или спасительный здравый смысл? Конформист — это бесконечно податливая к манипуляциям натура или персона себе на уме, выработавшая сильный социальный иммунитет к любым возвышенным лозунгам и призывам? И, наконец, внимательный взгляд на конформизм поможет нам понять природу общественного согласия, ее добровольно-принудительный характер».

Игорь Викторович Янков в докладе *«Конформизм и ритуальные практики советской социальности»* предложил использовать методологию, наработанную в культурной/социальной антропологии, выявляющую архаические структуры в современном обществе. «Понятия сакрального, жертвы и ритуала позволяют, с одной стороны, описать структуры, конституирующие как самого советского человека, так и соответствующую ему социальную структуру. В дискурсе архаической ритуальности конформизм предстает как жертвенный обмен с сакральными фигурами. Конформистская личность — это личность, интериоризирующая насилие, так как обществу модерна соответствует тип социума, который переводит сакральные структуры в индивидуальный психологический план». Трактовка социальной динамики сквозь призму ритуальности выявляет динамику соучастия и отстранения, содействия

созданию отчужденных структур и возможности творческой реализации в относительно свободных зонах лиминальности.

На семинаре были также представлены сообщения, посвященные анализу конкретных исторических прецедентов, которые поддаются продуктивному анализу сквозь призму конформистских практик. Олег Леонидович Лейбович в докладе «*“Фразисты, пустословы, лакировщики...”*. *Образы советских литераторов в частной переписке 1954—1957 гг.*» рассмотрел случай переписки пермского доцента с писателями и М. Лившицем по поводу положения дел в литературе. Его письма построены на обвинении писателей и художественных критиков в том, что они «не вытаскивают проблемы на суд общественности». Обвинения в «лакировке» можно квалифицировать как конформизм. В данном случае чрезвычайно важным оказывается дискурсивное основание такой квалификации: доцент исходит из буквально истолкованного официального канона соцреализма как «правдивого отражения жизни в революционном развитии». Он обвиняет писателей в нечестном, неискреннем и даже заведомо ложном искажении «правды жизни». Иначе говоря, конформистами при такой оптике оказываются те, кто недостаточно последовательно выполняет требования власти. Бескомпромиссность, смелость и настойчивость, которые демонстрирует обвинитель, вскрывает своего рода инверсию советской лояльности, ее оборотную, теневую сторону. Особенно важно то, что обвинительный дискурс опирается на арсенал официального соцреалистического дискурса, в котором книга уподобляется газете (только толстой), а слова «лакировщики», «алиллуйщики» взяты из речи А. Суркова. Читатель присваивает себе право учить писателей, что также согласуется с узаконенной практикой. Материал, проанализированный Лейбовичем, подтвердил версию о том, что конформизм и как концепт, и как социальное явление в советском дискурсе трактовался как абсолютно чужеродное, несоветское по своей природе явление.

Другим примером конкретного анализа был доклад Марии Владимировны Ромашовой «*“Вверх по лестнице, ведущей вниз”*: о конформизме и неконформизме советской мультипликации 1940—1950х годов». Описывая институциональное положение студии в пространстве советской киноиндустрии, М. Ромашова квалифицировала его как аутсайдерское. Ни один фильм не получил Сталинскую премию, прокат был минимальным, хотя картины получали международные премии. Докладчица показала зависимость условий и стратегий творческого выживания работников студии «Союзмультфильм»: периферийный характер продукции по отношению к государственному идеологическому заказу способствовал, по ее мнению, сохранению сферы свободного поиска, уменьшению давления на авторов, сокращению зоны компромисса.

Наталья Анатольевна Черняева в докладе «*Альтернативные родительские практики позднего социализма: утопии семейной автономии*» на примере педагогической системы семьи Никитиных, существенно повлиявшей на распространение семейных воспитательских

стратегий, целью которых было формирование самостоятельной личности ребенка, основанной на самоуважении и самореализации. История о том, как воспитывают младенцев в России, по версии Н. А. Черняевой, может служить источником гипотезы, уточняющей параметры конформизма. Опираясь на книгу К. Келли «Советский мир: взросление в России», докладчица говорит о том, что в СССР существовала система понуждения к отказу от традиционных практик ухода за ребенком, а к началу 1960-х годов сложилась система унификации родительства. На фоне растущей приватизации семейной жизни идея раннего развития самостоятельности, обоснованная Никитиными, была особенно привлекательна для городской интеллигенции. Вместе с тем в докладе было доказано, что система Никитиных была комбинацией несоветских и ультрасоветских элементов, например, нормативности и автономии, а фокусирование на труде в раннем детстве указывает на близость к трудовому этосу системы А. Макаренко. В докладе не использовался термин «конформизм», но была поставлена интересная проблема: признание протестного, альтернативного характера системы Никитиных по отношению к официальной педагогической доктрине и принятой практике воспитания послушных и дисциплинированных детей, неизбежно ставит вопрос о результативности альтернативных родительских практик, о соотношении прагматики и утопичности в подобных явлениях, о границах конформизма и нон-конформизма в воспитании.

В заключение семинара прозвучали доклады, посвященные осмыслению конформизма как явления европейского общества и рефлексии этого явления ведущими западными интеллектуалами. Доклад Александры Антоновны Поддубной «Франция 1940 — 2010. Опыт рефлексии феномена Виши» показал значимость анализа конформизма в контексте работы с понятием исторической памяти, механизмами конструирования идентичности, способами изживания национальной травмы. В центре доклада оказалась проблема конформизма по отношению к прагматике государственного строительства. «Виши» трактуется как конструкт ментального мира, формирование которого идет рука об руку с текущими событиями современного мира. А. А. Поддубная воспроизвела трактовку коллаборационистского «режима Виши» как феномена пролонгированного действия, включающего в себя целую цепь событий французской истории, имеющих огромное значение для формирования национальной памяти, идентичности и гражданского согласия (последствия событий 1939 года и военные действия 1940 года в Западной Европе, события 1940—1944, «чистки», последовавшие за Освобождением, амнистии 1948—1953 годов, судебные процессы и «охоту» за военными преступниками 1944—1998 годов). Логическим завершением этого процесса стала амнистия, подразумевающая примирение граждан и гражданский мир. Законы об амнистии, изданные в 1951 и 1953 годах, были направлены на то, чтоб вытеснить индивидуальные проступки и воспоминания. А. Руссо отмечает, что такие меры были необходимы для быстрой интеграции бывших вишистских элементов в общество при восстановлении страны в условиях Холодной войны. Власть не отвергает мно-

гие коллаборационистские элементы, а создает так называемый «голистский консенсус». По мысли Руссо, миф о единой Сражающейся нации под руководством Де Голля позволил стране занять место в Совбезе ООН с правом вето, т.е. активно влиять на мировую политику. Поддубная отмечает, что в такой ситуации доминируют определенные типы коллективной памяти - коммунистов и голлистов, которые занимаются формированием коллективных памятей прочих слоев населения, специально для этого создавая типовые модели героического прошлого, при этом воспоминания пленных, узников концентрационных лагерей были подавлены, а частично и вовсе вытеснены. Но вскоре вытесненное и подавленное прошлое буквально «взрывается»: происходит диссенсус между различными векторами коллективных памятей. Наступает третья фаза, фаза «Разбитого зеркала»: вскрываются эндогенные мотивы коллаборационизма в контексте реванша патриархальной традиции. Таким образом, голлистский миф оказывается подорванным, консенсус, до поры до времени удерживавший единство общества, рухнул. Синдром Виши эволюционировал, точка критического осмысления ряда событий сдвинулась дальше. Теперь в процесс его переоценки вовлечены официальные лица, медиа, ученые, общество требует раскрыть многие государственные тайны, дать официальную оценку событиям, что влияет и на систему правосудия, процесс образования, политику коммемораций, создание музеев, установку памятников. Термин «Виши» активно используется в риторике современной французской политики».

Доклад Елены Германовны Трубиной *«Отдаваться публичности, оставаясь независимым от модных течений: Ханна Арендт о власти общества и западных интеллектуалов»* был посвящен поиску вариантов ответа на сложные вопросы о том, как связаны политическое участие и конформность, капитализм и конформизм, социально-политическая и экономическая природа современного российского общества и гражданская активность, буржуазная свобода личности и социальная апатия. Позиция Арендт оказалась репрезентативной, во-первых, потому что Арендт теоретически ставит проблему «политического участия и возможности остаться индивидуумом в этом политическом участии, во-вторых, отношения Арендт с другими современниками (с Ясперсом и Хайдеггером) могут стать одним из возможных ключей к описанию позиции интеллектуала. Актуальный контекст сегодняшнего российского протестного движения ставит проблему поиска нового теоретического языка для описания мотивов и практик людей, вышедших на митинги: одна из неотложных проблем здесь — это проблема двусмысленности российского капитализма, в частности, непроясненности его морального смысла. Гражданин и потребитель — два типа городских субъектов, убедительно описанных социальной теорией, которая, к сожалению, пока еще мало сказала о том, как на наших глазах люди просыпаются в качестве граждан от консьюмеристского сна. Авторитарный капитализм, сочетающий экономические свободы с политическим притеснением, побуждает перечитывать мысли Арендт по поводу тоталитаризма, ее очерки буржуазного общества. Так, описывая то-

талитаризм как антибуржуазный политический режим, как продукт массового общества, выросшего из слома старой классово-структурной структуры и кризиса национальных государств, она подчеркивала, что атомизированные индивиды жаждали включиться в тоталитарные движения и партии, обещавшие им смысл жизни и шанс принадлежать к чему-то значимому и великому. Описывая буржуазное общество, она приводит очень знакомые (и более узнаваемые, нежели те, что она связывает с тоталитаризмом) характеристики людских нравов: «Конкуренционное и приобретательское буржуазное общество породило апатию и даже враждебность к общественной жизни не только и даже не в первую очередь в социальных слоях, которых эксплуатировали и отстраняли от активного участия в управлении страной, но, прежде всего в собственном классе». Здесь важна отмеченная Арендт *симметрия* между эксплуататорами и эксплуатируемыми: и те и другие *враждебны* по отношению к общественной жизни. Аполитичный буржуа, которого здесь рисует Арендт, однако оставался личностью, личностью небезупречной (поскольку равнодушной к делам общества), но все же личностью: «Зоны социального равнодушия в обществе под господством буржуазии независимо от степени их возможной нерасположенности допускать ответственность граждан оставляют их личности в неприкосновенности хотя бы потому, что без них они едва ли могли бы надеяться выжить в конкурентной борьбе». Ориентация на успех подкрепляется столь серьезным социальным давлением, что «гражданские обязанности и ответственность могли ощущаться только как *ненужная трата его ограниченного времени и энергии*».

Арендт выстраивает несколько бинарных оппозиций, среди которых — противопоставление политического и социального, социального и интимного, частного. Будучи сторонником коллективизма, Арендт негативно рисовала социальность, и конформизм — одна из характеристик негативно понимаемой ею социальности. Она проницательно показывает, что если у сферы политического есть пределы, то у социального пределов и ясных очертаний нет, и, следовательно, бунтуя, ты никогда не можешь быть уверенным в том, против общества ты бунтуешь либо против своей, как она выражается, «социальной экзистенции», отсюда — запутанность и конфликтность существования современного, модерна индивида, обусловленные «двоякой неспособностью чувствовать себя в социуме как дома и жить вне социума».

Далее Трубина подробно разобрала размышления Арендт о способах выхода за пределы сложившейся ситуации, сформулировав в итоге предложенный Арендт «рецепт»: «Он состоит в том, чтобы культивировать пространство совместности, терпеливо обсуждать уже обсужденное, выманивать то, о чем обычно молчат, в зону разговора, все изменять, расширять, оттачивать, заново проясняя это пространство говорящей и слушающей вдумчивостью».

Подводя итоги семинара, можно констатировать, что в результате произошло приращение смысла в понимании прагматики советского мира, условий согласия с его правилами основных агентов, внутреннего устройства адаптационных практик на фоне государственного

насилия, группового давления, идеологического понуждения. Была обнаружена ценностная амбивалентность конформизма, которую можно выразить в формуле «приятия недопустимого». Вполне доказанным выглядит положение о том, что конформизм балансирует на грани общественного и частного, бессознательной зависимости (внушаемости) и сознательной игры, пассивной податливости давлению и активного участия в спектакле; его стратегии разворачиваются между стремлением сохранить себя, свою идентичность и «бегством от свободы»; ускользанием от требований выявить себя и усердной демонстрацией лояльности. Конформист — продукт модерна, капитализма, буржуазной приватности, он — личность, гражданские обязанности и ответственность которой предстают как «ненужная растрата его ограниченного времени и энергии», что свидетельствует о специфической «экономике» личностного ресурса: все больше людей уход от политики рассматривают как зону свободы. Было выявлено разнообразие мотивов конформного советского поведения: социальный реванш, конкуренция, потребность обретения своего лица в условиях негативной идентичности. Поставлена проблема конформизма как возможного условия социального примирения в ситуации национальной травмы, угрозы и риски подобного согласия, последствия для исторической коллективной памяти.

После завершения докладов участники семинара обсудили перспективы изучения феномена конформизма и теоретико-методологические трудности, стоящие перед исследователями. Анализ советского конформизма в историческом и антропологическом ракурсе, по мнению И. Янкова, ставит вопрос о «нашей» идентичности, о формах связи «нас» с советским миром, советским историческим опытом, изживания травматического прошлого и конструктивного диалога с этим прошлым. В историческом плане важно не сводить советский конформизм к какому-либо однозначному или однородному явлению, выявляя различия и специфику конформистских практик российской интеллигенции, подстраивающейся к новым советским реалиям, стратегии выходцев из деревни, которые осваивали культуру большого города, соответствующие идеологические практики советской власти и формы приспособления к ним, даруемые ими возможности и для выживания, и для успеха. По мнению исследователя, необходимо учитывать специфику конкретной ситуации в послесталинский период, когда непосредственная угроза жизни ослабла.

Другие участники семинара обращали внимание на возможную необходимость ухода от негативных коннотаций термина «конформизм», сосредоточения внимания на продуктивных стратегиях выживания и успеха. Были высказаны пожелания сделать предметом следующего семинара биографические и мемуарные материалы, стратегии успеха творческих личностей, рассмотреть эстетику и поэтику проявлений конформизма.

АННОТАЦИИ

Макарычев А. С. Городская идентичность и историческая память: политический Берлин в образах и нарративах

Ключевые слова: идентичность, политика памяти, дискурс, образы

В настоящей статье автор демонстрирует те эффекты, которые в современной городской среде даёт сочетание политического дискурса и языка визуализированных образов. Исследуя музейное пространство Берлина, одного из центральных и наиболее политизированных городов Европы, автор представляет его как множество взаимно переплетающихся нарративов, каждый из которых уходит корнями в ту или иную интерпретацию истории. С его точки зрения, именно эстетический компонент этих нарративов даёт сильный политизирующий эффект, который является составной частью постоянного процесса переосмысления и перепределивания самого общества. Стирание дистанции между историей и современностью является одним из факторов, определяющих состояние современных германских дебатов о ключевых политических вопросах.

Погодина С. И. Московский журнал «КукАрт» (1990-е – 2000-е): попытка ревизии куклы

Ключевые слова: кукла, культура, журнал «кукарт», ревизия

Журнал «КукАрт» — первая в истории советской/русской периодики попытка сделать тематическое издание, посвященное кукле, ее феноменологии в рамках системы культуры. Идея создания журнала, риторика его номеров была инициирована статьей Ю. М. Лотмана «Куклы в системе культуры», первый вариант которой был написан в 1978 году. Все номера журнала тематически вариативны. Опыт журнала «КукАрт» по ревизии, т.е. вновь пересмотру куклы в системе культуры иллюстрирует одно из положений философа М. Мамардашвили, о том, что вещь (кукла) получает самые различные интерпретации в самых различных культурах и исторических эпохах, при этом обладая некими уникальными общими признаками, которые позволяют говорить о феноменологии куклы. Ревизионистский опыт «КукАрт» демонстрирует историческое изменение в отношении человека к вещи-кукле на примере литературных и фольклорных текстов, практик современного искусства и стратегии развития массовой культуры.

Крылов М. П., Гриценко А. А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации

Ключевые слова: региональная идентичность, этнокультурная идентичность, порубежье, ментальный регион, этнокультурный градиент, историческая память, историко-культурное наследие

Рефлексия людей по поводу окружающего их культурного ландшафта с присущими ему социально-историческими, этнополитическими и культурными особенностями является все еще недостаточно изученным вопросом современности. В статье делается попытка отчасти закрыть сложившийся пробел. Представлены отдельные результаты проведенных в 2008 – 2011 гг. полевых исследований в российско-украинском и российско-белорусском порубежье с последующим их обсуждением в контексте проблемы: «изменчивость — устойчивость» 1991 – 2011 гг.. Авторы сконцентрировали свое внимание на процессах региональной и этнокультурной самоидентификации в контексте формирования в постсоветское время различных национально-политических моделей в России, Украине и Беларуси. Уделяется внимание историко-географическим и этнокультурным аспектам формирования территории порубежья, особенностям современного восприятия «своей» территории, ее пространственного рисунка.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция»

Ключевые слова: Русская провинция, краеведение, провинциальный текст, локальный текст, типы общественного самосознания, литературные образы столицы

В блоке статей представлены материалы подготовленного к изданию словаря «Русская провинция» — первого в отечественной науке опыта комплексного осмысления пространства как носителя культуры. Главные цели его создания — обобщение результатов научных исследований пространства как носителя культур и разработка инновационной методологии его изучения. В Словаре аналитически сопоставлены исследовательские практики анализа пространства как носителя культуры и апробирована междисциплинарная методология его комплексного изучения. Создание Словаря позволило объединить усилия специалистов разного профиля, систематизировать результаты их исследований и получить объемное, многомерное знание о пространстве как носителе культуры, включающее геополитический, социальный, антропологический, семиотический, психологический и литературный аспекты.

Красноженова Е. Е. Жилищное строительство в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Нижнее Поволжье, жилищная проблема, жилой фонд, черкасовское движение

В статье исследуется деятельность центральных и местных органов власти Нижнего Поволжья по решению жилищных проблем в военный период, освещается состояние жилого фонда в регионе, рассматриваются особенности проведения капитального и текущего ремонта жилья. Особое внимание в статье уделяется проблеме восстановления разрушенного жилищного хозяйства Сталинграда и деятельности черкасовских бригад, обеспеченности квартирами семей военнослужащих и инвалидов войны.

Абдрахманова К. К. Жилищно-бытовые условия в Центральном Казахстане (1945-1953 гг.)

Ключевые слова: жилищно-бытовые условия, советская повседневность, быт, социально-экономическое развитие.

За последние десятилетия изучение истории повседневности стало одним из перспективных направлений в современной исторической науке. Обращение историков к данной проблеме свидетельствует о расширении ракурса изучения исторического прошлого. Уровень удовлетворения жилищной потребности оказывает существенное влияние на все процессы социальной и экономической жизни общества. В связи с резким увеличением городского населения в регионе жилищный вопрос в указанные годы стал актуальным. Острый дефицит жилья вынуждал людей жить в общежитиях, бараках, коммунальных квартирах. Городской жилищный фонд в большинстве состоял из деревянных, саманных и глинобитных одно и двухэтажных строений. В аспекте «городской повседневности» в статье анализируются такие проблемы как уровень развития жилищного строительства, распределение жилищной площади, обеспеченность коммунальными удобствами, степень благоустроенности и состояние домов, общежитий в городах Центрального Казахстана в трудные послевоенные годы.

Зобнин А. В. GR-менеджмент на новом этапе развития

Ключевые слова: GR-менеджмент, социальное партнерство, лоббизм, социальный аутсорсинг, GR- менеджер

Рассматривается проблема формирования нового направления социально-политического знания, получившего определение GR-менеджмента или системы взаимодействия бизнес-сообщества с органами государственной власти. Дано определение указанного феномена, изложены его принципы. Внимание уделено выявлению сформировавшихся в российской политической науке мифов и стереотипов, затрудняющих познание и изучение GR-менеджмента.

SUMMARIES

Makarychev A. S. City identity and historical memory: political berlin in images and narratives

Key words: identity, memory politics, discourse, images

In this paper the author unveils the effects of a combination of political discourses and the language of visual representations in an urban milieu. The study is based on a variety of Berlin's museums, which the author describes from the viewpoint of different narratives, each grounded in a specific interpretation of history. It is the esthetic components of these narratives that give a strong politicizing effect as an organic element of a perpetual process of rethinking and resignifying the key social concepts. By the same token, the blurring distance between the past and the present is one of key factors determining the state of political debates in Germany.

Pogodina S. I. Moscow magazine «KukArt» (1990-2000): revising a doll

Key words: doll, culture, magazine «KukArt», revision

Russian magazine “KukArt” was on representation and description of a doll in the different aspects — cultural, theatrical, and sociological - orientated. In the present article seven issues of “KukArt” from different points of view are analyzed. The very idea of creating and publishing a magazine with a doll thematic firstly in 1978 was articulated. Yuri Lotman after an ask of Irina Uvarova wrote an article “Dolls in a system of culture” (Kukli v sisteme kultury) which made possible to put a doll in a broad system of culture and to talk/write about it in a scientific discourse. All issues of the magazine are thematically various. “KukArt” magazine’s experience by revising a doll in a system of culture illustrates one of the philosopher Merab Mamardashvili’s thesis about a thing (a doll), which gets different interpretations in the different cultures and epochs, but for all that possessing unique common indications, that allows to articulate a phenomenology of a doll. “KukArt” demonstrates historical changes in a man’s attitude to a thing-doll, using as an examples texts of literature and folklore, contemporary art practices and mass culture strategies.

Krylov M. P., Gritsenko A. A. Regional and ethno-cultural identity in Russian-ukranian and Russian-belarusian borderland: historical memory and cultural transformation.

Key words: regional identity, ethnic and cultural identity, borderland, mental region, the ethno-cultural gradient, historical memory, historical and cultural heritage.

Reflection of the people on cultural landscape with its inherent socio-historical, ethno-political and cultural differences is still poorly understood question in contemporary day. The article takes attempts to partially close the gap formed. Presented some results of field studies 2008 – 2011 years in the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian borderland, after which they were discussing in the context of the problem: stability versus variability 1991 – 2011 years. The authors focused on the processes of regional and ethno-cultural identity in the context of the formation of various national and political models in Russia, Ukraine and Belarus in post-Soviet period. Attention is paid to historical and geographical and ethno-cultural aspects of the formation of the borderland territory, the peculiarities of the modern perception of "their" territory, its spatial pattern.

Milyugina E. G., Stroganov M. V. Text of Space: Experience of the dictionary «Russian province».

Key words: Russian province, local history, the provincial text, the text of local, types of social consciousness, literary images of the capital

The dictionary “The Russian Province” is the first scientific experience in comprehensive reflection and interdisciplinary description of the space as the bearer of culture. The main purpose of his creation is to synthesize researching for space as the bearer of culture produced by Russian and foreign scientists in XX century, create an innovative methodology for its comprehensive study and test this methodology in describing of the Russian province’s space. Creating a Dictionary has consolidated together experts in different fields and organized their findings. For the first time in the nation's science authors have got multi-dimensional knowledge of space as the bearer of culture, including geopolitical, social, anthropological, semiotic, psychological and literary aspects.

Krasnozhenova E.E. House building in the Volga River basin during the Great Patriotic war

Keywords: The Great Patriotic war, the Volga River basin, the housing problem, the housing stock, cherkasovski movement.

The activity of local and central government of the Volga River basin in determination of housing problems during the war period are researched in this article and also the condition of housing stock in the region and features of the building of current and capital repairs are considered here. The special attention is given to the problem of the restoration of disturbed housing of Stalingrad and to the activity of cherkasovski brigades, to the provision of flats of families of military personnel and war cripples.

Abdrakhmanova K.K. The domestic conditions of the Central Kazakhstan in 1945-1953.

Key words: living conditions, the Soviet daily life, family life, social and economic development

For the last ten years the studying of everyday life history has become one of the perspective trends in modern historical science. The attention of historians to such problem indicates about foreshortening expansion of historical past studying. The level of the satisfaction of housing need renders the essential influence upon all processes of society's social and economic life. In connection with sharp increase of the town population in region became actual housing problem. The sharp deficits of dwellings made people live in hostels, barracks, communal flats. Town available housing generally consisted of wood, adobe, wattle and daub one and two-storey buildings. In aspect of "town everyday" in the article the author analyses such problems as level of the development of housing construction, floorspace's distribution, supply of public comfort, well-plan's degree, condition of the houses and hostels in the city of Central Kazakhstan in difficult postwar years.

Zobnin A.V. The new stage of GR- management development

Key words: GR-management, government relation, social partnering, lobbyism, social outsourcing, GR-manager

Describes the problem of GR-management formation like the new concept of social-political knowledge. Define the principles of GR-management like the system of business-government relations. Explore myths and stereotypes about government relations in Russian political science.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Кымбат Казалиевна (Караганда, Казахстан) — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Гриценко Антон Алексеевич (Москва, Россия) — кандидат географических наук, научный сотрудник ФГБУН Институт географии Российской академии наук (ИГ РАН), Москва. E-mail: antohaha@yahoo.com

Докучаев Денис Сергеевич (Иваново, Россия) — кандидат философских наук, начальник отдела по взаимодействию со СМИ (пресс-центр) Администрации города Иванова, ответственный секретарь журнала «Лабиринт», E-mail: den-dokuchaev@mail.ru

Зобнин Алексей Владимирович (Иваново, Россия) — кандидат исторических наук, директор ГБУ Ивановской области «Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д. Г. Бурылина». E-mail: alexzobnin1982@gmail.com

Красноженова Елена Евгеньевна (Астрахань, Россия) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Астраханского государственного университета E-mail: eleena@inbox.ru

Круглова Татьяна Анатольевна (Екатеринбург, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина E-mail: tkruglowa@mail.ru

Кузнецов Александр Сергеевич (Лукка, Италия) — кандидат политических наук, докторант Института IMT Alti Studia

Крылов Михаил Петрович (Москва, Россия) — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. E-mail: mpkrylov@yandex.ru

Милюгина Елена Георгиевна (Тверь, Россия) — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка с методикой начального обучения Тверского государственного университета. E-mail: elena.milyugina@rambler.ru

Макарычев Андрей Станиславович (Берлин, Германия) — доктор исторических наук, приглашённый профессор Института Восточной Европы Свободного университета Берлина. E-mail: asmakarychev@gmail.com

Погодина Светлана Игоревна (Рига, Латвия) — магистр филологии, аспирантка (PhD) отделения русистики и славистики факультета гуманитарных наук Латвийского университета. E-mail: spogodina@inbox.lv

Семенов Александр Михайлович (Иваново, Россия) — кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Ивановского областного краеведческого общества, заместитель начальника информационно-аналитического управления Администрации города Иванова. E-mail: smi@ivgoradm.ru

Строганов Михаил Викторович (Тверь, Россия) — доктор филологических наук, профессор Тверского государственного университета, директор Научно-исследовательского центра тверского краеведения и этнографии. E-mail: mistro@rambler.ru